

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общая тетрадь

Москва 2012

Общественно-политическое издание
Выходит раз в квартал
Наш электронный адрес:
e-mail: mmps@mmps.su
[http: //www.mmps.su](http://www.mmps.su)

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский
Е.В. Барабанов
Р. Брейтвейт (Великобритания)
И.М. Бусыгина
С.А. Васильев
Н.В. Злобин
М. Мертез (ФРГ)
С.В. Мошкин
Е.М. Немировская
Д. Пинто (Франция)
Б. Рубл (США)
В.А. Рыжков
Ю.П. Сенокосов
А.Ю. Согомонов
А. Хиль-Роблес (Испания)
Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*

Ответственный секретарь: *С.А. Максимов*

Художественный редактор: *Людмила Иванова*

Верстка: *Валерия Козак*

Фото: *О. Начинкин*

*Издание этого номера журнала осуществлено при поддержке
Института «Открытое общество» (НЕСР), Стокгольмского института
переходной экономики (SITE), Фонда Чарльза Стюарта Мотта,
группы компаний «Рольф».*

Содержание

№ 4 (60) 2012

Праздник свободы
Элина Печонова
Юлия Счастливецва 5

Семинар

Россия в мире перемен 7
Сергей Караганов
Дискуссия 15

Тема номера

СМИ: Парадоксы модернизации
Сильви Кофман 22

Точка зрения

Векторы политической системы России 28
Борис Макаренко

«Арабская весна»: краткий конспект 36
Леонид Исаев

Возвращение веры: секуляризация как обратимый процесс 42
Андрей Захаров

Гражданское общество

Гражданское образование в истории западной философии 48
Александр Согомонов

Глобальная гражданственность 56
Хакан Алтинтай

Идеи и понятия

Гражданская культура и баланс демократической системы 64
Сергей Большаков

Горизонты понимания

Вот такая диалектика... 70
Александр Волков

Мнение социолога

Социология для России 76
Леонид Седов

Наш анонс

Потерянное десятилетие 81
Владислав Иноземцев

Книги

Тоталитаризм на экспорт 94
Андрей Захаров

Региональное книжное обозрение 96
Юлия Лебедева

Контрапункт 100
Владимир Рыжков

Nota bene

Макулатура. Бесплезная власть итальянских журналистов 108
Джампаоло Панса

Из дневников: весна 1957 года в СССР 117
Ричард Пайнс

В оформлении этого номера журнала использованы работы авторов из Великобритании, Испании, Италии, США, Франции

Праздник свободы

Свобода не легка, как думают ее враги, клеветущие на нее, свобода трудна. Она есть тяжелое бремя. И люди легко отказываются от свободы, чтобы облегчить себя... Все в человеческой жизни должно пройти через свободу, через испытание свободы, через отвержение соблазнов свободы.

Н. Бердяев

В 1991 году на руинах СССР появилось новое государство, провозгласившее права и свободы человека своей высшей ценностью и главной обязанностью.

В этом году почти ровесница России Московская школа политических исследований отмечает юбилей.

За двадцать лет работы Школа стала востребованной интеллектуальной дискуссионной площадкой, подобия которой не было не только в России, но и за ее пределами. Сегодня ее национальные аналоги действуют в Азербайджане, Армении, Болгарии, Грузии, Молдове, Румынии, Сербии, Украине, Хорватии и других странах. Поэтому вполне естественно, что мероприятия в честь юбилея растянулись в пространстве и времени, стартовав в Голицыно на ноябрьском семинаре для выпускников и достигнув кульминации на семинаре в британском парламенте, где на протяжении веков формировались демократические принципы, нормы и процедуры принятия решений.

Парламентский семинар открыл один из известных английских политиков **лорд Мандельсон**. Темой сессии стали вызовы, стоящие перед сегодняшней Европой: в 2012 году эта тема лейтмотивом прошла через все федеральные семинары МШПИ. По мнению лорда Мандельсона, Европа погрузилась в комплексный кризис: экономический, политический и кризис идентификации. Преодоление политического кризиса возможно при условии дальнейшего сближения и углубления интеграции стран Европы, с одной стороны, и сохранения национального своеобразия государств — с другой.

Другой британский политик, экс-министр иностранных дел Великобритании, член парламента **Дэвид Милибэнд** также высказался в поддержку Евросоюза просто потому, что «легче жить, когда мы вместе». «Однако Европу ждут непростые пять лет. Были экономические ошибки, которые имеют последствия», — считает он.

Генеральный директор одной из крупнейших в мире исследовательских организаций Ipsos-MORI **Бен Пейдж** сосредоточился на феномене глобального недоверия к политическим процессам в мире, что ставит под вопрос эффективность представительной формы демократии.

Представителей нескольких поколений выпускников Школы и ее экспертов принял спикер палаты общин Парламента Великобритании Джон Беркоу

Между тем завоевать доверие избирателей, по его словам, просто — нужно исполнять обещания.

Вечером того же дня на приеме в честь Школы в резиденции спикера палаты общин **Джона Беркоу** собрались представители нескольких поколений выпускников Школы и ее эксперты. В приветственном слове Дж. Беркоу отметил: «Я всесторонне поддерживаю деятельность Московской школы политических исследований. За двадцать лет Школа претворила в жизнь сотни гражданских проектов. Важно, что Школа воспитывает приверженность демократическим ценностям».

Председатель Международного попечительского совета Школы, редактор «Файнэншл таймс» **Джон Ллойд** считает, что «...основатели Школы Елена и Юрий обладают умением вести всесторонний глубокий диалог, главной идеей которого является формирование гражданского общества. Они не остаются в стороне от важных для страны вопросов и работают вместе над созданием необходимых условий для их обсуждения. Елена всегда находит выход из сложной ситуации. И сегодня мы желаем ей успеха!».

Баронесса **Ширли Уильямс**, давний друг Школы, так оценивает ее роль: «Школа в широком понимании остается маяком личной свободы для многих, кто с нею знаком. Я вижу, как на сессиях молодые люди из регионов России с 9 утра до 10 вечера погружаются в атмосферу знаний, и это впечатляет. Слушатели испытывают гордость, когда начинают отличать правду от лжи».

Столь же краткой была Елена Немировская, которая сказала: «Школе исполняется двадцать лет. И я хочу выразить искреннюю благодарность присутствующим».

щим и не присутствующим здесь выпускникам и экспертам и всем тем, благодаря кому Школа стала реальностью. За эти годы сертификаты Московской школы политических исследований получили 15 тысяч человек.

У них разные политические взгляды и убеждения, но все они едины в поддержке развития гражданского общества и демократизации своей страны.

Школа родилась и развивалась одновременно с моей страной. Сегодня перед МШПИ стоит много вызовов, но мне хотелось бы думать, что в этот сложный для нас период Школе удастся сохранить свои основы как в плоскости общественного развития, так и на личном уровне».

Вторая часть семинара прошла в университетском городе Кембридже в общении с местным академическим сообществом и завершилась прекрасной прогулкой по реке Кам на лодках.

Осенние семинары вместе с торжествами в Голицыно и в Лондоне не подводят черту под юбилейными и рабочими мероприятиями Школы. Праздник и испытание свободой продолжаются...

Элина Печонова
(г. Нальчик),
Юлия Счастливецва
(г. Магнитогорск),
выпускники Школы

*Сергей Караганов,
декан факультета мировой
экономики и мировой
политики Национального
исследовательского
университета «Высшая
школа экономики»*

*Россия в мире перемен**

Многое из того, что происходит в мире, не укладывается ни в какие рамки: ни либеральные, ни антилиберальные. Мир пришел в совершенно сумасшедшее состояние. Об этом я и буду вам рассказывать, сконцентрировав внимание на полутора десятках пунктов, которые более или менее связаны друг с другом.

Первое. Что происходит в мире вокруг России? Самое быстрое в истории человечества перераспределение сил. Плюс политическая и информационная революция. Причем все меняется так быстро, что люди не успевают за событиями и не могут понять, что происходит. Но человек высокоприспособляем, как мы знаем. Поэтому пока мы не видим значимых признаков массового стресса, но они накапливаются.

Аксиомы, которыми мы привыкли объяснять все, что происходит вокруг, быстро отмирают. Кроме самых простых: человеком движет голод, страх перед смертью, любовь. Хотя, по-моему, любовь все меньше. Рождаются новые объяснения и новые теории, которые вы, несомненно, видите в СМИ, в научных СМИ. Но объяснения, как правило, не работают. Информации каждые десять лет становится в десять раз больше. Люди не имеют возможности ни объяснить то, что происходит, ни освоить этот объем информации, он их сметает. И в этой ситуации (сейчас я уже говорю о некоторых более серьезных вещах и менее очевидных) люди вынуждены следовать скорее не доводам разума, а эмоциям.

Мне кажется, что век разума, то, что породило Евро-пу, век Просвещения, начинает уходить. И снова эмоции, уже на глобальном уровне, начинают все больше править миром. Возвращается через заднюю дверь религия или что-то похожее на религию. Люди хватаются за простые объяснения. Словом, происходит реидеологизация международных отношений. Не имея возможности объяснить толком происходящее, люди и страны извлекают какие-то объяснения из прошлого, поскольку других у них нет. И в прессе, и в экспертных кругах все пытаются объяснить старыми либеральными или

* Выступление на семинаре Школы в Голицыно 5 декабря 2012 г.

антилиберальными теориями. Скоро вернутся и левые объяснения.

Самый очевидный признак идеологизации — это обострение борьбы между демократией и авторитаризмом. Которая ничего не объясняет, но тем не менее все говорят об угрозе авторитаризма и крахе и ослаблении демократии. Вернусь к этому вопросу позже и объясню, почему это совершенно неудовлетворительное объяснение, это не значит, что я вам дам адекватное объяснение.

Не работают старые экономические рецепты, которые были выработаны на протяжении последних двухсот лет. Мы видим, как с экономическим кризисом, который превратился уже в длительный экономический спад и застой, пытаются бороться одновременно противоположными методами: как кейнсианскими, то есть поддержкой спроса за счет бюджета, так и ограничивающими государство монетаристскими. Совершенно очевидно, что элиты не знают, что делать, и действуют кто как может, часто руководствуясь политическими целями. Результат пока, по счастью, не катастрофичен, потому что все-таки чаще побеждает здравый смысл. Тем не менее очевидно, что прежние классические рецепты не помогают.

Конечно, самое важное, о чем нужно всегда помнить: не решаются, а только обостряются большие глобальные проблемы — изменение климата, состояние окружающей среды. Конечно, какие-то позитивные сдвиги происходят. Особенно это очевидно в Европе. Культура меняется в сторону большей экологичности, в сторону большей экономии энергии. Но реальные цифры показывают, что тем не менее количество выбросов увеличивается и в природе накапливаются явления, которые совершенно очевидно будут приводить к обострению экологического кризиса и климатических аномалий. Наблюдения

показывают, что никогда не было такого количества наводнений и цунами и других неприятностей, которые преследуют человечество в последнее время. Это уже совершенно очевидный результат. Я не говорю, что человечество погибнет. Но то, что эта проблема вообще не решается, что человечество отказывается эту проблему решать, очевидно. Оно не имеет силы и воли. Даже экологическая конвенция — Киотский договор — фактически погибла. Европейцы, которые взвалили на себя все обязательства по выполнению условий договора, больше не в состоянии это делать практически в одиночку. Договор погубили совместными усилиями американцы, китайцы, индийцы, да и русские тоже, хотя мы подписались под соответствующими документами в свое время.

Человечество пока не готово предложить себе альтернативный образ жизни. Благополучие значительной части человечества растет темпами, немыслимыми еще сотню лет назад. В XIX веке рост экономики был ничтожен. В двадцатом веке он составлял 2–3% в среднем в год. В силу целого ряда причин не стану тратить время на объяснение, это просто факт, с восьмидесятых годов экономика росла в среднем на 4–5% в год. Сейчас рост замедлился, но продолжается, составляя 3,5–4%. Люди хотят потреблять больше, есть вкуснее и больше, ездить на лучших машинах, жить в лучшем жилье. Потребление — главный смысл и критерий развития человечества. И, возможно, этой парадигме развития нет альтернативы, потому что страх перед смертью, любовь и голод по-прежнему движут людьми.

При этом происходит совершенно сумасшедшее, небывалое перераспределение потребления. Лет через пятнадцать большая часть мирового среднего класса будет жить в Азии. Вы можете представить, какие энергетические и клима-

тические сдвиги это вызовет? В Европе и Соединенных Штатах через пятнадцать лет будет жить примерно 40% мирового среднего класса. Безудержный рост потребления в целом пока ведет к опасной черте невозврата для состояния энергоресурсов и климата.

Еще одно новое грандиозное изменение, которое происходит на наших глазах, к которому человечество пока абсолютно не готово, — массовое старение человечества. На протяжении веков, вплоть до двадцатого века (мы знаем, конечно, о великих стариках, которые доживали до 70–80 лет), люди доживали в среднем лет до тридцати–пятидесяти. Сейчас же из-за позитивных изменений в качестве жизни: улучшения условий труда, питания, здравоохранения, из-за того что исчезли или успешно лечатся многие массовые болезни, даже в Африке происходит возрастание количества пожилого населения. Первое негативное последствие — проблемы социального обеспечения вышедших на пенсию людей. В нашей стране пенсионная система была рассчитана для населения, которое могло и не доживать до 55–60 лет. В развитых странах нормальная ожидаемая продолжительность жизни где-то 80 лет и будет расти. Как к этому приспособливаться, совершенно непонятно. Ясно, что это приведет к довольно крупным социальным изменениям, особенно в развитой части мира, которые мы пока не в состоянии оценить. Где, например, хотя бы брать средства для обеспечения социальной модели жизни, при которой к 2050 году лишь 57% европейцев будут в трудоспособном возрасте. Это будет абсолютно новый мир, изменится вся его структура, в том числе и мышление человечества.

А пока будут рушиться пенсионные системы, поскольку ни одна демократическая или полудемократическая страна не решается повысить пенсион-

ный возраст, кроме блистательного и смелого премьера Италии Марио Монти, которым я восхищаюсь как человеком выдающейся гражданской ответственности. Он решился поднять пенсионный возраст сразу до 66 лет для мужчин и постепенно до такого же возраста для женщин.

В России дальше дебатов дело пока не движется, хотя совершенно очевидно, что надо немедленно отодвигать пенсионный возраст до 65 лет как минимум. Нужно осознать наконец, что иначе пенсионная система рухнет, мы не сможем ее обеспечивать. Наши пенсионеры живут бедно, но зато долго. Зачем обеспечивать людям низкое качество жизни, если они могут еще достаточно долго работать за нормальные деньги? Но мы не решаемся тронуть пенсионный возраст как святыню. Почему это происходит — немножко позже.

Мир стал по-настоящему глобальным, и в результате этого развитые страны столкнулись с небывалой конкуренцией, которая неизбежно приведет к понижению жизненного уровня в Европе, по крайней мере процентов на 20–25. Проблема заключается в том, что в Европе (не потому что европейцы виноваты, а просто потому, что так сложилось) очень низкая конкурентоспособность экономики в результате того, что бизнес, средний класс в Индонезии, Китае, других странах Азии и Тихого океана готовы работать за гораздо меньшие деньги с той же самой эффективностью или даже с более высокой. А это, естественно, приведет к трансформации, ослаблению и частичному отмиранию социального государства. Катастрофы не будет, но мы увидим, что в ближайшие 10–15 лет развитые страны, и в частности наши европейские соседи, будут переживать трудные времена.

Люди вполне осознают дефицит и конечность многих природных ресурсов, готовы на многое, чтобы расходовать их экономнее. Однако дефицит пресной воды пока не стал феноменом массового осознания, он еще не очень понятен. Все обращают внимание прежде всего на районы Центральной Азии и страны Ближнего Востока, но самый большой дефицит воды — это, конечно, вся развивающаяся Азия. В том числе Китай, Индия и большинство других азиатских стран, где качественная вода находится в большом дефиците из-за загрязнения окружающей среды, использования огромного количества воды для промышленных и сельскохозяйственных нужд. Во многих регионах мира из-за дефицита воды падает производство продовольствия. Пресная вода становится жизненным ресурсом Земли, из-за которого люди уже реально воюют.

Следующая проблема — угроза реального сокращения производства углеводородных энергоносителей. Совершенно очевидно, что простое их замещение модным ныне сланцевым газом и тем более возобновляемыми или альтернативными источниками энергии не приведет к заметному уменьшению дефицита энергетических ресурсов. Часто имен-

но они становятся причиной политической и экономической борьбы в мире.

Ну и самое очевидное: мир наконец стал по-настоящему глобальным и требует мирового управления. Либералы всегда, со времен Монтескье, мечтали о мировом правительстве, о вселенском разуме. Консерваторы всегда искали жидомасонские, американские или коммунистические заговоры или тайные правительства. Никакого тайного правительства нет, управляемость падает. Оказались не правы и те и другие. Мировое правительство просто необходимо, но его нет. Все институты — от G8 до G20 — слабеют или в лучшем случае превращаются в места для приятных разговоров.

И тут я подхожу к главной констатации. Мне кажется, самое главное противоречие современного человечества — противоречие между глобализацией мира и деглобализацией управления. Международные институты слабеют. Национальные государства пытаются что-то взять в свои руки, но они тоже ослабли, не справляются с проблемами даже внутри своих стран, потому что из-под их влияния ушла информация, часть экономики, политики, суверенитета. Это противоречие наверняка каким-то образом можно разрешить.

Но пока оно в должной степени не осознано.

В принципе если собрать все проблемы и противоречия, которые я назвал, то никогда не было в истории человечества ситуации, которая больше походила бы на предвоенную. В этом смысле 1914 год — просто смех. 1939 год был очевиден, потому что, к сожалению, под европейскую политику была заложена бомба в виде Версальского мирного договора. В 1914 году сложилась ситуация, которая случайно привела к войне. Сейчас ситуация гораздо более предвоенная, но войны не будет, хотя, вероятно, многие хотели бы, чтобы какая-то война списала все нерешенные проблемы.

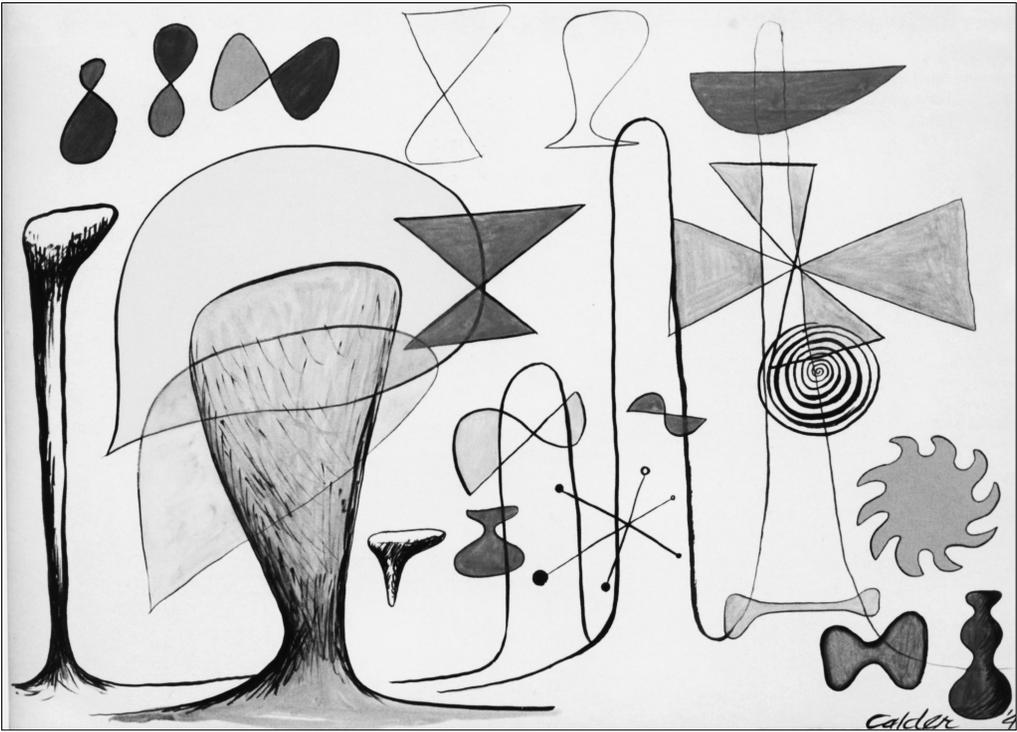
Человечество, конечно, не поумнело. Оно, наверное, никогда и не поумнеет. Но существует ядерное оружие. Человечество, которое не верит в потусторонний ад, знает, что ад его может ожидать на земле, если оно переступит определенный порог. Оно видело ад: японцы пострадали за всех нас. Поэтому все страны, особенно крупные и ядерные, даже применяя вооруженную силу, понимают, что определенный барьер перейти нельзя. Ядерное оружие, которое внушает мистический ужас, является гарантией того, что человечество будет существовать.

Но вернусь к идеологии. Все чаще интеллектуалы, политики, левые силы с тревогой или иными чувствами говорят о кризисе демократии в мире. Особенно сильна паника в Европе. Это абсолютная ложь. Демократия побеждает, но побеждает особенным способом. Никогда в истории человечество не было столь открытым. Никогда такие массы людей не имели возможности настолько влиять на мир. Происходит это, конечно, в первую очередь благодаря информационной революции, которая делает невозможным прежний

контроль масс населения. Во всех странах мира, кроме, может быть, Северной Кореи, катится волна демократизации. Она, кстати, не миновала и Россию, хотя многие говорят, что где-то что-то поджали и отжали. На самом деле волна у нас идет по нарастающей. Почему же говорят, что демократия в кризисе? Это имеет несколько объяснений.

Первое. Новые демократии не обязательно становятся прозападными, как страны Центральной и Восточной Европы, которым были предложены очень выгодные условия для присоединения к сообществу развитых демократических государств. Индия — не прозападная демократия. А уж государства Арабского Востока настолько непрозападные, что дальше некуда. Здесь верх одерживают накопленные веками антизападные настроения толпы и антиизраильские, накопленные за последние пятьдесят лет. Демократию тут надо понимать скорее как противопоставление тирании, деспотии, чем реализацию народовластия.

Во-вторых, сама западная демократия вынуждена будет дрейфовать к состоянию примерно 1950-х годов. Тогда общество было далеко не столь демократичным, как в позднейшие времена. Очень грубо говоря, Запад будет двигаться в сторону авторитарной демократии, закрытости общества. Это уже начинает происходить. Во Франции это будет в чем-то похоже на режим де Голля. В Германии в 50–60-е годы еще существеннее были ограничены многие демократические свободы, как, собственно, и в Соединенных Штатах Америки. Вы скажете, что это откат от демократии. Может быть. А может быть, это приспособление к изменившимся условиям. Так бывало в истории человечества. Хотя, естественно, живем мы сейчас, и совсем не хочется отдавать свободы, которые уже

Александр Кальдер. Без названия. 1942

есть. А для России это и вовсе неприятно. Потому что здесь не вышло построить такую демократию, как в Европе. А если уж там начнется процесс отката... Нас очень злит, когда разгоняют Болотную. Но мы видим и как лупят на демонстрациях безработных в Испании, а их там более 25%... Мы не можем быть демократической страной, учитывая наш уровень развития — социальный, экономический, политический, наше прошлое. Для этого нам нужно преодолеть страшную травму коммунизма, когда убивали веру, когда убивали достоинство, когда убивали лучших, думали за нас и решали. И это внутри нас. Это мы должны потихонечку в себе преодолеть и стать более сильными, чтобы стать более демократичными. Я вас уверяю, что если сейчас вдруг Путин скажет: давайте-ка на полную включим демократию, то выйдут-то 90-е годы или, может быть, чуть получше, чем в 90-е.

Я видел, как трепало интеллектуалов, к которым я принадлежал, которые были, может быть, даже более образованными, но чуть менее энергичными и сильными, чем я... Мы растеряли тогда огромное количество лучших людей, огромное количество мозгов... Сейчас в мире ведется очень интересная дискуссия. Выясняется, что демократия — это не конец истории, что есть всякие варианты. И вообще для каждой страны есть множество путей развития. Демократия не всегда есть прогресс, равно как и авторитаризм далеко не всегда регресс. Довольно много африканских авторитарных государств, от которых мы в ужасе. Но мы знаем и пример Украины. Украина вошла в 1991 год, имея ВВП на душу населения в два раза больше, чем Белоруссия. А сейчас этот показатель здесь в два раза меньше, чем в Белоруссии. Авторитарный Китай развивается несравненно быстрее, чем намного более демократическая Индия, где очень

неэффективная система управления. А рядом демократический Бангладеш на грани человеческой катастрофы.

Как чувствует себя Россия в этом раскладе? Пока нам фантастически везет. В мире растет потребление сырья, энергии — это нам на руку. Уже ощущается дефицит продовольствия — нам на руку: мы можем производить в 2,5 раза больше продовольствия, лет за 5 можем нарастить. Дефицит воды — на руку. Сильный Китай — пока на руку. Потому что он нам дает разные возможности для маневрирования в политической игре. Наши старые соперники слабеют. Это нам опять же на руку. У нас жесткая дипломатия, способная работать в условиях, когда возвращается геополитика. И наконец, нам никто не угрожает! Потрясающее ощущение для России, которая вообще формировалась на идее противостояния внешней угрозе. Это было нашей национальной идеей тысячу лет. Тысячу лет только и делали, что оборонялись от внешнего врага. И тут вдруг никто не угрожает. Это даже воспринимается как вызов идентичности. Но проблемы накапливаются...

Главная проблема заключается в том, что Россия легла в дрейф. Мы не знаем, куда двигаться. Нам везет, у нас много денег, это нефтегазовые доходы. Конечно, экономика чуть-чуть растет за счет импорта технологий, но мы мало что производим. Правящая группировка режет нефтяной пирог и получает от этого огромное удовольствие. Интеллигенция и креативный класс получают кусочки от этого пирога, фрондируют и получают от этого огромное удовольствие. Простой народ получает крошки от этого пирога. Но эти крошки настолько больше, чем те, к которым он привык за двадцатый век, что он, в общем, пока доволен. И мы все кайфуем. А это очень опасно. Потому

что в том мире, который я сейчас обрисовал, так расслабляться, как мы расслабились в последние четыре-пять лет, недопустимо.

Выйдем ли мы из дрейфа, зависит только от нас. Потому что внешний мир нас подталкивать к этому жестко не будет. Нам нужна новая единая, проговоренная основными элитами цель. Мы должны понять, что мы есть, кем мы хотим быть. С моей точки зрения, для нас главное — образование, культура, может быть, наука и ВПК как область научно-конструкторских разработок. У нас есть наука, есть довольно хорошие мозги, у нас образованные люди. Но мы до сих пор являемся страной, которая кроме нефти вывозит еще довольно качественных людей и деньги. Это выдающийся результат! Если мы продолжим идти по такому пути, то просматриваются два типа развития. Первый — мы перестаем быть великой державой, становимся сателлитом не Европы, а Китая. Это еще не катастрофа, но большая неприятность. Это если цены на нефть держатся на приличном уровне, а мы ничего делать не начнем.

Если цены на нефть валяются, что тоже возможно, то весьма вероятен второй тип развития — жесткое авторитарное правление, тотальный контроль над ресурсами, рacionamento и т.д. Соответственно, остатки денег полетят за границу, туда же побегут и люди. При таком сценарии у нас также есть шанс выйти из катастрофы, но все может закончиться печально.

Но тем не менее я оптимист. Мы столько раз выбирались из катастроф, что не будем впадать в истерику. Однако если в ближайшие три-пять лет не выработаем единой цели движения и не станем последовательно и твердо ее реализовывать, то, боюсь, в лучшем случае нас ожидает первый сценарий, а в худшем — второй.

Дискуссия

Антон Инюшев, корреспондент газеты «Улица Московская», Пензенская область:

— Сергей Александрович, в вашем обзоре больше вопросов, чем ответов. Мы не знаем, куда движется человечество. При этом возрождаются идеологии, эмоции начинают довлеть над разумом. Не придут ли новые лидеры, которые оседлают эмоции, адаптируют старые идеологии, не появится ли новый Гитлер, который станет бороться за чистоту арийской расы, не появится ли новый Сталин, который начнет нашу страну поднимать с помощью какой-нибудь коллективизации?

Сергей Караганов:

— В современном информационном мире появление новых тоталитарных режимов и тоталитарных идеологий, скорее всего, невозможно. Но движение в этом направлении, усиление массовых расистских настроений, появление новых левых возможно. Думаю, что это одна из тех угроз, с которыми нужно будет бороться. Когда я говорил, что неизбежен некоторый дрейф к авторитарной демократии, я как раз исходил из того, что в чистом виде демократия не способна бороться с подобного рода тоталитарными идеологиями, придется бороться жестче. Я не жду ни Гитлера, ни Сталина. Но все-таки мы должны помнить, что коммунизм удалось импортировать к нам после демократической революции февраля 1917 года. А Гитлер пришел к власти просто совсем демократическим путем. Поэто-му я и считаю, что в нынешнем, гораздо более сложном мире усиление неких авторитарных компонентов без отмены институтов и процедур демократии будет ответом на угрозы, о которых вы говорите.

Вели Мехтиев, член политсовета Республиканской партии России, Дагестан:

— Вы заговорили о том, что сейчас в политике рационализм уступает эмоциям и, может быть, излишней религиозности, и что это может привести к некоторой разбалансировке сил в мире. Большой войны не будет, но возможны локальные конфликты, которые будут раскачивать баланс в мире.

И второе. Вы говорили о Китае. Китайский дракон, азиатские тигры, центр силы перетекает в Азию. Чего ждать России? Станет ли она азиатским сателлитом или же сохранит свою идентичность? Потому что в идеях не видно развития, а есть только регресс. Ваш прогноз, объясните, пожалуйста.

Сергей Караганов:

— Если будем болтаться, как известно что, в проруби, то будем сателлитами. А если соберемся, то не будем. Потому что Китай нас не собирается покорять, не собирается нас завоевывать. Мы ему нужны в качестве тыла в противостоянии с США. Но если мы будем слабеть и

слабеть, то объективно будет происходить то, что называется финляндизацией, — медленный процесс приспособления.

А теперь по конфликтам. Я не стал говорить об этом. Можете посмотреть статью на моем сайте. По-моему, месяц назад я ее опубликовал. Абсолютная неизбежность — серия войн на Большом Ближнем Востоке, который прямо примыкает к региону нашего Кавказа. Причин довольно много. Обозначу три причины. Современные мусульманские страны в целом не способны эффективно конкурировать с Западом. При этом, на-помню, в XII—XIV веках эти страны смотрели на Европу с пренебрежением, потому что все великие изобретения, вплоть до алкоголя, были сделаны в исламских государствах. А Европа на протяжении почти тысячелетия была в упадке. Сейчас в силу ряда причин исламский мир отстает. На это налагается информационная экспансия западных ценностей, которая вызывает огромное раздражение в исламском мире. Вторая причина — откат светских режимов в мусульманских странах, переживших «арабскую весну». Светские режимы разрушаются, и они будут рушиться один за другим. А на смену им идут демодернизаторские, традиционалистские режимы. И третья причина — это ошибки, которые были сделаны в первую очередь американцами, когда они нарушили баланс между шиитами и суннитами. А точнее, между Саудовской Аравией и Ираном. Когда они вторглись в Ирак, то тем самым усилили Иран. Одно-временно происходил процесс перекачивания денег в суннитские монархии Персидского залива. А они, в свою очередь, финансировали идеологических соратников в Египте, Сирии и других странах. Так началась серия конфликтов, и конца этим конфликтам не видно. В какой-то мере это, конечно, касается и нас. Но есть некоторая позитивная динамика в этом процессе. Когда заканчивалась иракская война, то многие эксперты опасались, что выросший там террористический интернационал в количестве нескольких десятков тысяч человек хлынет к нам на Кавказ. Но он хлынул сейчас в Сирию. А если в регионе будет много войн, то пускай они там и сидят. Это является одной из причин, почему мы спокойно смотрим на эту ситуацию. Никто ничего там сделать не может, потому что там идет гражданская война, да еще поддерживаемая извне. Кто когда мог остановить гражданскую войну в Сирии? Напомню вам, что когда-то в Сирии правили сунниты, до 60-х годов. Там было вообще рабовладение. Христиане и многие другие находились де-факто в рабстве. Но суннитская буржуазная верхушка от лениости упустила власть, потому что она не хотела служить в армии, отдав ее алавитам и христианам. А те им и устроили. В общем, там 250 тысяч проблем, и они неразрешимы.

Но, повторяю, ситуация такова, что я думаю, что по крайней мере мы будем балансировать, чтобы не стать уязвимыми. Поэтому мы не хотим портить отношения с Ираном. Потому что Иран, как вы знаете, тоже был весьма конструктивен во время чеченской войны. И до сих пор не оказывает никакого дестабилизирующего влияния на наши южные регионы, и на Кавказ, и на Среднюю Азию. Поэтому мы стараемся аккуратно балансировать. Здесь дипломатия старого типа играет доста-

точно эффективно. Хотя, конечно, мы понимаем, что с нашими европейскими друзьями мы немножко расходимся. Но наши европейские друзья иногда делают неразумные вещи. Но все мы люди.

Ольга Захарова, заместитель главного редактора газеты «Орловский вестник», Орловская область:

— Спасибо большое, Сергей Александрович, за несколько пессимистичный, как мне показалось, но очень поучительный рассказ. Толику оптимизма добавила ваша констатация, что в России сейчас происходит процесс демократизации, что, конечно, отрадно слышать. Как можно охарактеризовать политический режим, при котором мы сейчас существуем?

Сергей Караганов:

— У нас мягкий авторитарный режим, или, если угодно, управляемая демократия... Просвещенный, но, к сожалению, не модернизационный режим. Он был модернизационным до 2006 года, но потом перестал быть таковым. Вот и все. Нечего себе пудрить мозги. Но у нас растет образованность, происходит активизация людей, они выходят на улицу, расширяется доступ к огромным массивам информации. У нас мягкая, достаточно гуманная форма авторитаризма с элементами демократии. Когда все говорили о модернизации, меня это просто убивало. Потому что предыдущие четыре года у нас не было никакой модернизации и никакого политического движения. Мы просто сладко ворковали о том, как у нас все хорошо будет. Но ничего не происходило. Конечно, нынешний режим сейчас, как вы понимаете, обеспокоен движениями прошлой зимы. И понимает, что будут еще социальные взрывы и социальные проблемы. И они решили немножко подтянуть гайки. Но пока меня это не очень беспокоит. Мне это не очень приятно, но это жизнь.

Алексей Андреев, директор редакции газеты «Северная правда», г. Кострома

— В глобальном мире мышление меняется в сторону экологичности в связи с аварией на АЭС в Японии. Но у нас свой путь, как всегда. И в Костромской области тоже. У нас сейчас стоит проблема строительства атомной станции. У нас был референдум, и население области выразилось категорически против этого. Результаты референдума были отменены. Вопрос вот в чем. У нас в последнее время есть тренд к переходу от экологичности к экономической целесообразности. Ряд политических лидеров, не являясь, так сказать, платными агитаторами Росатома, выступают с этих позиций за строительство атомной станции. И сегодня у нас на территории региона общественное мнение очень постепенно, но неуклонно склоняется к тому, что атомную станцию строить надо. Вопрос такой: в чем фундаментальная причина, которая заставляет нас строить АЭС, — дефицит энергии или что-то еще?

Сергей Караганов:

— Это огромная проблема для всего человечества. Атомная энергетика самая экологичная, но опасная. Но когда мы говорим о ветряках, это

ведь обман, что это самый экологичный способ производства энергии. Если прикинуть, сколько они стоят при производстве и сколько стоит их поддерживать, то выясняется, что для производства ветряков уходит такое количество энергии и всего остального, что мало не покажется. Хотя, когда они работают, это очень чистая и безопасная энергия. Атомная энергия — это выбор людей. Вот во Франции выбор людей такой. Немцы сделали выбор против атомной энергии. Потом канцлер ФРГ и ее группа попытались повернуть Германию обратно к ядерной энергии. И это заняло от пяти до шести лет. И там дело шло к тому, чтобы возродить строительство ядерных станций. Но Фукусима убила ядерную энергию на территории Германии и остальной Европы, насколько я понимаю. Это такой тяжелый урок.

Что это означает с точки зрения Костромской области? Ну, каждому из нас нужно этот вопрос решать. Будем ли мы себя обманывать? Я не являюсь сторонником ядерной энергии, я являюсь сторонником сохранения ядерного оружия в любом случае. Просто для того, чтобы над человечеством висел дамоклов меч. Но если бы я голосовал в Костроме, я бы, наверное, голосовал «за». Но мне хорошо, я далеко от Костромы. Но это опять же, повторяю, зная довольно хорошо экономику этой проблемы. И зная довольно хорошо, что Костромская область находится далеко от регионов, где существует опасность наводнений или сейсмических потрясений. И сегодняшние ядерные реакторы более надежные. Но, повторяю, проблема безопасности всегда будет сохраняться.

Сильви Кофман, *главный редактор газеты Monde (Франция):*

— Вы сказали, что мир, может быть, движется в направлении авторитарной демократии. И это движение ослабит демократию в западных обществах. Я не так это вижу. Мне кажется, что демократия, конечно, не идеальна, но мы пока не видим никакой альтернативы, мы не нашли ее. Вообще-то в остальных ваших оценках я согласна по поводу катаклизмов в мире. Если говорить об «арабской весне», то идет мощная борьба между различными мусульманскими силами в Египте и в Индонезии. Это не революционные силы, но тем не менее они пришли к власти с помощью демократических выборов. Либеральные и демократические силы тоже сражаются. И это то, что мы также наблюдаем сегодня в Египте. И все это очень сложно, потому что силы старого режима объединяются с либеральными и демократическими силами в некоторых случаях. И мы не знаем, каков будет результат. Но мне кажется, что демократический драйв вполне жив и борется.

Посмотрите на Китай — классический пример авторитарного режима. Но средний класс, который растет благодаря экономическому росту, ведет борьбу за ценности, которые, с моей точки зрения, являются вполне демократическими. Кто победит, мы не знаем. Может быть, и стабильный авторитарный режим в Китае возобладает. А может быть, через 10–20 лет, я не знаю, мы столкнемся с демократическим обществом.

Демократия сейчас в некотором хаосе. Об этом говорил президент Обама несколько недель тому назад. Он говорил, что демократия сейчас

не всем может быть приятна, она может быть суматошна. И так оно и есть. Но по крайней мере западные общества открыты. У нас есть большие проблемы, есть проблемы управления в Вашингтоне, проблемы между правительством и конгрессом. Все это сложно. В Европейском союзе тоже есть проблемы. Но мы не хотим меньше демократии, мы хотим только больше демократии. Некоторые институты должны адаптироваться и приспособиться к великому разнообразию мира.

Я думаю, что мы не ставим под сомнение саму эту модель. Авторитарная демократия — это некий оксюморон. И во времена де Голля во Франции все же была демократия. Конечно, де Голль был очень сильным человеком. И мы перестраивали наше общество и нашу экономику. И это был человек своего времени. И когда в 68-м были известные волнения, или назовите это революцией... По крайней мере, общество выразило желание избавиться от этой сильной руки. Он демократичным путем ушел. Был организован референдум по поводу сокращения полномочий местной власти и сената. Вопрос не касался напрямую президента. Однако Франция сказала «нет» по вопросу референдума, и этого было достаточно, чтобы де Голль покинул Елисейский дворец. У нас были президентские выборы, был выбран следующий президент. Если это и есть авторитарная демократия, то это прекрасно. Это сильный президентский режим. Вот что я хотела сказать.

Сергей Караганов:

— Все, что вы сказали, было потрясающей иллюстрацией к сказанному мною. Я говорил о том, что идет реидеологизация мира. Сильви пошла в бой за демократию. Более того, я сказал, чего Сильви, видимо, не услышала, что демократия во всем мире побеждает, но вот Запад проигрывает. Это первое.

А второе, я не сказал, что демократия умрет. Даже Китай становится все более демократичным. Хотя не дай бог, чтобы Китай когда-нибудь стал демократией. Если Китай станет демократией, то у нас из-под контроля вырвется 1,4 или 1,5 миллиарда людей. И что в результате этого произойдет в мире, мы не знаем. Это не нужно. У этих полутора миллиардов людей есть очень мощная традиция бунтов и внутренних войн.

Тем не менее я говорю о том, что демократии с такими степенями свободы, к которым Европа пришла к началу нынешнего века, придется немножко ограничить. Вот и все. Нужно будет включить регуляторы. Я уверен, что европейцы не откажутся от демократии. Но когда мне говорят, что там будет больше демократии, то это ложь. Просто они лгут сами себе, говоря о большей демократии. Не может быть больше демократии в такой острой социальной ситуации, это против человеческой природы. Нужна большая управляемость, а значит, придется прибегать к недемократическим процедурам.

Ведь раньше немислимо было поднять почти на десять лет пенсионный возраст в Италии. Но многие люди понимают, что приходится идти на ограничения. Это тренд.

Поэтому просто будет другая форма демократии. Она будет более авторитарной, более голлистской, более тэтчеровской. Вспомните, как в период правления Тэтчер давили массовые забастовки угольщи-

ков. Сейчас такое немислимо, а скоро снова станет возможным. Потому что с такой безработицей, с падением уровня жизни невозможно будет бороться другими способами.

Но в чем с Сильви я не соглашусь, так это, конечно же, в связи с проблемой реидеологизации нашего взгляда на мир, особенно у наших европейских друзей. Они оценивают то, что происходит на Арабском Востоке, как демократизацию. А по мне, это охлократизация, исламизация и деградация. Напомню, что там было. Нас всех обманывали, что на площадь Тахрир все приходили по сигналу с Фейсбука. В Египте же было самое низкое покрытие сетями во всей Африке — примерно 1,2%. Там действительно была либеральная интеллигенция, которая пошла на Тахрир. Но на Тахрир пошла — и это главное, просто наши друзья почему-то не хотели об этом знать — не только либеральная интеллигенция, а пошла и голодная масса, которая к тому же подкармливалась Аль-Джазирой и другими суннитскими средствами массовой информации. До Тахрира египетское правительство имело возможность подкармливать несколько десятков миллионов людей субсидированными лепешками. Хлеб давали почти бесплатно. За полгода до Тахрира эта возможность прекратилась. Это было связано, как ни парадоксально, опять же с глобальным миром. Помните, у нас засуха два года назад была? Основным поставщиком хлеба в Египет были мы. И одной из причин поднятия цен на хлеб в Египте стало то, что мы перестали его поставлять. Там произошел взрыв негодования голодных людей против власти. А исламисты оседали ситуацию — эта технология стара, как мир. Конечно, можно обманывать себя сколько угодно, говорить, что идет борьба за демократию. Но то, что там происходит сейчас, это исламская радикализация устройства общества, введение шариата и так далее. А наши европейские друзья в порыве демократического экстаза все это поддерживают. С другой стороны, мы видим действительно либеральную интеллигенцию, которая теряет позиции, и бывших мубаракцев. Думаю, что бывшие мубаракцы и либералы проиграют. Напоминаю, что Мубарак был ближайшим другом Запада; он был относительно просвещенным, хоть и очень вороватым диктатором. И там было светское государство. Светское государство было и в Сирии. Так вот, не будет в Сирии светского государства, если там вообще когда-нибудь закончится гражданская война. И не будет светского государства в Египте. И это очень плохо. А оно, между прочим, там было уже почти столетие. Поэтому здесь как раз, как мне кажется, мы видим отступление цивилизации.

Повторяю: демократия, права людей, способность людей воздействовать на окружение в мире усиливается и расширяется. Демократия является как бы волной будущего. Это очень сложно, но мы живем в глобальном мире, где все очень сложно. И когда я говорил про реидеологизацию, то не думал, что Сильви так сильно подтвердит мои слова.

Елена Немировская

— Так или иначе, демократизация — это процесс, и мы это видим везде. Но это не значит, что Россия, или Китай, или страны Африки должны следовать обязательно западной модели демократии.

Национальные особенности присутствуют и в странах с развитой демократией в разных частях мира, включая Европу. Важно здесь то, что через демократизацию строится правовое государство, что бы мы ни говорили о кризисе демократии в Европе, но все-таки здесь существует независимый суд. Все-таки в каком-то виде существуют права меньшинств. Существует свободная пресса. И существует легальная оппозиция, которая нужна победившей партии для того, чтобы легитимировать итоги выборов и корректировать политику правящей партии.

Сергей Караганов:

— Я добавлю. Во-первых, я совершенно со всем согласен. Во-вторых, мы понимаем, что про иностранных агентов — это совершенный идиотизм. Это такая как бы игра в кошки-мышки, кстати говоря, вполне грустная.

Но я скажу о том, что нужно людям: нужно благосостояние, нужна свобода. Демократия — один из способов обеспечения этого. Без нее не получается. Но это один из способов, один из инструментов. И вот то, что Лена сказала про суд, очень важно. Без права здесь вообще ничего не будет. Если бы я был Господом Богом и меня спросили, что я дал бы России, то это была бы судебная реформа. Мы развивались быстро и в нелучшие годы монархии, а тем более когда цари снисходили до реформ. Александр II дал нам судебную реформу, крестьянскую, земскую и др. Главная проблема России в том, что у нас собственность нелегитимна до сих пор. Извините, что я отошел от проблем международных к проблемам внутренним. Но вся политическая борьба в конечном счете ведется за собственность, потому что собственность не легитимна. Во Франции после революции собственность перераспределилась и стала легитимной. Но это был огромный путь.

Вся беда в том, что у нас власть оттолкнула думающий класс. А думающий класс с наслаждением стал фрондировать и ничего не делать. И вот Совет по внешней и оборонной политике решил, поскольку государство этим не занимается, выработать для России новую стратегию для обретения новой идентичности и новых целей. Потому что без этого бессмысленно что-либо делать. Мы думали, что можно сначала экономику построить. Но без идеологии мы ничего сделать не сможем. Я буду этим заниматься и десятки и сотни других людей. Может быть, и вы к нам примкнете. Государство, конечно, сделать этого уже не может. Но государство не виновато, оно такое, какое сложилось исторически. Вообще говоря, я в таком изумлении нахожусь от того, что после стольких катаклизмов мы сохранились как суверенная сущность. Да мы вообще не должны были выжить! Уму непостижимо, через что мы прошли! Нам нужно себя преодолеть и понять, что мы народ-победитель. Мы победили монгольское иго, мы победили поляков, мы победили французов. Мы победили самую великую армию всех времен и народов — самого великого полководца Наполеона, и мы победили Гитлера, победили коммунизм. Теперь остались мелочи какие-то. Чепуха осталась!

*Сильви Кофман,
главный редактор газеты
Monde (Франция)*

СМИ: парадоксы модернизации

В начале декабря этого года я была на похоронах. Необычные это были похороны, потому что это был мой директор, директор Monde. Ему было 58 лет, и умер он от инфаркта прямо в своем кабинете, после редакционного совещания. Все мы задавали себе вопрос: что же его убило? Говорили о давлении, под которым он находился: каждодневная работа, долгие часы, рынок, проблемы в отрасли, акционеры. Конечно, инфаркт может случиться с кем угодно. Но все-таки мы все думали о стрессе, который в нашей отрасли ощущается самым серьезным образом, особенно в печатных, традиционных средствах массовой информации.

Сейчас медиа меняются радикально. После того как Гуттенберг изобрел печатный станок, перемен такого масштаба не было. Каковы последствия этих глубочайших изменений? Разумеется, последствия носят экономический характер, но и политический тоже. Речь идет об устоявшейся, но не всегда хорошо функционирующей демократии. Поэтому медийный мир вовлечен не только в экономические, но и в политические процессы. Мы ведь не производим, скажем, электрические лампочки, трубы, машины. Мы производим информацию. А информация — это очень чувствительный продукт. Это важная часть общественной дискуссии и важнейшая часть демократии. Если нет нормальных условий для производства информации, нас ждут серьезные неприятности. Причем в любом обществе, при любом политическом режиме.

Как-то я прочитала колонку Билла Келлера, бывшего московского корреспондента газеты New York Times. Он был выпускающим редактором New York Times, возглавлял все издание. Его колонка называется «Важно быть там». Недавно он написал в ней об американских дипломатах, которые сейчас ограничены мерами безопасности в связи с терроризмом в ряде

стран. Посольства превращаются в крепости, в бункеры, откуда им трудно выходить и налаживать контакты с людьми тех стран, где они работают.

У иностранных корреспондентов нет таких жестких требований по безопасности, как у чиновников правительства, и они рискуют жизнью. Многих из них мы потеряли в последнее время, в частности, в Сирии. Но у проблемы присутствия корреспондента на месте событий есть и другая сторона — необходимость сокращать затраты на его работу, в том числе и на телевидении. Журналиста все труднее на долгое время посылать за границу. Многие большие новостные медиа на Западе закрыли свои иностранные бюро, потому что очень дорого держать в штате собственного корреспондента, а тем более целое бюро за рубежом.

Многие говорят, что не так уж и важно, что там за рубежом происходит, нужно писать о том, что творится у себя в стране.

В *Monde* я сражаюсь против этого. Название газеты означает мир. Материалы о мире — это часть нашего ДНК, нашей идентичности, иначе зачем так называться? Пока нам удается отстаивать объем наших иностранных материалов. Но тут идет постоянная битва. *New York Times* тоже держится, и еще несколько изданий пока смогли удержать своих иностранных корреспондентов. А многие сдались.

Келлер также написал в своей статье об одном реальном аспекте этой проблемы, связанном с Сьюзен Райс, которая должна была заменить Хилари Клинтон на посту госсекретаря в следующей администрации. Она не получила эту должность, потому что республиканское большинство в конгрессе критически оценило ее действия в связи с нападением на дипмиссию США в Бенгази и убийством посла Криса

Стивенса и еще нескольких сотрудников. В первом официальном объяснении во всем обвинили просто толпу горожан, которая была подогрета антиамериканскими настроениями, антиисламским фильмом. Однако расследование показало, что операция была осуществлена «Аль-Каидой», которая воспользовалась протестом и напала на американское посольство. Даже уважаемые информационные агентства — *BBC*, *New York Times*, *CNN* — сообщили, что это была именно протестующая толпа. Потом оказалось, что там совсем не было западных журналистов, и Сьюзен Райс была введена в заблуждение.

Этот пример достаточно характерный. Что еще происходит в сфере массовой информации? Два явления нужно отметить. Во-первых, разрушение бизнес-модели традиционных медийных средств. А во-вторых, разрушение этической модели.

Разрушение традиционной бизнес-модели происходит в течение уже более 10 лет в развитых западных странах, включая Америку. Происходит это из-за роста аудитории Интернета, бесплатных газет, которые просто раздаются в метро и существуют исключительно за счет рекламы. Наши доходы основаны на двух источниках: продаже и рекламе. Тиражи упали везде, кроме некоторых азиатских стран. Экономика там растет, средний класс тоже, и люди покупают газеты. Во всех остальных местах тиражи падают, мы теряем доходы от продаж. Это же относится и к зрителям телевизионных кабельных сетей. Второй источник дохода — реклама. Но она побежала в веб-ресурсы, на телевидение и в бесплатные газеты. Дефицит средств уничтожает прессу.

Мы тоже два года назад были на грани банкротства. Но во Франции никто не

Александр Кальдер. Маленький силач. 1960

мог смириться с тем, что Monde обанкротится и исчезнет. Поэтому три очень богатых человека объединили ресурсы, вложили деньги, и мы выжили. Словом, мы как-то приноравливаемся, адаптируемся, но это трудно. Я могу назвать знаменитые газеты, которые исчезли в бумажном виде, то есть они теперь существуют только в Сети: американские Christian Science Monitor, Rocky Mountains, журнал News

Week, версия Financial Times, во Франции Tribune может закрыться через несколько месяцев. То есть это постоянная борьба. Технологические изменения происходят очень быстро. И мы должны догонять время. Сначала нужно было приспособиться к Интернету. Мы все завели сайты и были этим очень довольны. Потом появились смартфоны, и оказалось, что наши сайты уже для них не хороши. Нужно

было что-то новое создавать. Мы адаптировали контент для смартфонов, и тут появились планшеты. Не знаю, что там появится дальше...

Есть, однако, то, что вселяет надежду: спрос на новости и на информацию не упал. Люди жаждут новостей, информации, комментариев, аналитики, каких-то отчетов, репортажей. Просто нужно использовать новые бизнес-технологии. Многие издания сейчас пытаются продавать информацию в электронном виде. Какой-то контент мы тоже выставляем в Сеть. Но ведь этот контент нужно создать, потратив на это средства, труд. Значит, нужно брать за это деньги. Но это работает неудовлетворительно, мы пока не нашли равновесную формулу, чтобы финансировать то, что производим, за счет доходов от Сети и вообще от цифрового продукта.

Существует такой парадокс. С одной стороны, благодаря Сети и планшетами мы получили большую аудиторию. Сейчас Monde читают во всем мире, все, кто владеет французским. Я надеюсь, что когда-то мы будем еще и переводиться на английский. Может быть, и на русский язык. Но мы доходим до людей и в Африке, и в Канаде, и все это в реальном времени. И все это, конечно, очень здорово. Сеть дала нам колоссальные возможности. Ведь как журналисты работали 20 лет назад? Я принадлежу к поколению, которое работало еще с телексом, через который мы посылали свои материалы. Это было медленно, там вечно что-то сбивалось. У нас не было мобильных телефонов. Все это кажется древней историей, хотя было совсем недавно.

Я не хочу сказать, что технология убила медиа. Неправильно так говорить. Конечно, медиа получили новые возможности, и наша работа замечательным образом преобразовалась. Но

если не найти новую бизнес-модель, то нас ждут большие проблемы.

Второе, о чем хотелось бы поговорить, это разрушение этической модели журналистики. Повод для такого разговора — недавний скандал в Соединенном Королевстве, связанный с прослушиванием телефонных разговоров таблоидными газетами, что привело к расследованию комиссией лорда Левесона, который в течение девяти месяцев проводил слушания. То, что было сделано желтой британской прессой, совершенно непозволительно. Широкая общественность настолько шокирована и потрясена, что британская общественность, безусловно, требует большей ответственности от так называемых баронов прессы. Поэтому реакция властей во многом отражает настроения избирателей. Отчет парламентской комиссии, который содержит около двух тысяч страниц, поистине иллюстрирует то тщание и усердие, с которыми расследование было проведено. Комиссия лорда Левесона предложила определенные ограничительные дополнения и изменения в законодательстве о СМИ. Пресса, конечно же, возражает против мер регулирования. Однако если оно и будет введено, то не коснется сетевых ресурсов, серверы которых находятся за пределами Великобритании. Если вы не зарегистрированы в Великобритании как новостная организация, а находитесь, например, во Франции, значит, закон к вам неприменим. Это несправедливо: люди, которые производят информацию в Сети или в социальных сетях, должны следовать тем же стандартам, что и профессиональные журналисты. Мне кажется, что правительство должно найти некий средний путь.

Другой чудовищный скандал связан с Би-би-си, компанией, которой я лич-

но восхищаюсь и которая всегда была для меня образцом. Однако, к сожалению, мы наблюдаем очень неприглядную историю. Одна из них связана со скончавшимся в прошлом году 84-летним знаменитым британским досуговым телеведущим, который, согласно определенным свидетельствам, казался или был педофилом и развратником. Несмотря на отсутствие документальных доказательств, следует говорить о достаточно веских косвенных свидетельствах в пользу этого факта. И одна из программ была, собственно, нацелена на раскрытие и обсуждение этой ситуации. Однако спустя несколько недель на той же программе были фактически озвучены обвинения в педофилии политика, притом что он педофилом никогда не был, что вновь вызвало большой резонанс. Как подобные истории могли произойти на Би-би-си?

Очевидно, что мы не будем заниматься подробными расследованиями. Можно говорить, это Великобритания, здесь такая культура, весьма агрессивная пресса. И то, чем занимаются таблоидные газеты типа британской Sun, недопустимо, например, в Америке и большинстве европейских стран. Подкуп полицейских, прослушка частных разговоров, включая разговоры членов королевской семьи, это все действительно скандальные истории. Но не следует зарекаться, что такое не может произойти где-нибудь еще.

Во втором инциденте с Би-би-си, когда был ложно обвинен политик, расследование было проведено не самим персоналом компании и журналистами, а посредством своего рода аутсорсинга, то есть внешним журналистским агентством. Возникает вопрос: почему такое крупное информационное агентство, как Би-би-си, прибегает к услугам третьих сторон в рас-

следовании тех или иных инцидентов? У меня нет ответа на этот вопрос.

Однако речь вполне может идти о последствиях снижения экономических затрат на собственные расследования и о недооценке профессионального риска, связанного с давлением новостных стандартов Всемирной паутины. Если издания хотят получать серьезные рекламные доходы, то им нужно много посетителей. А чтобы иметь много посетителей, нужно размещать на портале больше новостей, больше информации.

Подобная гонка зачастую ведет к снижению профессиональных стандартов, моральной планки, к репутационным потерям. Во всех изданиях есть разные социальные планы. В Monde мы на протяжении ряда лет сократили порядка 15% сотрудников, но не было увольнений. А вот из испанской El Pais была уволена треть корреспондентского состава. Причем в первую очередь увольняются более пожилые и опытные сотрудники, что ведет к проколам. Это увеличивает также нагрузку на команды информационных агентств и изданий, что, конечно, в целом не повышает качество материалов.

Полвека назад мы по существу были единственной когортой в обществе, имевшей доступ к самой разнообразной информации и возможность ее доставлять широкой общественности. Сегодня источникам информации несть числа. Это, конечно же, ставит перед нами новые задачи, усложняет нашу жизнь. Мы не можем быть столь самоуверенными, как в прежние времена. С другой стороны, разнообразие и множество источников информации сами по себе не должны подменять профессионализм и гражданственность и ответственность в журналистике.

До Monde я работала в агентстве France-Press, которое собирает инфор-

мацию и сообщает факты. А в Monde анализируются и комментируются, чтобы люди могли сформулировать собственное мнение. Интернет эту схему изменил. Когда люди покупают Monde, они факты уже знают. Они слышали их по радио, видели их на своих смартфонах. И если мы хотим, чтобы люди купили нашу газету, они должны найти в ней именно разносторонний анализ того, что произошло, и как это отразится на их жизни.

Если кто-то скажет, что социальные сети смогут заменить профессиональные СМИ, я вряд ли с этим соглашусь. Да, отчасти авторы сообщений в Сети вроде выполняют функции корреспондентов. Это, конечно, осложняет нашу жизнь, потому что существуют разные методы оперативного оповещения о событиях: телефон, скайп, Twitter. Но наиболее обстоятельную информацию вы получите от профессионала, который побывает на месте, поговорит с людьми, добудет дополнительные сведения и составит разностороннюю взвешенную картину произошедшего. Боюсь, что никакие технологии не могут заменить личного присутствия журналиста на месте событий. С точки зрения роли социальных сетей, я думаю, это обоюдоострый меч, или, если угодно, палка о двух концах. С одной стороны, это мощный инструмент общественного движения, но с другой — мощный инструмент правительства. Если взглянуть, например, на ситуацию в Китае, то там, допустим, 100 миллионов людей обмениваются информацией, суждениями, мнениями. Есть ощущение, что это свобода выражения. Но нужно принимать во внимание, что партия тоже очень

активна в Сети. И она использует Сеть в качестве инструмента измерения температуры общества, оценки настроений и принятия соответствующих мер в соответствии с полученной информацией. Поэтому нужно четко понимать все плюсы и мину-

Информация – это важная часть общественной дискуссии и важнейшая часть демократии. Если нет нормальных условий для производства информации, нас ждут серьезные неприятности. Причем в любом обществе, при любом политическом режиме

сы использования социальных сетей. К примеру, Twitter и YouTube весьма активно использовались в ходе недавних военных событий в секторе Газа ХАМАС и израильской армией. Это был настоящий пропагандистский бой. Мы видим почти бесконечные возможности новых сетевых ресурсов, но не следует забывать и о безграничных их опасностях. Поэтому надо всегда помнить о нравственных принципах, о профессиональной этике, ответственности перед теми, кто вам доверяет. Мы у себя стараемся изучать потребности наших читателей, представить себе умозрительный портрет человека, который стоит перед газетным киоском и выбирает как раз Monde, а не какую-то другую газету. К счастью, у нас достаточно преданная читательская аудитория, ядро которой сохраняется. К сожалению, люди стареют. И далеко не всегда на смену родителям приходят их дети или внуки. Но тем не менее мы все же надеемся сохранить нашу аудиторию и независимость от каких бы то ни было политических сил, что всегда было традицией нашей газеты.

*Борис Макаренко,
председатель правления
Центра политических
технологий*

Векторы политической системы России*

Как выглядит политическая система России после двух десятков лет посткоммунистического транзита? Есть ли основания рассуждать об особом пути страны как пространства, где перестают действовать законы и правила транзита, выведенные для стран на сопоставимой стадии развития? Дерзнем сформулировать особенности политического развития России и найти ответ на вопрос, как Россия пройдет очередную развилку, обозначившуюся после вспышки политической активности граждан в 2011–2012 годах.

Российская политическая система: общее и особенное в развитии

Если кратко, то особенность пути России (как и других посткоммунистических стран, от Чехии до Монголии) в том, что на выходе из коммунизма у нее были неплохие параметры социально-экономического развития, от душевого ВВП до уровня образованности и урбанизированности, но полностью отсутствовали институты как экономической, так и политической конкуренции. Важнейшее следствие из этого состояния — существенно большая роль субъективных, процедурных факторов (*agency*) политического развития в сравнении с объективными, структурными (*structure*). Иными словами, сценарий их развития зависит от того, как ведут себя политические элиты и общество. Для наших западных посткоммунистических соседей «вписывание в Европу» подразумевало неременную демократизацию, и, со

* Статья подготовлена на основе наработок автора в рамках проекта «Россия-2020» Московского центра Карнеги и выступления на семинаре МШПИ в Голицыно.

всеми оговорками, она удалась; для восточных — строительство национального государства было куда важнее, а потому при жесткой президентской власти в них сложились авторитарные режимы. А Россия, как и ее соседи на европейской части бывшего Союза (кроме Прибалтики) и в Закавказье, «застряла» между этими моделями.

Плюралистичность российской политики в 1990-е годы не была тождественна демократии, но она помогла преодолеть антагонизм в отношениях с элитой «старого режима» и заложила основы рыночной экономики. В следующем десятилетии, однако, высокие темпы экономического роста и восстановление дееспособности государства сочетались с явной стагнацией (в чем-то даже деградацией) в качественном развитии политических институтов. Их эволюция похожа на латиноамериканскую модель «бюрократического авторитаризма»: автор этого термина известный аргентинский политолог Гильермо О’Доннелл описал его как политическую систему, исключаящую «активизировавшийся городской общественный сектор... путем подавления или закрытия электоральных каналов. Электоральная арена перестает существовать... допускается участие лишь поощряемых властью партий»*. Такой режим возникает, если общественные противоречия обостряются, правящий класс ощущает угрозу — и тогда для него «издержки терпимости» оппозиции резко возрастают, именно это и порождает фазу «бюрократического авторитаризма».

В латиноамериканских моделях «активизировавшийся городской сектор» — это «низы»: беднота, профсоюзы или левые политические силы, тогда как «средний класс», зажиточные слои составляют базу поддержки режима, охраняющего их от давления «низов». В России, напротив, усилия режима направлены на устранение конкуренции, на исключение из политики той части элиты и среднего класса, которую не устраивает монополизация экономических и политических ресурсов «правлящим классом» и бюрократией.

Власть оказывает административное давление на потенциальных политических лидеров из протестного сегмента и на и без того слабые партии с либеральной идеологией. Добавим к этому предубеждение правоохранительных органов в отношении частнопредпринимательской деятельности, административное давление на бизнесменов и разные формы отъема собственности, немислимые для страны, нуждающейся в модернизации.

Зато весьма существенные доходы от экспорта углеводородов позволили пока осуществлять сильную перераспределительную политику в пользу патерналистски настроенного населения. «Тучные годы» обусловили пассивность общества: «патерналистские низы» ощущали рост перераспределительных «раздач»; «среднему классу» рост эконо-

---

* O’Donnell G. A. *Modernization and Bureaucratic-Authoritarianism*. — Univ. of California Press, 1973. — P. 51–52. Изначально модель разрабатывалась на опыте Аргентины и Бразилии, но впоследствии использовалась для анализа ситуации в других латиноамериканских странах, а также в Южной Корее и на Филиппинах.

мики оставлял определенные возможности для развития. Для протестной социальной мобилизации не было веских оснований.

В этом одно из отличий российского бюрократического авторитаризма от «классического»: последний характерен для периода экономического кризиса как механизм реализации непопулярной социальной политики — сокращения госрасходов для обуздания инфляции. В России же, напротив, зажим плюрализма в политике преследовал принципиально иную цель — ограничить конкуренцию при распределении возрастающих ресурсов.

В результате затормозившийся экономический рост и снижение роста темпов уровня жизни ослабили социальный оптимизм и поколебали доверие к власти. Сигнал о ее несменяемости (выдвижение Владимира Путина кандидатом в президенты с гарантированной победой) резко усилил недовольство общества, а очевидные фальсификации на парламентских выборах привели к массовым уличным протестам. Даже уверенная победа Путина на президентских выборах три месяца спустя не остановила протестные настроения.

Для прогнозирования развития событий полезно сравнить результаты двух голосований 2011–2012 годов. И на тех, и на других выборах власть потерпела серьезную неудачу в «первой России»*, среди представителей среднего класса — в том самом модернистском сегменте общества, который подвергался политическим ограничениям. Однако во «второй» и «третьей» Россиях на парламентских выборах поддержка «партии власти» хотя и существенно снизилась, но не так сильно, как в «первой», а на президентских результат Путина в этой части общества практически не отличался от показателей прошлого десятилетия. Дело в том, что в системе с сильным президентом и слабым парламентом мотивация голосования на парламентских выборах выражает скорее эмоциональное отношение к власти, и в нашем случае оно свидетельствует о существенном снижении доверия к парламенту. Президентские же выборы — рациональное, почти экзистенциальное предпочтение неизменности политического курса, и, как мы видим, в патерналистской России кредит доверия власти пока не исчерпан.

Было бы преувеличением утверждать, что общество в целом «переросло» существующий государственный строй, хотя именно так высказался Путин в одной из предвыборных статей**. Однако не подлежит сомнению, что в России выделилось сообщество граждан, которое не приемлет бюрократически-авторитарную модель власти.

---

* По аналитическому построению Н. Зубаревич, «первая Россия» — крупные города с диверсифицированной экономикой, «вторая» — средние города, преимущественно промышленные, «третья» — имобильные село и малые города. См.: Н.В. Зубаревич, Социальная дифференциация регионов и городов // *Pro et Contra*. Т. 16. № 4–5, июль–октябрь 2012; Социальная дифференциация российского пространства // *Общая тетрадь (Вестник Московской школы политических исследований)*. — М., 2012 № 2–3(59).

** «Сегодня качество нашего государства отстает от готовности гражданского общества в нем участвовать». См.: Путин В. *Демократия и качество государства*. // *Коммерсантъ*. 2012. 6 февр.

Векторы нового переходного периода и сценарии развития политической системы

Обострение политических процессов в 2011–2012 годах делает сохранение прежней политической модели невозможным. В России возросла протестная активность. Вопрос, воспримет ли власть этот сигнал как посыл к ужесточению или либерализации политического режима? В первый год нынешнего президентства Путина, пожалуй, больше признаков ужесточения. Политические реформы, на которые вынуждена была пойти власть, становятся либо имитацией, либо минимизируются, а им противостоят мощная консервативная волна и жесткие ограничители деятельности гражданского общества. Властная элиты склоняется к стратегии, которую можно условно назвать «необонапартизмом»*, то есть к сохранению доминирования исполнительной власти, запугиванию оппозиции и намеренному распылению ее сил. «Необонапартистский сценарий» подразумевает:

Если властная элита утратит уверенность в гарантированном переизбрании своего лидера, она будет вынуждена либо идти на ужесточение «бюрократического авторитаризма», либо на либерализацию режима, то есть его фактический демонтаж

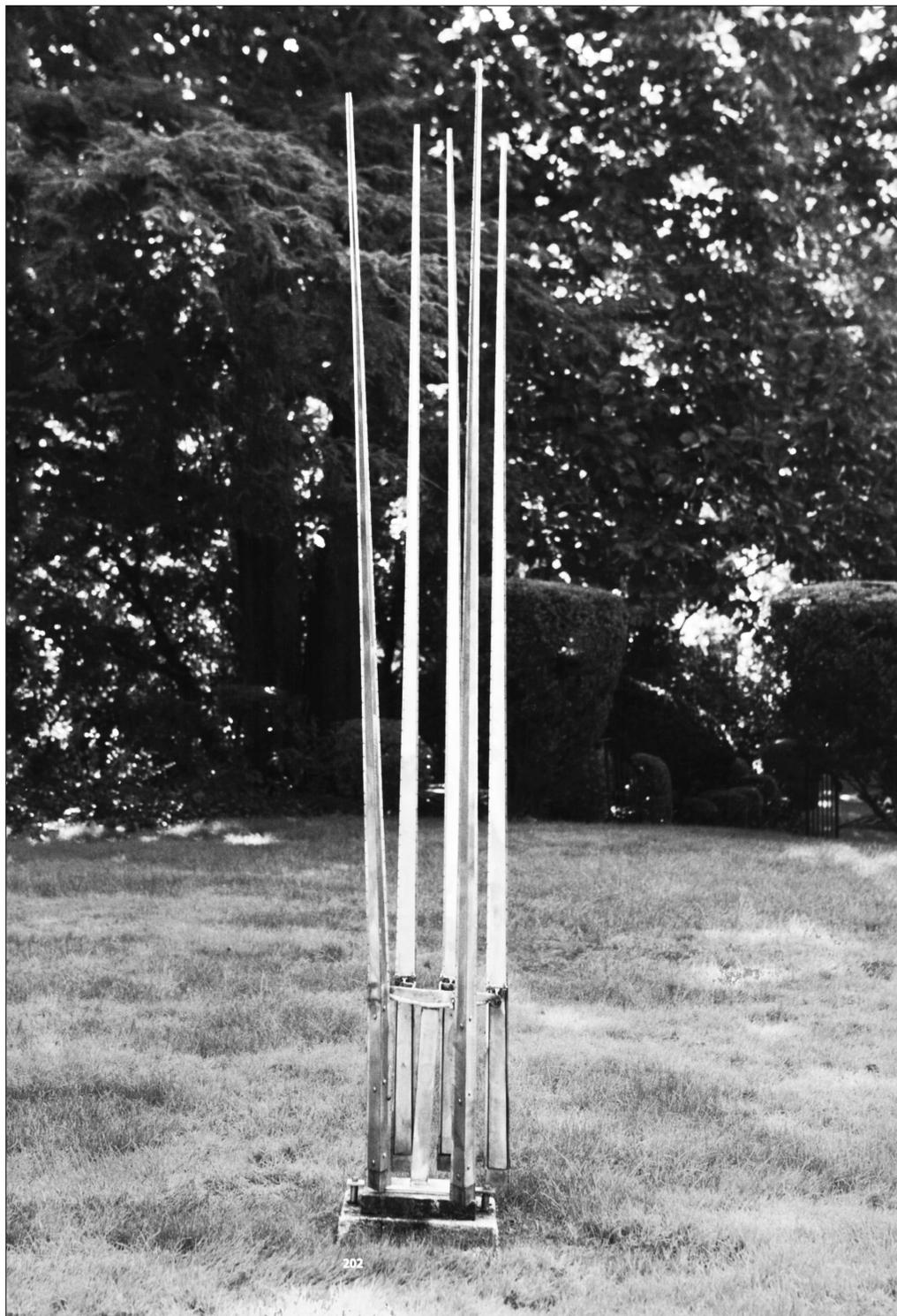
— умеренное расширение политической конкуренции (впрочем, по оценкам политологов, на губернаторских и прочих выборах октября 2012 года этого не произошло);

— обновление «партии власти»: активизацию «кадрового отбора», привлечение фигур, способных к публичной политике, ориентацию на настроения избирателей;

— использование некорпоративистских механизмов: для восстановления обратной связи с населением «Общероссийский народный фронт», «Открытое правительство», обновленные общественные советы при министерствах, которые расширяют режим ни к чему не обязывающих консультаций и дискуссий, но не обеспечивают реального влияния на власть альтернативных точек зрения;

— попытки «бюрократической оптимизации». Более частыми становятся отставка и наказание чиновников, замешанных в «резонансных» скандалах, некоторое ускорение кадровой ротации, точечные уступки общественному мнению.

* Под «необонапартизмом» мы понимаем политический режим с сильными элементами авторитаризма, которые обставлены плебисцитарными процедурами и почти полным контролем государственной бюрократии над результатами волеизъявления. Именно так в научной литературе описывается режим Наполеона III во Франции. См., например: Zeldin Th. *The Political System of Napoleon III*. — N.-Y.: W.W. Norton, 1958.

Джордж Рики. Пять линий. 1965

Однако эффективность подобных мер вряд ли будет высокой, поскольку неочевидно наличие цельной стратегии политического, как, впрочем, и социально-экономического, развития страны. Уже в краткосрочной перспективе власть может столкнуться с серьезными испытаниями, например, если мир вступит в глубокую рецессию.

К формирующемуся гражданскому протесту «первой России» может добавиться тогда социально-экономический протест «второй России», что обернется серьезным вызовом «необонапартистскому сценарию».

При таком развитии событий станет очевидной «ахиллесова пята», характерная для всех персоналистских режимов, — проблема преемственности. Если властная элита утратит уверенность в гарантированном переизбрании своего лидера, она будет вынуждена либо идти на ужесточение «бюрократического авторитаризма», либо на либерализацию режима, то есть его фактический демонтаж. Такое развитие событий повышает вероятность если не раскола, то разногласий в элитах, которые способны дестабилизировать ситуацию в стране.

Авторитаризм или либерализация

Тесная связь отношений власти и собственности объясняет опасение «правлящего класса» (бюрократии и связанного с ней крупного бизнеса), что с утратой монополии на власть он потеряет свои привилегии в экономической сфере*. К этим опасениям добавляются страхи «внешнеполитические» (пресловутая *security obsession* — мания опасности, связанная с открытием экономики, и глубинное недоверие Западу). Именно на этих страхах играет силовая элита и «охранительное лобби», выступающие против либерализации политической системы.

Конфигурация сил и в элитах, и в оппозиции крайне неблагоприятна для демократизации. В «классических» случаях бюрократического авторитаризма либерализация поддерживалась правоцентристской элитой и зажиточными слоями, готовыми сотрудничать с демократизирующейся властью. В России именно либеральная бизнес-элита и средний класс последовательно исключались из политического и экономического пространства. Системная оппозиция воспитана на конформизме, а несистемная — маргинальна и раздроблена как по идейно-политическим основаниям, так и по степени радикальности. Это предельно затрудняет формирование классического процесса демократизации, когда «умеренные» во власти и в оппозиции устанавливают и гарантируют рамки компромиссов, изолируя сторонников жесткой линии с обеих сторон.

Эти факторы, казалось бы, повышают вероятность ужесточения авторитаризма, а не либерализации. Однако против этого также направлены значимые факторы:

---

* Подробнее об этом см.: Gary M. Rational Sources of Chaos in Democratic Transition // *American Behavioral Scientist*. Vol. 35. No 4/5. March/June 1992. — P. 401.

— Уровень развития общества (образованность, урбанизированность) и относительно высокий социальный статус протестующих заставляет власть воздерживаться от слишком жестких методов подавления протестов, что имело бы непредсказуемые последствия, особенно в случае кровопролития.

— Резкий крен в авторитарность гарантирует всему правящему классу статус «изгоев» на международной арене. В отличие от белорусской «верхушки», уже пребывающей в этом статусе, для российской правящей элиты это чревато куда большими издержками (потерей счетов и других активов на Западе).

— Режим понес имиджевые потери в результате выборов; нанесен урон неокорпоративистскому «единению власти и народа». В этих условиях разворот в сторону авторитаризма чреват огромными издержками для легитимности власти.

Наконец, главное: усиление авторитаризма не решит ни одну из проблем социально-экономического развития. «Заморозка» политической системы во второй половине прошлого десятилетия обернулась резким падением эффективности государства.

Пессимистический сценарий развития политической системы — «необонапартизм» — может затянуться на годы, но неизбежно приведет режим к кризису либо в момент передачи власти, либо при резком росте уличного протеста (особенно если страхи правящей элиты и самого президента побудят его выдвинуться еще на один срок).

Критический параметр выхода из бюрократического авторитаризма — изменение природы режима, которое сделало бы его более приемлемым для «модернизированного класса» и бизнес-элиты, а также более гибким, а потому допускающим реальную политическую конкуренцию и в конечном счете передачу власти.

Такое целеполагание может возникнуть только вследствие ощущения, что следующая передача власти сопряжена со значительным риском и/или неспособностью предотвратить существенное усугубление социального кризиса. Стимулировать этот процесс будут эффекты начатых политических реформ: они неизбежны, но темпы и масштаб преобразований зависят от силы противодействия «охранительных тенденций».

В партийной системе многое зависит от того, сможет ли «Единая Россия» адекватно ответить на усиление конкуренции на выборах, не в последнюю очередь — в одномандатных округах; заработает ли в этой партии механизм меритократического кадрового отбора; будут ли формироваться навыки публичной политики, парламентской работы, торга с оппозицией. Опыт транзитных стран показывает, что провластная партия оказывается «слабым звеном» при развитии политической конкуренции в либерализующемся режиме*.

---

* См.: Mainwaring S. *Transitions to Democracy and Democratic Consolidation: Theoretical and Comparative Issues* // Kellogg Institute. Working Paper. No 130. November 1989.

Формирование альтернатив в партийном поле — длительный процесс. Именно развитие многопартийности определит вектор эволюции российской политической системы. Первый ее этап — плюрализация политического представительства и снижение доли голосов, получаемых «Единой Россией». Но критическим становится второй этап: возникновение одного или двух альтернативных «центров влияния» — партий «политического мейнстрима», сопоставимых по силе с «партией власти» (условно — право- и левоцентристской с электоральным потенциалом 15–20%). Ядром таких партий может стать «Справедливая Россия» слева и еще более гипотетическое «пространство Прохорова—Кудрина—Рыжкова» справа. В любой из этих коалиций может оказать-

*В недемократическом состоянии
Россия может долго оставаться
только при условии существенного
повышения эффективности
действующего режима — что, похоже,
заведомо нереально*

ся и «Яблоко». Названные партии могут быть коалиционными партнерами «партии власти» против более радикальных оппозиционных сил (как слева, так и справа) либо противовесом — центром умеренно оппозиционной группировки. При этом на «периферии» партийной системы сохраняются КПРФ и ЛДПР.

Если к времени завершения текущего электорального цикла возникнет хотя бы одна влиятельная «мейнстримовская» партия, это создаст основу для реального плюрализма с устойчивым «сдвоенным» или «строеным центром», заинтересованным в сохранении стабильности системы и возможностью смены власти на всех уровнях. Даже если президентская власть сумеет остаться «над схваткой», она утратит монополию на властно-собственнические отношения, что равнозначно выходу из «бюрократического авторитаризма» и повороту к демократизации.

* * *

Оптимистический сценарий успешной либерализации, переходящей в демократизацию, сегодня видится куда более гипотетическим, чем «необонапартистский» или авторитарный. К нему менее всего готовы и элита, и общество. Однако в недемократическом состоянии Россия может долго оставаться только при условии существенного повышения эффективности действующего режима — что, похоже, заведомо нереально. Нефтяное изобилие прошлого десятилетия позволило создать монополию на властно-собственническую «вертикаль», объективно тормозившую как развитие рыночных отношений, так и модернизацию общественно-политического устройства, но теперь эта стратегия, похоже, исчерпана. Развилка в политическом развитии состоит в «демократизации напрямую» или «демократизации после коллапса авторитаризма».

*Леонид Исаев,
старший преподаватель
кафедры общей политологии
Национального
исследовательского
университета «Высшая
школа экономики», выпускник
Московской школы
политических исследований
2012 года*

«Арабская весна»: краткий конспект*

Минувшие два года были отмечены чередой революций, крушением авторитарных режимов, новой волной демократизации. С 2011 года арабский мир, навсегда, как казалось, ушедший на периферию мирового развития, начал заявлять о себе с необычайной силой. Социально-политические потрясения, которые обобщенно именуют «арабской весной», затронули практически все арабские страны — за исключением, наверное, Сомали, Мавритании и Коморских островов, лежащих на окраине Арабского Востока. Они уже оказали и продолжают оказывать заметное влияние на переформатирование мировой политической системы. В целом события, захлестнувшие арабский мир, представляют достаточно редкое явление, которое в научной литературе получило название «волны революций», или «волны демократизации»**. Подобные волны уже имели место в середине XIX века в период так называемой весны народов, в 60-х годах XX века во время антиколониальной борьбы народов Африки, на рубеже 80-х и 90-х годов XX века в процессе распада социалистического блока. При этом термин «революция» не совсем применим к «арабской весне»: правильнее было бы назвать ее полосой социально-политических потрясений. Наиболее удачным представляется определение, согласно которому «арабская весна» — это системное социальное явление, обусловленное множеством взаимосвязанных глобальных, региональных и национальных факторов. Среди них есть как

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г.

** См.: Цирель С.В. Революции, волны революций и Арабская весна // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года / Отв. ред. А.В. Коротаев, Ю.В. Зинькина, А.С. Ходунов. — М.: ЛКИ, 2012; Труевцев К.М. Год 2012 — новая волна демократизации? — М.: Высшая школа экономики, 2012.

объективные факторы, например социально-демографические или экономические, так и субъективные, включающие неудовлетворенность населения авторитарным политическим режимом и его готовность к массовым акциям протеста*.

Степень воздействия «арабской весны» на политические режимы Северной Африки и Ближнего Востока, а также уровень иммунитета к ее последствиям у разных стран оказались различными. Если в одних государствах (Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Йемен, Бахрейн) социально-политические потрясения привели к принципиальным изменениям политического процесса, то в других дело ограничилось лишь «косметическим ремонтом» старых политических конструкций (Марокко, Алжир, Ирак, Палестинская автономия, Ливан, Саудовская Аравия, Кувейт, Судан, Джибути, Оман, Иордания).

В первой категории государств особо выделяются те, в которых «волна демократизации» привела к смене политических режимов, — это Тунис, Египет, Ливия. В этой же группе — государства, где социально-политические потрясения не смогли сокрушить действующие режимы, но при этом создали патовую ситуацию, при которой оппозиция и правящий режим не в состоянии справиться друг с другом, например Сирия и Бахрейн**.

Раздор внутри элит как фактор революции

В данной связи исключительную роль играет внутриэлитный конфликт, который имел место в Тунисе, Египте и Ливии, но при этом отсутствовал в Сирии и Бахрейне. Что касается Туниса, то здесь было противостояние армии и спецслужб, на которые опирался президент Бен Али (их численность за годы его правления превысила численность армии почти в четыре раза, а это нарушило традиционный для арабского мира баланс сил и отодвинуло армию от управления страной). Именно этим объясняется столь быстрое отречение президента от власти и отказ военных поддержать его. По сути, тунисские генералы воспользовались случаем и совершили завуалированный военный переворот. Подтверждением конфликтных отношений между спецслужбами и армией в Тунисе служат также и массовые аресты сотрудников тунисской разведки, последовавшие вслед за бегством президента в Саудовскую Аравию.

В египетском случае также отчетливо виден конфликт между армейской верхушкой и сыном президента Гамалем. Противоречия между ними впервые вышли на поверхность накануне президентских выборов 2005 года, когда появились слухи о возможном выдвижении кандидатуры Гамалая на президентский пост. Главе государства с тех пор так и не уда-

* Давыдов А.А. *Арабские революции 2011 года: системная диагностика // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года. С. 175–176.*

** См.: Исаев Л.М., Шишкина А.Р. *Сирия и Йемен — неоконченные революции. — М.: ЛКИ, 2012.*

Джон Чемберлен. Смертельный удар. 1996

лось сгладить конфликт и найти приемлемое для всех решение. Военные, находившиеся у власти с июльской революции 1952 года, настороженно относились к потенциальной возможности появления на высшем посту человека, не связанного с армией. Это, в свою очередь, углубило разногласия между египетским генералитетом и соратниками Гамалы Мубарака, занимавшими ответственные посты министров и депутатов. А предпринятая сыном президента 3 января 2011 года попытка овладеть ситуацией, устроив на площади Тахрир памятную «битву на верблюдах», и вовсе привела к тому, что армия взяла под защиту протестующих, лишив старый режим всякой надежды на спасение. Ливийский сценарий также вписывается в эту парадигму. Но если в Тунисе и Египте внутриэлитный водораздел проходил по какой-то одной траектории, то у режима Джамахирии оказалось столько слабых мест, что само формальное сохранение страны в прежних государствен-

ных границах сегодня не может не удивлять. В первую очередь в Ливии напомнил о себе межплеменной конфликт между племенами Триполитании и Киренаики. Пребывание выходца из Триполитании Муамара Каддафи у власти более четырех десятилетий вызывало недовольство племен Киренаики, обделенных возможностями политического участия; это особенно важно с учетом того факта, что основные нефтяные месторождения находятся именно в восточной части Ливии, на их территориях. Благодаря консолидации общества перед лицом проитальянского монархического режима короля Идриса I Каддафи в свое время удалось сплотить племена всех трех ливийских областей — Триполитании, Киренаики и Фецшана, сконструировав при этом весьма добротную идеологическую оболочку новой государственности в виде Джамахирии. Однако в ходе безреформенных десятилетий его правления она себя полностью изжила. Ливийское государство рушилось с невероятной стремительностью: военные, полицейские, представители спецслужб, дипломаты, министры в массовом порядке переходили на сторону повстанцев. По сути, уже к середине весны 2011 года режим Каддафи поддерживали лишь выходцы из его собственного племени.

При этом во всех трех упомянутых странах роль «первой скрипки» после крушения авторитарных режимов начинают играть исламисты, ранее, казалось бы, либо загнанные в глухое подполье, либо полностью уничтоженные. Конечно, не стоит ожидать в связи с этим стремительных перемен в политической жизни региона, поскольку кризис авторитаризма еще не означает кризиса секуляризма, весьма успешно насаждавшегося диктаторами арабского мира в предшествующие годы. Однако тот факт, что исламисты, будучи единственной альтернативой военным, начинают играть все более заметную роль в политической жизни арабских республик, заметно обостряет дальнейшую внутривнутриполитическую борьбу.

Отсутствие раскола не гарантирует от неприятностей

В отличие от случаев, рассмотренных выше, в Сирии и Бахрейне власть оставалась монолитной, что, однако, тоже не избавило эти страны от потрясений. Так, на протяжении всего 2011 года сирийский режим демонстрировал высокую степень консолидации. Пребывание алавитов у власти не ставилось под сомнение ни в армии, ни в государственном аппарате. Силовые структуры, как и дипломатический корпус, постоянно подчеркивали свою преданность режиму, обеспечивая его стабильность. Затяжной характер конфликта в данном случае был предопределен прежде всего внешним вмешательством и неспособностью президента аль-Асада провести радикальные и масштабные реформы. Те политические преобразования, на которые он все же решился на рубеже 2011–2012 годов, включая принятие новой конституции, нового законодательства о партиях и о СМИ, лишь снизили градус напряженности, но не решили стоящих перед страной проблем.

Многое в Сирии будет зависеть от того, насколько удачно правящий режим сумеет решать острые социально-экономические вопросы в условиях масштабной изоляции и расширяющегося признания оппозиционеров законными представителями сирийского народа. На преодоление нынешних затруднений у аль-Асада осталось ровно два года: на 2014 год назначены очередные президентские выборы.

Хотя Сирии и удалось выстоять в ходе «арабской весны», избежав участи Ливийской Джамахирии*, страна погрузилась в состояние затяжной гражданской войны. При этом режим аль-Асада испытывает тотальную изоляцию и истощение финансовых, военных, а также, самое главное, человеческих ресурсов. Членство страны в Лиге арабских государств приостановлено, а ареал политического признания сирийской оппозиции расширяется стремительными темпами. Важно отметить, что дальнейшее углубление сирийского кризиса способно оказать серьезное влияние на стабильность в соседних с Сирией странах, а также на расстановку в них политических сил. Так, в частности, затягивание вооруженного противостояния в Сирии может повлечь за собой ослабление влияния Ирана в арабском мире. Кроме того, сирийский конфликт явно затрудняет процесс примирения движений ФАТХ и ХАМАС, учитывая весьма сложные отношения сирийского режима с ХАМАС в последнее время.

В ситуации с Бахрейном раскола внутри элит также не было, поскольку все политическое руководство султаната состоит исключительно из представителей правящего дома аль-Халифа. Но в этой стране наблюдается противостояние между суннитским меньшинством, находящимся у власти, и шиитским большинством, отстраненным от политического участия. Именно невозможность реализации себя в политике предопределила всплески массового недовольства граждан Бахрейна и длительную эскалацию внутреннего конфликта, несмотря на отсутствие, в отличие от Сирии, серьезных внешних факторов дестабилизации. Напротив, обсуждение «бахрейнского вопроса» настойчиво отклоняется странами Персидского залива. Например, в течение 2011–2012 годов он ни разу не обсуждался на заседаниях Лиги арабских государств, хотя ситуация в Сирии рассматривалась постоянно. Незыблемости правящего дома аль-Халифа способствуют и интеграционные процессы, углубляющиеся на Аравийском полуострове. В мае 2012 года на совещании Высшего совета государств — членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива было решено приступить к реализации проекта по превращению Совета сотрудничества в союзное государство. Начало ему положило объявление о союзе двух государств: Бахрейна и Саудовской Аравии**. А несколькими месяцами ранее на территорию султаната вводились войска соседей, призванные не только подавить

---

* См.: Шишкина А.Р. Сирия: секреты стойкости режима // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны / Отв. ред. А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. — М.: ЛКИ, 2013. — С. 349.

** См.: Мелкумян Е.С. Противостояние между властью и оппозицией в Королевстве Бахрейн // Там же, с. 59.

антимонархические выступления, но и предотвратить их распространение на соседние страны.

Особняком от общих тенденций стоит Йемен, который при всей схожести своего социально-экономического, политического и демографического развития с динамикой прочих арабских стран продолжает оставаться на периферии Арабского Востока. В его политической культуре по-прежнему сохраняются средневековые элементы. Модернизация, урбанизация, диверсификация экономики не приживаются в Йемене, который по основным структурным параметрам похож скорее на страны Тропической Африки. Именно поэтому здесь «арабская весна» развивалась не так, как у арабских соседей. Наличие внутреннего раскола элит, вылившегося в противостояние между семействами Салех и аль-Ахмар*, а также формирование переходного типа власти не стали достаточным основанием для смены политического режима. Уход прежнего президента и выборы, состоявшиеся в Йемене в феврале 2012 года, не изменили в этой стране ничего: несмотря на появление нового главы государства, реальную власть продолжают сохранять и бывший президент Али Абдалла Салех, и его основные конкуренты братья аль-Ахмар, гарантировавшие себе доступ к части финансово-экономических ресурсов страны. Внешнее давление на Йемен также отсутствует; напротив, «арабийская шестерка» во главе с Саудовской Аравией, у которой свои интересы в Йемене, и Катаром сделала все возможное для сохранения нестабильного статус-кво в стране, не поддержав ни одну из противоборствующих сторон. Здесь, как и в Сирии, окончательный исход противостояния станет понятен лишь после выборов президента, назначенных на 2014 год.

* * *

Таким образом, арабский мир за последние два года пережил полномасштабную реконфигурацию политических сил. Традиционные лидеры Ближнего Востока и Северной Африки — Египет и Сирия — погрузились в политический хаос и гражданскую войну. Вместо них на передний план вышли Саудовская Аравия и Катар, вставшие, впервые за современную историю существования независимых арабских государств, в авангарде Арабского Востока. Одновременно происходит и усиление Ирака, по понятным причинам «арабской весной» не затронутого, но способного в среднесрочной перспективе составить конкуренцию аравийским монархиям. При этом положение в Северной Африке после падения режимов Бен Али, Каддафи и Мубарака выглядит весьма тревожно. Вкупе с суннитскими режимами государств Персидского залива современные Тунис, Ливия и Египет, оказавшись под властью «Братьев-мусульман», способны вступить в жесткую конфронтацию с шиитским Ближним Востоком, представленным Ираном, Ираком, Иорданией, движениями «Хезболлах» и ХАМАС. Не исключено, что Сирия — это только первая битва будущей большой войны.

---

* Аль-Ахмар — доминирующее семейство крупнейшего йеменского племени Хашид.

Андрей Захаров,
редактор журнала
«Неприкосновенный запас:
дебаты о политике
и культуре», выпускник
Школы 1993 г.

Возвращение веры: секуляризация как обратимый процесс*

1.

Первый мой тезис будет посвящен *мифологическому сознанию*. В противовес обыденным суждениям миф ни в коем случае не есть выдумка или сказка о том, чего никогда не было. Миф есть повествование о событиях, происходивших в начале времен и давших ход мировому процессу. Это не просто реальность, но реальность высшего порядка, потому что из нее истекает все остальное**. Примитивные народы — аборигены Австралии, например, убеждены, что жизнь человеческая имеет смысл только в том случае, если она дословно воспроизводит миф. Время от времени, полагают они, человеку необходимо заново переживать «историю творения», символически повторяя подвиги богов и героев, отсылающие к ее первоосновам. Именно для этого нужны ритуалы, занимающие столь значительное место во всех ранних, да и поздних религиях, — специальные процедуры, в которых обычное, банальное время упраздняется, а вместо него происходит возврат в настоящее, изначальное время. Отправляя тот или иной ритуал, носители мифологического мышления совершают прорыв в вечность: они прикасаются к «подлинности» бытия, к его живой сердцевине. Точно так же, участвуя в церковных обрядах и ритуалах, истовый христианин приобщается к тайне Христа, умирая вместе с ним на кресте, а потом воскресая в пасхальную ночь.

Реальность в этой картине мира оказывается двухслойной, и это объединяет всех верующих людей, будь то народы, населяющие берега Амазонки, или польские католики. Настоящее, чудесное, подлинное имело место *когда-то*, задолго до нас, и хотя с тех пор жизнь деградировала и стала неправильной, у

* Выступление на встрече выпускников Московской школы политических исследований 3 ноября 2012 года.

** См.: Элиаде М. Космос и история. — М.: Прогресс, 1987.

человека есть возможность периодически прикасаться к реальным ценностям и смыслам. Ритуал возвращает верующего в славное начало времен. Жизнь общества в целом и конкретно человека в частности представляет собой лишь подражание реальности высшего порядка; более того, мирская, обычная жизнь имеет смысл только в том случае, если она подзаряжается от жизни сакральной, священной. Самое правильное в такой картине мира — это следование заведенному, от века установленному порядку вещей, *воспроизведение одного и того же, повторение пройденного*.

2.

Второй тезис касается *социальной обусловленности* мифологического сознания. Поскольку в основе любой религиозной системы лежит миф, любая религия ставит во главу угла воспроизведение *исконных образцов* и следование заданным поведенческим стандартам. Это верно в отношении и индивидуального, и общественного поведения. Именно поэтому системы, предполагающие реальное наличие «сверхъестественного», социально и политически консервативны. Вынося преобразование и улучшение мира за пределы исторического времени, они повсюду и во все времена закрепляли и санкционировали установленное богом социальное неравенство. Тем самым обуславливалось неизбежное и повсеместное встраивание религиозных систем в конструкции власти. Вера в сверхъестественное консервативна и в другом отношении. Подвластный ей человек полагает, что от его личного

творческого усилия в этом мире мало что зависит, поскольку над ним всегда довлеет высшая воля, всем распоряжающаяся и все предопределяющая.

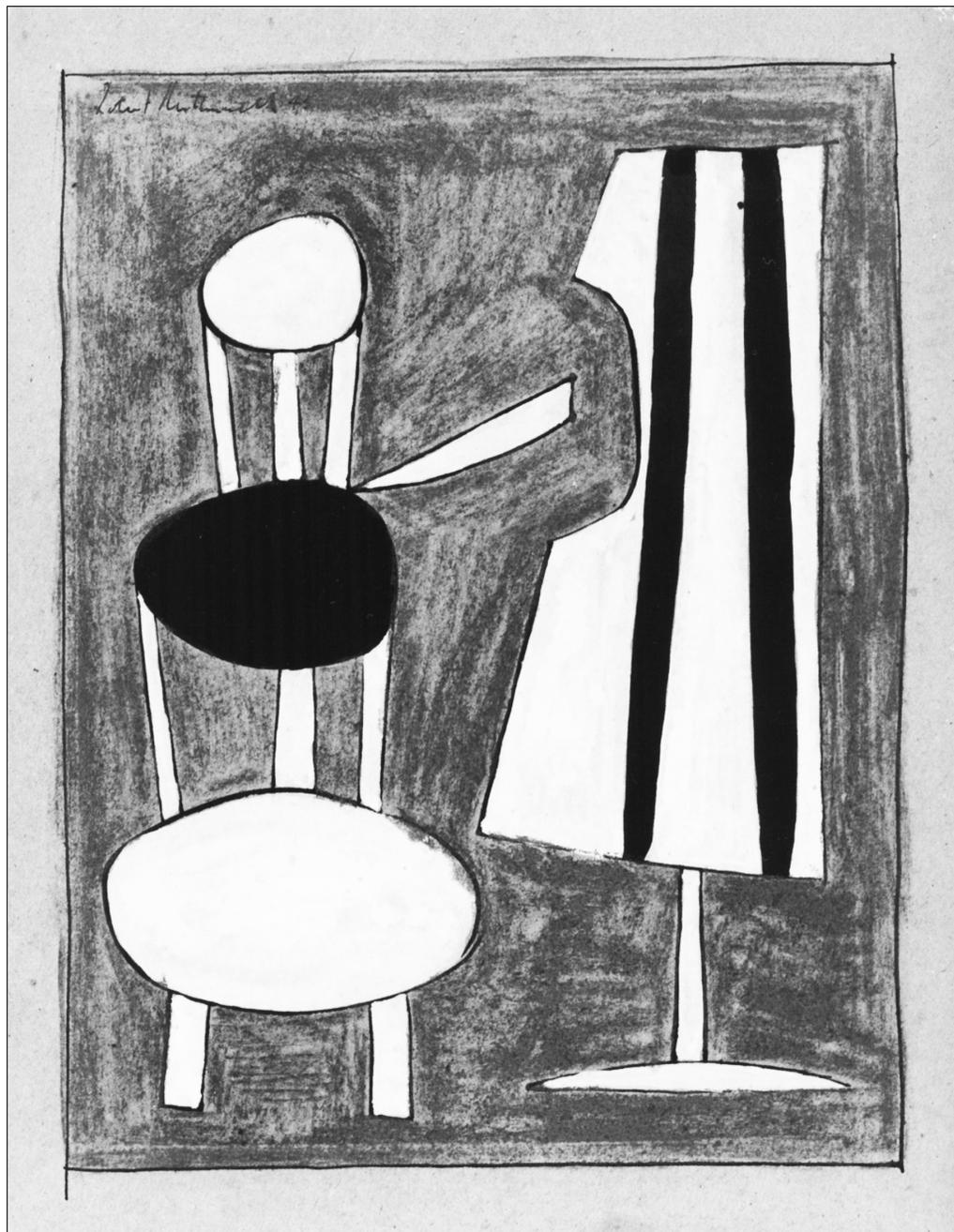
Такого рода системы хороши для обществ, проходящих в своем развитии одни и те же циклы и стадии и не очень нуждающихся в эмансипации творческих способностей человека. Стабильность, предлагаемая религиозными системами, это, как правило, стабильность аграрных обществ, подчиняющихся в своем развитии бесконечному воспроизведению одних и тех же природных циклов. С переходом человечества к экономическим моделям иного типа авторитет религии вполне закономерно начинает падать, что, собственно, и обеспечивает основу для процесса секуляризации — освобождения социальной, экономической, политической жизни из-под влияния религии. Специалисты датируют начало масштабной секуляризации примерно 1500 годом, то есть к сегодняшнему моменту она продолжается уже несколько веков*. При этом торжество секуляризации не стоит путать с пришествием атеизма: секулярное общество — не то общество, где идею божественного начала категорически отрицают**. В таком обществе Бог либо «умирает» в силу ненужности, как сообщил о том Фридрих Ницше, либо переселяется на периферию общественных отношений, превращаясь в частное дело индивида.

3.

Третий тезис — об одной *интересной особенности секуляризации*. С одной стороны, эмансипация и освобождение

* См., например: Taylor C. *A Secular Age*. — Cambridge, Mass.; London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2007.

** Подробнее об этом см.: Тодоров Ц. *Дух Просвещения*. — М.: Московская школа политических исследований, 2010.

Роберт Мазервелл. *Воображаемый вид*. 1945

человека из-под гнета высших, неземных, нечеловеческих сил есть процесс естественный и неизбежный. Человек модерна, устраивающийся в очень сложном, многослойном и разнообразном мире, вынужден полагаться в основном на себя. Последние пятьсот

лет стали временем радикального переосмысления той роли, которую религия должна играть в обществе. В развитых странах ее становилось все меньше и меньше: Ренессанс, Возрождение, Новое время последовательно отделяли мифологические концепции от различ-

ных сфер человеческой практики — от экономики, политики, морали, права*. Выведение религии за рамки каждой из этих областей считалось чем-то вроде оптимизации человеческих усилий, то есть силы, которые прежде тратились на совершенствование града небесного, теперь постепенно сосредоточивались на приведении в порядок земного царства**. В интеллектуальном отношении вершиной секуляризации стала эпоха Просвещения, провозгласившая наступление неминуемого освобождения человека от ортодоксальной веры. С другой стороны, особенность, о которой только что было сказано, заключается в том, что секуляризация — отнюдь не линейный и односторонний процесс. Она идет неровно, рывками, с остановками и зигзагами. Прощлое столетие продемонстрировало примеры возвращения ряда обществ, переживших весьма бурную секуляризацию, в прежнее состояние, восстанавливающее роль и значение религиозных практик, институтов и мифов. Более того, в последние десятилетия было девальвировано и еще одно фундаментальное убеждение, проистекавшее из идеологии Просвещения. Если раньше считалось, что социальные преобразования, и в особенности революции, сопровождаются секуляризацией общества, то иранская революция 1979 года продемонстрировала пример того, как революционный порыв не устраняет, а реанимирует религию. Это поразительный случай, на котором стоит кратко остановиться хотя бы потому, что сегодня нам, гражданам России, внушают, что реактивация православия представляет собой не что иное, как неотъемлемую составную

часть модернизации российского общества.

4.

Согласно четвертому тезису, в определенных ситуациях секуляризация называется *обратимым процессом*. Вытеснение религии на периферию общественной жизни в Иране началось во второй четверти XX столетия. Пришедший к власти в 1925 году основоположник династии Пехлеви Али Резахан запустил программу модернизации западного образца. Кстати, размышляя об устройстве власти, он вообще хотел внедрить в Иране светскую республику турецкого образца, но напуганное этим проектом духовенство, сыграв на честолюбии нового владыки, уговорило его стать монархом***. Однако новый шах вывел образование из-под контроля исламского духовенства, основав светские школы, установил государственный контроль над религиозными финансами, учредил светский суд, оставив судам шариата только семейные дела, перевел регистрацию сделок в светский нотариат. Заметно изменилось положение женщин: для них открыли Тегеранский университет. В конце 1930-х годов были приняты законы, запретившие ношение чадры женщинами и тюрбанов мужчинами. Активно внедрялась западная одежда. Когда супруга шаха, посещая священный город Кум, появилась в светском платье, ее освистали учащиеся религиозных школ, но в ответ шах, явившись в город, собственноручно избил нескольких представителей духовенства палкой. Возмущение мулл достигло апогея в тот момент,

* Там же.

** Манан П. *Общедоступный курс политической философии*. — М.: Московская школа политических исследований, 2004. Глава II.

*** Hoveyda F. *The Shah and the Ayatollah: Iranian Mythology and Islamic Revolution*. — Westport, Conn.: Praeger, 2003. — P. 6.

когда шах разрешил в священном городе торговлю спиртным. Однако многотысячная демонстрация в Куме, направленная против насильственного внедрения светских начал, в июле 1935 года была расстреляна из пулеметов. Войска шаха убили тогда сто человек*. В этом же году артиллерия разрушила одно из шиитских святынь в Мешхеде, где укрывались оппозиционеры из числа духовенства.

Светские реформы продолжил сын первого властителя, Мохаммед Реза Пехлеви. После Второй мировой войны иранские женщины получили право голоса. Но, подобно своему отцу, новый шах был авторитарным правителем. Стремление монополизировать доходы от нефти побудило его вступить в сговор с западными нефтяными компаниями и разгромить демократическую оппозицию, опиравшуюся на новый средний класс. В тех условиях, когда альтернативные светские организации и институты были разбиты, мечеть превратилась в единственный легальный центр оппозиционных настроений. Антиправительственные силы объединялись вокруг исламских институтов не в силу идейного единодушия, а потому что правительственные репрессии не оставили им другого выбора. Таким образом, противодействие секуляризации начало усиливаться уже с конца 1950-х годов.

В 1963 году шах начал серию реформ, получивших название «белая революция». В ее рамках в 1967 году был принят Закон о защите семьи. Теперь для получения развода иранский мужчина должен был идти в суд. Женщина получила право сама настаивать на разводе. Для

того чтобы взять вторую жену, мужчина должен был заручиться согласием первой. Брачный возраст был поднят до 18 лет. В плане семейного законодательства Иран стал передовой страной исламского мира. Другой составляющей «белой революции» стала аграрная реформа, в результате которой земля была вовлечена в товарный оборот. Как всегда бывает в подобных случаях, в деревне в результате образовался избыток рабочих рук; миллионы сельских жителей ринулись в города, переживая там культурный шок и не понимая модернистских и светских ценностей. Состояние отчуждения и заброшенности, сопровождавшее процесс бурной урбанизации, снималось и исцелялось в мечети. На руку ортодоксальным мусульманам играло также и широкое привлечение в Иран иностранного капитала, приносившего инновации. Оно подавляло «базар» — местный мелкий бизнес, который, защищаясь от государства, также блокировался с шиитским духовенством.

Как ни парадоксально, чем больше Реза Пехлеви модернизировал страну в экономическом и культурном отношении, чем жестче становилось сопротивление секуляризации. Фактически он сам финансировал процессы, оживлявшие исламистские настроения. Мощный импульс религиозному возрождению давало и то, что шах категорически отрицал необходимость политических реформ. В итоге новый средний класс, явно выигрывавший от проводимых преобразований, но не имевший возможности выразить себя политически, был вынужден уйти в оппозицию и вступить в союз с консервативным духовенством. Тем са-

* См.: Goldstein W. *Secularization and The Iranian Revolution // Islamic Perspective*. 2010. № 3. — P. 76–77. О реформах, которые провел Реза Шах, ярко повествует выдающийся польский журналист. См.: Капуцинский Р. *Император. Шахишах*. — М.: Европейские издания, 2007. — С. 178–179. Среди прочего автор сообщает о том, что шах запретил фотографировать верблюдов на том основании, что это «недоразвитое животное».

мым маховик будущей исламской революции был запущен, а свертывание режима светской власти в Иране было предрешено. Утвердившись в 1979 году у руля государства, религиозные правители Ирана провели реставрацию традиций, хотя, и это важно подчеркнуть, полноценного возвращения к прошлому не произошло. Исламский Иран усвоил многие элементы политического модерна. Как выразился один из лидеров революции, аятолла Рафсанжани, «где еще в исламской истории можно найти парламент, президента, премьер-министра?»*. Были сохранены программы в области здравоохранения и ликвидации безграмотности, начатые при шахе. Женщины по-прежнему имеют доступ к высшему образованию. Да, за полированные ногти и макияж можно получить 70 ударов кнутом, но, с другой стороны, родители практически никогда не используют вернувшуюся в законодательство норму, разрешающую выдавать дочь замуж с девяти лет.

5.

Частичный характер реставрации традиционалистских — мифологических — форм общественного сознания в Иране позволяет сделать ряд предположений, касающихся свертывания секуляризации и попятной замены светского государства религиозным государством. *Во-первых*, по всей вероятности, свертывание светских начал и принципов в модернизирующемся обществе происходит прежде всего в тех случаях, когда экономические и культурные преобразования не подкрепляются политическими реформами. Общественное обновление, производимое в условиях

политической монополии, обычно реализует религию, поскольку становятся востребованными те ее социальные функции, которые называют иллюзорно-компенсаторными. *Во-вторых*, движение вспять, возвращающее религию в общественную жизнь, никогда не бывает полным: даже в Иране теократическое государство сохранило многие черты и особенности прежнего, светского устройства. *В-третьих*, отступление в религиозную эпоху не может быть окончательным и бесповоротным, и обычно за ним следует новый виток секуляризации. Утверждение теократического режима в Иране повлекло за собой новый натиск светских ценностей, но в отличие от эпохи шаха теперь это секуляризация не сверху, а снизу. Социологические данные по Ирану свидетельствуют, что засилье официальной религиозности сталкивается с все большим неофициальным ее отторжением**. *В-четвертых*, иранская революция разрушила господствовавшее прежде убеждение в том, что радикальные преобразования обществ обязательно подкрепляются расширением той зоны, где господствуют светские ценности. А это, соответственно, ставит перед нами задачу «создать более сложную и детальную концепцию современности, нежели та, которая, будучи европоцентричной и считаясь логически совершенной, господствовала в эпоху колониальных империй»***. Фактически, по словам французского философа Мишеля Фуко, революция, произошедшая в Иране в 1979 году, стала первой революцией постмодерна, радикально обновившей общественное устройство, но при этом обратившей — на время — секуляризацию вспять.

* Goldstein W. *Op. cit.*, p. 84.

** *Ibid.* P. 91–92.

*** Mirsepassi A. *Democracy in Modern Iran: Islam, Culture, and Political Change.* — New York and London: New York University Press, 2010. — P. 7.

*Александр Согомов,
академический директор
Центра социологического и
политологического
образования Института
социологии РАН*

Гражданское образование в истории западной философии* (Цикл третий)

... Человек способен к жизни в обществе не от природы, а благодаря знанию.

Томас Гоббс

Не принимать безусловно ничего ложного за истинное и достигать познания всех вещей.

Рене Декарт

Мы желаем, чтобы к нам относились как к разумным созданиям, мы стремимся к свободе...

Джон Локк

Семнадцатый век — интеллектуальной мыслью и жизненными практиками раннего Нового времени — совершает самый важный для всей истории гражданского образования культурный разворот к гражданскому обществу. Государству впервые было вменено в обязанность осуществление народного просвещения. А общество и его отдельные индивиды, осознав свои гражданские права и социальные возможности, поставили себя если не выше, то по крайней мере вровень с верховной властью.

Приблизительно за полстолетия до наступления этой новой эпохи Старый свет пережил церковный раскол, гонения на гуманистов, кровопролитные религиозные войны и вышел из испытаний социально обновленным. Он открыл для себя идеи сословного общества и национального государства, а также национального языка и национальных границ; распрощался с иллюзиями позднего Возрождения и приступил к осуществлению научных революций; расстался с позднесредневековой тиранией, хоть и смирился на время с проектом европейского абсолютизма; придал в итоге концепции национального гражданства ее нынешний вид, а собственно гражданскую идентичность превратил в предмет напряженной интеллектуальной рефлексии. И т.д., и т.п. Одним словом, Старый свет на исходе XVI столетия

* Начало см.: *Общая тетрадь*, 2011, № 4 (57); 2012, № 2–3 (59).

бесповоротно становился *современным* и требовал отныне уже к самому себе современного философского *подхода*.

Ну а XVII век придал всем этим культурным инновациям их законченный — рациональный и легитимный — образ, хотя сам пережил череду не менее драматичных исторических событий, окончательно вырвавших Старый свет из «заколдованного мира» архаичных традиций, сакральных откровений и дорационального мышления. Достаточно вспомнить хотя бы Тридцатилетнюю войну и английскую революцию (как сами события, так и их последствия), чтобы представить себе, насколько наступившая эпоха кардинально разрывала со своим досовременным наследием.

Перед гражданским образованием открывались интересные перспективы, но именно оно нуждалось в свежем и принципиально не отягощенном старыми идеями теоретическом взгляде. Человек XVII века уже умел мыслить социально и ожидал серьезного философского подспорья в освоении нового миропорядка. И прежде всего ему нужны были *новый метод понимания сущности* и *новый способ конструирования гражданского общества*. Теорию для него создал Гоббс, а метод подарил Декарт.

Томас Гоббс (1588–1679) решительным образом дистанцировался как от средневековой, так и даже возрожденческой философской традиции. Ему претил всякий канон — как философский, так и католический. Не без иронии он утверждал, что в университетах первой половины XVII века все еще преподавалась по-прежнему не философия, а «аристотельство» (Aristotelity).

Гоббс радикально отказывается от античной (преимущественно аристотелевской) трактовки человека как от природы «общественного животного». И в трактате «О гражданине» (1642) предлагает прямо противоположное: «человек рождается неспособным к жизни в обществе» (De Cive, I:2, nota).

И этот на первый взгляд не столь принципиальный логический шаг в сторону приводит его к формулированию современной теории общественного договора. В естественном состоянии человек предоставлен сам себе, его жизнь небезопасна и не ведет к процветанию. И поскольку взрослые люди желают достойной жизни, они сознательно объединяются, умножая силы для достижения полезных целей. Таким образом, добровольные сообщества, которые основаны на договоре, для создания которых необходима взаимная верность, к тому же закреплённая юридически, становятся «гражданскими».

Казалось бы, куда проще. Но, продолжает свою мысль Гоббс, эти гражданские смыслы неведомы ни детям, ни невеждам, «равно как и тем, кто не испытал ущерба, порождаемого отсутствием общества, им неведома его польза». И тотчас же делает умозаключение громадного масштаба: «Следовательно, совершенно очевидно, что все люди рождаются неспособными к жизни в обществе, поскольку все они рождаются младенцами, а очень многие, может быть, даже большинство, так и остаются всю жизнь неспособными к этому, то

Ричард Лонг. Круг из красного сланца. 1980

ли в силу некоего душевного недуга, то ли в силу отсутствия образования»*.

Таким вот причудливым образом «гражданское» и «образование»** впервые в мировой истории логически сошлись друг с другом и, как

---

* Гоббс Т. Сочинения. — М.: Мысль, 1991. Т. 1. — С. 285. О жизни и об участии Гоббса в современной ему политике см.: Collins J.R. *The Allegiance of Thomas Hobbes*. — Oxford: Oxford University press, 2005.

** В сочинениях, написанных по-английски, а не по-латински, подобно «О гражданине», Гоббс использует для передачи смысла народного просвещения словосочетание «*publique instruction*».

оказалось впоследствии, раз и навсегда. Более того, произошло это, повторюсь, как результат высказанного вслух не самого существенно-го для Гоббса логического умозаключения: «...хотя человек от природы стремится жить в обществе, отсюда не следует, что он рождается способным жить в обществе»*.

Речь у Гоббса, однако, идет не о каких-то социальных сверхспособностях или навыках, которые развиваются только у определенного типа людей. Эта способность выступает естественным результатом *принятия человеком* (через *понимание*) тех *ценностных и правовых фундаментов*, на которых покоится тело гражданского общества. Гоббс уточняет свою мысль о способности жить в обществе абсолютно однозначно: «...одно дело — стремиться, другое — быть способным. Ведь стремятся к этому и те, кто в силу высокомерия не соглашается признать принципы равенства (*conditiones equas*), без которых не может существовать общество»**.

Гоббс никогда не скрывал своих монархических симпатий, однако это не мешало ему интересы гражданского общества ставить во главу угла всякой государственной политики. Политическое «единение» он именвал в подражание древним римлянам «*civitas*» и употреблял в своих текстах в смысле «государство»***. А «единение» гражданских лиц он называл, напротив, нарочито по-новому — «*societas civilis*» (ср. с английским «*civil society*»)****. Но эта семантическая близость двух фундаментальных понятий для него была чрезвычайно важна, ибо одно вытекает из другого: государство как единая личность, чья воля на основании соглашения многих людей должна считаться волей их всех. Отсюда проистекает, что интересы граждан и правителя — едины. И в этом он вновь принципиально расходится с Аристотелем.

По времени чуть позже, в 30-й главе своего самого известного сочинения «Левиафан» (1651), Гоббс утверждает, что обеспечение блага и безопасности народа является главной обязанностью всякого суверена (будь то монарх или парламент)*****. Но «выполнение этой задачи

* Гоббс Т. Сочинения. Т. 1. — С. 285.

** Там же.

*** Использовал он еще и более современное понятие «*status*» (ср. с английским «*state*»), различая «*status popularis*» (народное государство) от «*status regalis*» (монархия). Сравнение этих двух типов государства у Гоббса всегда было в пользу последнего. Подробнее о значениях «демократии» и «монархии» в сочинениях Гоббса см.: Flathman R.E. *Thomas Hobbes: Scepticism, Individuality, and Chastened Politics*. — Lanham — New York — Oxford: Rowan & Littlefield, 2002. P. 134-142.

**** Негражданская совокупность людей (то есть в буквальном смысле — «не общество») обозначалась Гоббсом чаще всего понятием «*multitudo*» (множество, масса, толпа). *Multitudo* — простое множество людей. Множество волей, множество действий, множество собственности и суждений. Мы сказали бы сейчас, что ничто не делает этих атомарных индивидов «гражданской нацией». Народ же (*populus*), по мнению Гоббса, есть нечто единичное, обладающее единой волей и способное на единое действие. И монарх в этой логике — часть народа. См.: Гоббс Т. Сочинения. Т. 1. — С. 395.

***** «Суверен... поступает против долга, если он оставляет народ в неведении или полужнани об основах и смысле этих его существенных прав...» (Сочинения. Т. 2. — С. 261).

подразумевает не только заботы об отдельных индивидуумах... а общие меры, состоящие в просвещении народа посредством учения и примера и в издании и применении хороших законов»*. Показательно, что именно право и гражданское образование возводятся Гоббсом в ранг приоритетной заботы суверена. Для западной политической культуры это стало позитивным прецедентом, даже несмотря на то, что к идеям Гоббса европейская мысль вернется полноценно только лишь в эпоху Просвещения.

Так что же должно стать предметом искомого народного просвещения? *Гражданская доктрина* (Civill doctrine) — без особых колебаний отвечает на этот вопрос Томас Гоббс. Именно она должна преподаваться в школах и университетах, конечно же, если мы хотим иметь общество, разделяющее единые национальные принципы и ценности. Если мы хотим иметь общество, свободное от мифов и ложного сознания. Если одновременно мы хотим иметь власть, осуществляющую правление открыто и прозрачно. И если мы хотим иметь власть, придерживающуюся истины и публичности. Ведь, утверждает Гоббс, откуда еще взяться у людей чувству гражданского долга, как не через понимание того, чем является гражданская доктрина, а власти — черпать силы и вдохновение из осознания факта своей легитимности. Возможно, именно поэтому, предполагая, что рано или поздно его учение ляжет в основу школьных и университетских курсов, Гоббс с такой скрупулезностью и тщанием обосновывает гражданскую доктрину в своем «Левиафане»**.

Гоббса нередко упрекают в излишнем моральном релятивизме. Он действительно не видел абсолютного начала в добре и зле, полагая, что их содержание либо раскрывается в контексте действий конкретного человека, либо насаждается властью и становится общепринятым. Впрочем, эта мысль грубо вырвана из ткани его теоретического дискурса***. Просто Гоббс был убежден в том, что ни социальный порядок, ни простые граждане не нуждаются в вечных истинах, ибо только через право они обретают знание того, что честно или бесчестно, справедливо или несправедливо, а в конце концов — добро или зло. Люди должны принимать правду о политике и о морали, принимать их проблемно и контекстуально. А понимая такую правду и будучи ориентированными на достойную жизнь, они способны будут сами налагать на себя гражданские обязательства. И эта — и только такая — правда должна преподаваться в университете. Весь логический круг современного гражданского и нравственного сознания, как видим,

---

* Гоббс Т. Сочинения. Т. 2. С. 260.

** Хотя при его жизни мало что указывало на долгую жизнь его сочинений. Книги Гоббса были под запретом в Англии. А церковь, объявив его безбожником, внесла сочинения «О гражданине» и «Левиафана» в списки запрещенных книг. Наиболее целостный анализ философско-политических взглядов Гоббса в их историческом контексте содержится в: Skinner Q. *Hobbes and Civil Science*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

*** О сложностях трактовок моральной и политической теории Гоббса см.: Gauthier D.P. *The Logic of Leviathan*. — Oxford: Clarendon Press, 2009.

предельно просто и ясно замкнут Гоббсом на позитивном знании и понимании*.

Суверен у Гоббса, как нередко отмечают исследователи, создает политические смыслы. Он сотворен людьми, прекрасно отдающими себе отчет в своих возможных ошибках и заблуждениях, но предпочитающими в публичной политике взаимнообмен мнениями (мир) вместо гражданского противостояния (война). Люди должны наконец-то понять, что суверен не обладает монополией на истину, как и никто другой; и кроме того, он больше всех заинтересован именно в «правде», а не в политических мифах. Образовательная же система, выстроенная вокруг главного дидактического метода, а именно диспута, и есть главная подмога суверену в осуществлении его долга народного просвещения. Но поскольку сам Гоббс считал, что просвещение лучше всего вести «с кафедры», то абсолютно недвусмысленно звучит его главная педагогическая максима на этот счет: «...просвещение людей всецело зависит от правильной постановки обучения юношества в университетах»**.

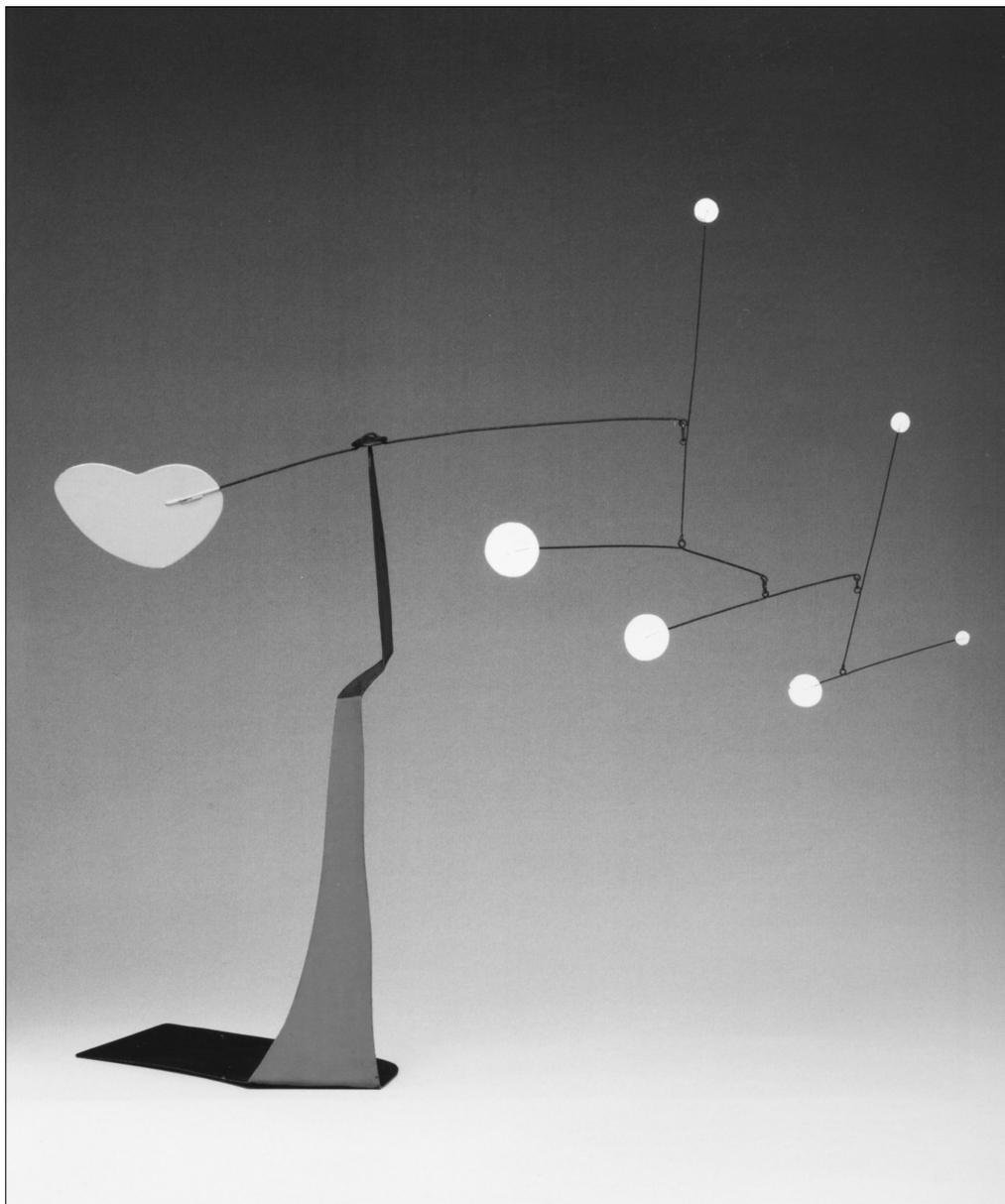
Гражданская философия Гоббса несла на себе отпечаток времени и сложных политических симпатий самого философа. Хорошо известно, что он не принял английскую революцию, хотя больше чем кто-либо в его время и даже позднее сделал для формулирования идей национального государства и патриотизма. Время и опыт не изменили его промонархических позиций, хотя это никак не повлияло на его приверженность идеалам свободы и автономии личности. Словом, Гоббс был и монархист и демократ одновременно, и эта внутренняя двойственность неизбежно сказывалась на его концепции гражданского образования: он поставил его под жесткий властный контроль суверена, а точнее, собственно суверен выступает у Гоббса в роли гражданского Просветителя. Ибо кто еще, как не сам суверен, заинтересован в подчинении подданных, основанном на *гражданском понимании*. И именно поэтому он всегда, по мысли Гоббса, ориентирован на правду, ибо в правде — его прагматический интерес.

Впрочем, «гражданская доктрина», по Гоббсу, включала в себя мнения и оценки не только суверена, но и большинства членов гражданского сообщества***. При этом важно и то, насколько мнение отдельного человека может быть значимо для сообщества? И почему мы должны к нему прислушиваться и в публичной политике его учитывать? Иными словами, скептик Гоббс и его современники неизбежно упира-

* И пусть его нередко именуют последователем Макиавелли, в любом случае европейская мысль о соотношении правды и политики — от И. Канта и до Х. Арндт — так или иначе базируется на рассуждениях Томаса Гоббса.

** Гоббс Т. Левиафан // Сочинения. Т. 2. — С. 267. (...the Instruction of the people, dependeth wholly, on the right teaching of Youth in the Universities). Рационализм и христианство удачным образом переплетались в теоретических рассуждениях Гоббса. Модель народного просвещения у него в принципе одна, и она может быть реализована как церковью, так и университетами. См. подробнее: Martinich A.R. *The Two Gods of Leviathan*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

*** Подробнее см.: Flathman R.E. *Thomas Hobbes*, p. 142–150.

Александр Кальдер. Мобайл на подставке. 1972

лись в когнитивную сложность трактовки того, что есть «гражданское знание» вообще.

И здесь, так или иначе, они обращались к картезианскому пониманию разума и интеллекта. Гоббс жил и писал параллельно Рене Декарту (1596–1650), его философская теория была совершенно самостоятельной, но рациональный метод он во многом заимствовал именно у Декарта, и не только потому, что картезианство также было направлено против Аристотеля, но прежде всего по соображениям гносеологического свойства.

Декарт отверг авторитеты и традиции прошлого, разработал научный метод и описал смыслы знания как такового. И его рациональный метод стал настолько востребованным нарождающейся современной цивилизацией, что, возможно, именно он и поспособствовал тому, что гражданское образование в конце концов обрело контуры общественного института.

В его главных сочинениях — «Рассуждение о методе» (1637) и «Размышления о первой философии» (1641) — читатель знакомится с бескомпромиссно рефлексирующим мыслителем, который ставит под сомнение существующую образовательную идеологию Старого света. И прежде всего ее важнейший постулат, согласно которому почитание авторитетов, будь то «отцов церкви» или Аристотеля, — основа основ любого производства (как и педагогического воспроизводства) знания. Уже во вступлении к «Размышлениям» Декарт «освобождает» всякий интеллект от зависимости от заданных кем-то и когда-то смыслов. И даже от приобретенного ранее знания. Нет и не может быть никаких убеждений, в отношении которых не работал бы принцип сомнения (Med. I: 14–15). Сам Декарт в юности учился в иезуитском колледже — одном из лучших для своего времени, и ему было хорошо известно, насколько все образование было пропитано пиететом перед античными и средневековыми мыслителями, насколько важной в преподавании была «мудрость древних». Зрелый Декарт отрицает всякую интеллектуальную традицию и символический авторитет тех, кто ее доносит до учеников. Напротив, он утверждает, что ни традиция, ни ее дидактика не релевантны истинному знанию. И поэтому подлинное образование, можно предположить, максимизируя мысль Декарта, совершается усилиями лишь самого индивида.

Несложно представить себе, каким образом картезианская логика на первых порах трансформировалась в новое учение о гражданском образовании. Разумеется, первоначально *в логике отрицания* того, чем оно *не* должно быть*. Но у Декарта его современники и ближайшие потомки находили также и *позитивную программу* выработки *аутентичного метода* гражданского просвещения.

Уже в своем раннем трактате «Regulae ad directionem ingenii» («Правила для руководства ума»**) Декарт, по сути, предлагает читателю систематическую дидактику разума. Сомнение и истина, заблуждение и ошибка, разные пути и способы познания, интуиция и воображение и т.д. — всему было уделено достаточное внимание, чтобы утверждать: развитие интеллекта у Декарта и, естественно, после него становится стержнем всякого обучения, а картезианский метод познания — главным.

---

* Хорошо известен на этот сюжет отрывок из его «Правил»: «...если бы мы собрали все доводы Платона и Аристотеля, а об излагаемых ими вещах не могли бы вынести твердого суждения: ведь тогда мы казались бы изучающими не науки, а истории» (Декарт Р. Сочинения. — М.: Мысль, 1989, Т. 1. — С. 83).

** Латинское слово *ingenium*, вынесенное Декартом в заголовок, в данном контексте точнее было бы перевести как «врожденный ум».

*Хакан Алтинай,
научный сотрудник
Бруклинского института
США*

*Глобальная гражданственность**

В предыдущей статье я писал о «занавесе неведения», понятии, которое ввел Джон Ролз в своей книге «Теория справедливости». И при этом отметил, что когда принципы справедливости определяются за «занавесом неведения», такой подход не исключает преимущества одних людей перед другими в каких бы то ни было обстоятельствах. Потому что максима, согласно которой мы ждем от других симметричного к себе отношения в сопоставимых ситуациях, является одновременно и простым высказыванием, и, возможно, одной из самых радикальных в истории существования человечества. В развитии концепции глобальной гражданственности этот факт я рассматриваю как определенное откровение, полагая, что общество по инерции считает сложившееся произвольное положение вещей неизбежностью, с которой приходится мириться. Но концепция глобальной гражданственности как раз и призвана, на мой взгляд, помочь обществу отказаться от инерционных взглядов на существующий порядок вещей.

Конечно, не все вопросы имеют простое и изящное решение. Например, если бы я находился за занавесом неведения, я бы особенно пристально рассматривал риски, связанные с глобальными изменениями климата.

Математическое моделирование позволяет прогнозировать последствия влияния человеческой деятельности на климат. Результаты такого моделирования неоднозначны, однако показывают, что отношения человека и планеты скоро могут достигнуть «точки невозврата», за которой цепной реакцией последуют катастрофы, а те неминуемо повлияют на существование человека на земле. Сложная динамика изменений климата усложняет проблему. Напри-

* Начало см.: Общая тетрадь 2012 № 1 (58), с. 45–54.

мер, между выбросом углекислого газа в атмосферу и последствиями выброса могут пройти 30 лет. Отложенный во времени эффект ослабляет мотивацию изменения поведения. Так многие люди продолжают курить, несмотря на доказанный вред курения, аргументируя свой выбор неготовностью отказаться от удовольствия сегодня, чтобы избежать последствий годы спустя, особенно если последствия отложены во времени на тридцать лет. К сожалению, даже если половина человечества готова одуматься и проявить благоразумие и сдержанность в своих привычках, то другая утянет первую половину за собой в могилу.

Понимая, что ставки высоки, а проблема очень серьезна, если бы я оказался за занавесом неведения в роли одного из «отцов-основателей», то ратовал бы за принятие ясного закона, который признал бы права на выброс углекислого газа и его эквивалентов в окружающую среду равными для всех. Во-первых, это вынудит определить безопасную норму выброса и разделить ее на семь миллиардов человек*. Для тех, чьи потребности будут превышать норму безопасного и равного для всех выброса, необходимо будет разработать приемлемую, контролируруемую схему или же разработать систему кредитования на выброс углекислого газа. Развитые сообщества смогут получить кредитование на дополнительный выброс углекислого газа, предоставляя

остальным взамен чистую продукцию и разработав систему уменьшения отрицательных последствий, а также внедряя новые технологии, но основное правило должно соблюдаться всеми без исключения**.

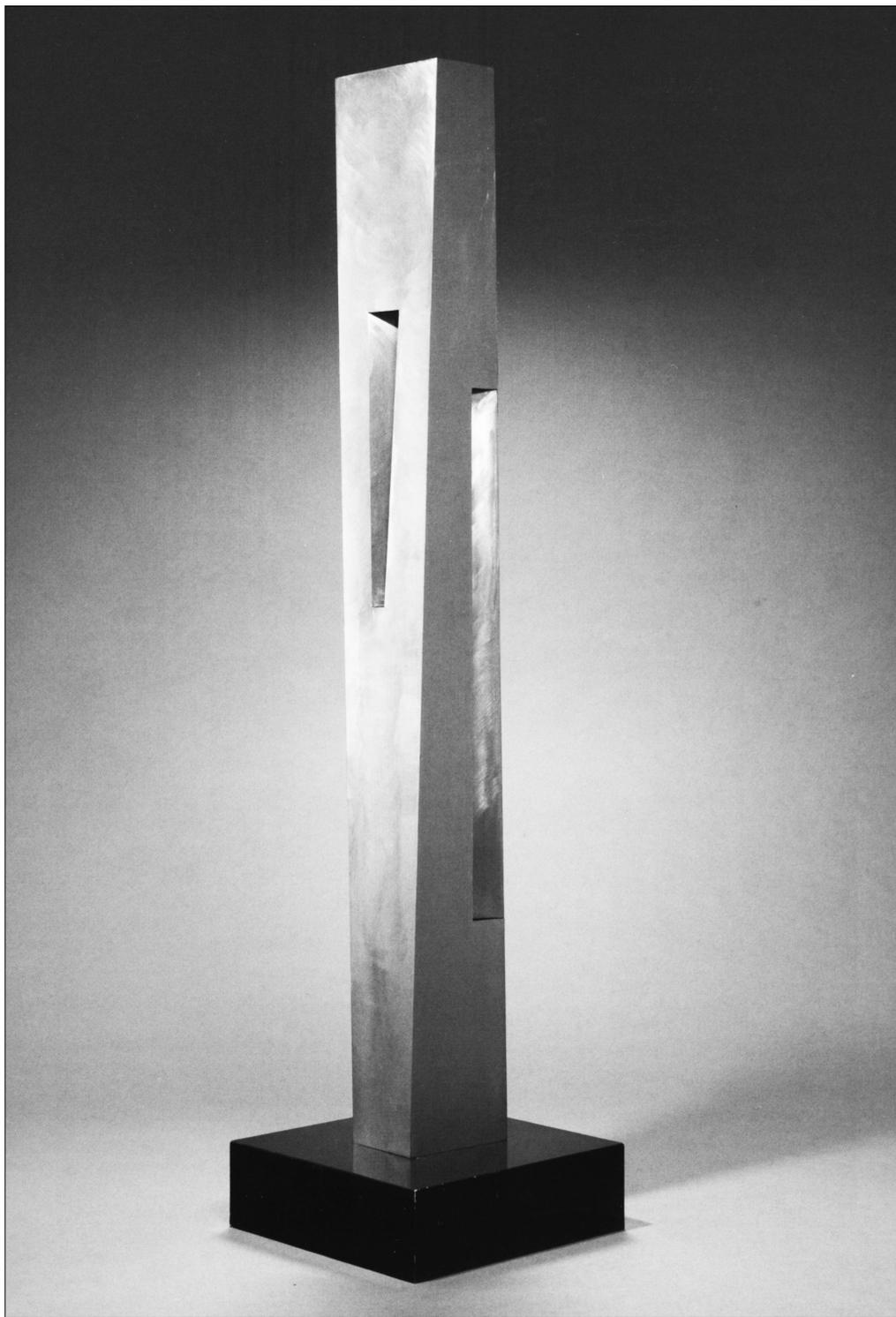
Принимая во внимание колоссальные последствия и сложность расчетов для глобальных экономик, разработчики правил, возможно, должны предусмотреть вариант установления какого-то порога выбросов вместо расчета интенсивности выбросов на душу населения. Человечество уже бросило вызов судьбе, начав в XX веке производить атомное оружие. Разработчики новых норм за занавесом неведения не могут не принимать во внимание вероятность ядерного холокоста. Несмотря на то что ядерные арсеналы сокращались в течение последних десятилетий, благородная и разумная цель полного ядерного разоружения, которая легла в основу договора о нераспространении ядерного оружия, так и не была достигнута. Находящимся за занавесом неведения стоило бы настаивать на стремлении к этой цели.

Еще один недопустимый риск — геноцид. За историю человечества это преступление совершалось не раз, священная обязанность защиты людей часто забывалась в пользу других узких интересов. Но за занавесом неведения невозможно допустить повторения подобного. Одной из мер может стать усиление полномочий Международ-

---

* Уравнение выброса углекислого газа может показаться выдумкой, но немецкий канцлер Ангела Меркель и правительство Индии уже пользовались подобной формулой. См.: Хакан Алтинай «Меркель приведет к изменению климата», (<http://yaleglobal.yale.edu/content/merkel-leads-climate-change>)

** Хотя вопрос межпоколенческого и международного разделения ответственности привлекает к себе пристальное внимание, вопрос технического прогресса не менее важен. Увеличение температуры защитного слоя Земли на 2 градуса по Цельсию приведет к необходимости сократить ежегодный выброс углекислого газа к 2050 году с 40 до 20 гигатонн. Надо помнить, что сокращение объемов выбросов будет происходить на фоне растущего населения и экономики. Таким образом, задача усложняется и вряд ли будет решена без помощи новых разработок и научно-технических открытий.

Исаму Ногучи. Часовой. 1958

ного уголовного суда с обязательным условием, что несогласие государств ратифицировать соответствующий статут повлечет за собой лишение привилегий: таких, например, как членство в Генеральной Ассамблее ООН. Другая смежная проблема, которая требует неотложного решения, — недостаток миротворческих сил ООН. Эта проблема вытекает из существующего принципа формирования миротворческих сил. Логично, что военные не должны рисковать своими жизнями, если речь не идет об их национальном интересе. При этом государственная воинская повинность — не единственная возможность защитить граждан от геноцида. Нередко люди брали в руки оружие, чтобы встать на защиту своих убеждений, пусть и в других странах. Самым ярким примером могут служить интернациональные бригады в Испании, но практика возникновения бригад добровольцев из других стран намного старше событий Гражданской войны в Испании. Поэтому стоило бы разработать за занавесом неведения механизм вступления в бригады волонтеров, который обеспечивал бы разумный баланс представления разных стран, с тем чтобы доминирование представителей какой-то одной страны в определенном конфликте было невозможным, а также чтобы в бригадах обеспечивалась дисциплина во время выполнения миссии, так как, к сожалению, истории известны примеры преследования миротворцами людей, которых они были призваны защищать. Но какие бы ни были сопутствующие выполне-

нию миссии риски, все они бледнеют рядом с перспективой невмешательства сильных держав в ситуации очевидного геноцида.

Еще один фундаментальный вопрос, который неминуемо должен быть поднят за занавесом неведения — вопрос экономического перераспределения. Должно ли установить правила распределения благ или позволить этому процессу регулироваться произвольно в ходе жизни и возникновения той или иной политической ситуации? Я подозреваю, что, несмотря на утешительную динамику уменьшения неравенства в глобальном масштабе в последние десятилетия, вопрос этот остается в повестке дня. Безусловно, существуют инструменты борьбы с неравномерным распределением благ, такие как программы поддержки и развития, временные разрешения на работу с видом на жительство гражданам из бедных стран в более развитых экономиках, материальная помощь. Но, принимая во внимание неоднозначность эффективности значительной части этих инструментов, имело бы смысл разработать наряду с этим методы оценки неравенства и применения инструментов регулирования*.

Предложенные мысленные эксперименты, разумеется, не задумывались как путь к прямым выводам или результатам. Моей целью было показать, что существуют вопросы, которые необходимо решать. Оба эксперимента выявляют характерные особенности: оба указывают на аналогичные позитивные опыты и на проблемы, требующие скорейшего решения.

---

* Для начала необходимо сделать обзор глобального дисбаланса более системным и институционализированным. См.: Джессика Коэн и Вильям Истерли «Что помогает развитию: мыслить широко и мыслить о малом» (Jessica Cohen and William Easterly, *What Works in Development: Thinking Big and Thinking Small* (Brookings, 2009)). Интересную систему мер, хоть и неутешительные выводы предлагает Бьорн Ломборг в своей книге «Глобальный кризис, глобальные решения» (Bjorn Lomborg, *Global Crises, Global Solutions* (Cambridge University Press, 2004).

Важна ли справедливость?

Скептики наверняка будут настаивать на том, что оба мысленных эксперимента (концепция глобальной гражданственности, в частности) говорят о важности справедливости, но в реальности всем правит сила. И в доказательство своей позиции сошлутся на современные исследования, в которых часто утверждается, что в основе силы всегда лежит страх, а любовь и уважение не могут служить ему достойной заменой. Действительно, многие страны продолжают свою игру с позиции силы, несмотря на то что в их риторике могут фигурировать высокие цели. Вообще сверхдержавы озабочены только своим процветанием, и их ничуть не смущают и не останавливают попытки сдерживания со стороны международного права*. Скептики предостерегают от иллюзии, что возникающие новые супердержавы послужат сдерживающим фактором для США как существующей супердержавы. Действительно, было бы наивно полагать, что общественное мнение может служить «равновесной сверхсилой» и играть решающую роль. Но подобные опасения также напоминают попытки лилипутов связать спящего Гулливера. Человек, придерживающийся подобных наивных взглядов, однажды услышит, что благие

намерения в лучшем случае отвлекают внимание, а в худшем — ведут к несчастью в силу своего безрассудства**. Скептики привыкли сбрасывать со счетов достижения межгосударственных нормативных актов, таких как запрещение работоторговли или учреждение Международного криминального суда во всех странах.

Подобные взгляды можно встретить не только в кругах, близких к власти, но и на периферии международной системы. Соглашаясь с этим, мы как бы заодно снимаем любую ответственность с тех, кто не наделен возможностями и властью для решения глобальных проблем, и не ждем от них никакой посильной помощи.

Я же буду настаивать на важности справедливости и на том, что важность эта день ото дня будет возрастать. Страны БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай) и «Группа одиннадцати» (Бангладеш, Египет, Индонезия, Иран, Мексика, Нигерия, Пакистан, Филиппины, Южная Корея, Турция и Вьетнам) — это страны с высокой вероятностью опережения стран «Большой семерки» (Канада, Франция, Германия, Италия, Япония, Великобритания и США), пусть и не в самом ближайшем будущем. Несмотря на заложенный в прогнозе долгий срок, трудно настаивать на реальности самого прогноза, хотя очевидно, что на сегодняшний

* См. книгу Роберта Кагана «Опасная нация» (Robert Kagan. *Dangerous Nation*. — New York: Alfred A. Knopf, 2006).

** Примеры равнодушиного отношения к международным движениям можно найти в двух статьях Вальтера Рассела Мида «Смерть глобального потепления» и «Ледяной и горячий взрыв» в альманахе «Интересы Америки онлайн» (Walter Russell Mead «The Death of Global Warming», *American Interest Online*, February 1, 2010 (<http://blogs.the-american-interest.com/wrm/2010/02/01/the-death-of-global-warming>) and «Blowing Hot and Cold» *American Interest Online*, October 17, 2009 <http://blogs.the-american-interest.com/wrm/2009/10/17/blowing-hot-and-cold>))

Однако есть и те, кто принимает во внимание важность межнациональных движений. Национальный совет по разведке США допускает такое развитие событий, при котором некоммерческие организации должны вырасти настолько, что ООН придется выделить для них двадцать мест в ассамблее с общим правом голоса, таким же как и у стран-наций. См. бюллетень «Глобальные тренды 2025» Национального совета по разведке (*National Intelligence Council, Global Trends 2025* (U.S. Government Printing Office, 2008), с. 91.

день неравенство в распределении сил уже не так вопиюще и в будущем должно стать еще меньше. В то же самое время уровень взаимозависимости государств сегодня и сама природадвигающихся на нас глобальных проблем указывают на необходимость союзного действия в преодолении возникающих проблем. Изменения климата — напрашивающийся пример. Человечество справится с этой проблемой и выживет, только направив на ее решение совместные усилия. Сегодня должно быть ясно, что силовая дипломатия не обеспечит добровольного содействия жителей

земли в решении глобальных вопросов. Представьте себе обычного техника, работающего на атомной электростанции в Фукусиме, или африканского министра здравоохранения, или представителя китайского среднего класса, или выпускника университета. Хотим ли мы, чтобы все эти люди думали, что миром правят сила и закон джунглей, или же мы хотим, чтобы они задумывались об ответственности перед теми, кому не случилось быть их согражданами. Выбросив понятие справедливости из головы, мы все будем бессильны перед множеством проблем, возникающих в результате неминуемой и всевозрастающей глобальной взаимозависимости стран и событий. Архитектура мирового порядка не просто движется в сторону большей демократии. Быстрое распространение вещания без границ дает нам возможность быть в курсе событий и бедствий, происходящих в любой точке мира. Мы еще не превра-

тились в глобальную деревню, но мы в сотни раз осведомленнее обо всех событиях на планете, чем еще век назад и даже десятилетие назад. Так общественное мнение приобретает все больший вес и становится все более многообразным, чем взгляды людей, определяю-

Сверхдержавы озабочены только своим процветанием, и их ничуть не смущают и не останавливают попытки сдерживания со стороны международного права.

Скептики предостерегают от иллюзии, что возникающие новые супердержавы послужат сдерживающим фактором для США как существующей супердержавы

щих политику. Например, в недавнем исследовании, проведенном организацией «Мировое общественное мнение», опрашиваемым был дан выбор между двумя утверждениями: «наше государство должно соблюдать международное право; нарушать нормы международного права так же незаконно, как и нарушать внутренние законы страны» и «если правительство считает, что это не входит в интересы нашего государства, мы не обязаны следовать никаким нормам международного права». По результатам опроса, 57% выступили за соблюдение международного права и 35% — за соблюдение государственных интересов*. Представители стран, зарекомендовавших себя как унитаралистские (например, Китай, Индия или США), поддерживали глобальный тренд. Внутри групп проценты распределились следующим образом: 74% среди китайских респондентов, 49 — среди индийских и 69% в США под-

* *Мировое общественное мнение по вопросам международного суда и права, ноябрь 2009 (www.worldpublicopinion.org/pipa/pdf/nov09/WPO_IntlLaw_Nov09_quaire.pdf).*

держивали следование нормам международного права, соответственно 18, 42 и 29% респондентов были за следование государственным интересам. То же исследование показывает, что людям свойственно недооценивать их среду, им кажется, что они одиноки в своих взглядах, и они даже не предполагают, какое количество соотечественников думает так же. 48% респондентов добавляли, что они в отличие от обычных граждан поддерживают соблюдение норм международного права; 28% сказали, что поддерживают, но не всегда. Налицо «оптическая иллюзия», которая, возможно, объясняется господствующим циничным дискурсом. У циничных политиков на этот случай всегда есть характерный ответ: «Американцы не хотят грубой силы в сыром виде, они предпочитают эту же силу, приготовленную с лучшим соусом»*. Похожее исследование показало, что 55% людей из 24 стран хотели бы, чтобы их правительства были более готовы к сотрудничеству для решения общих глобальных вопросов, в отличие от 39%, которым кажется, что их правительства слишком идут навстречу другим государствам и оказываются в невыгодном положении**.

Исходя из того, что неравенство в распределении мировых сил будет уменьшаться, а потребность в глобальных альянсах, основанных на предпочтениях и сознательном выборе общества, будет

только возрастать, понимание идеи справедливости станет центральным на глобальном уровне. Так глобальная гражданственность должна превратиться из элемента хорошего тона в основополагающий просвещенный интерес.

Важность дискуссий

Идеальное место для обсуждения концепции глобальной гражданственности — университетские кампусы. В обсуждении глобальных проблем — от климатических изменений до распространения ядерного оружия — неминуемо возникает «конфликт поколений»: двадцатилетним эти темы ближе, чем шестидесятилетним. Предыдущие поколения помнят время, когда отдельные государства правили безраздельно. Перед двадцатилетними лежит будущее, в котором уровень взаимной зависимости от живущих в других странах в разы выше. Университеты, таким образом, представляют собой уникальные площадки, на которых молодые люди могут обсуждать глобальные проблемы и связи, которые серьезней, чем могут показаться на первый взгляд. К тому же мы являемся свидетелями появления глобального среднего класса, университетские поколения становятся выразителями огромного количества точек зрения, которые существуют на нашей планете***.

* *Лесли Гелб в книге «Власть устанавливает правила» (Leslie Gelb. Power Rules. — New York: HarperCollins, 2009. — P. 72) делает попытку вернуть репутацию американской внешней политике и поразительным образом игнорирует реальность факта глобальных климатических изменений.*

** *Мировое общественное мнение по вопросам международного сотрудничества, декабрь 2009. (www.worldpublicopinion.org/pipa/pdf/dec09/WPO_Cooperation_Dec09_quaire.pdf).*

* *Последнее исследование института Брукинса предсказывает рост глобального среднего класса с 1,8 миллиарда в 2010 г. до 5 миллиардов в 2003-м. См. работу Оми Хараса и Джеффри Герца «Новый глобальный средний класс» (Homi Kharas and Geoffrey Gertz. The New Global Middle Class: A Cross-Over from West to East,), март 2010.*

(www.brookings.edu/~media/Files/rc/papers/2010/03_china_middle_class_kharas/03_china_middle_class_kharas.pdf).

Гуманитарное образование призвано дать студентам набор аналитических инструментов и информацию, которые позволят им лучше распоряжаться в том числе и своей собственной жизнью. В одном из своих обращений к выпускникам университетов Билл Гейтс выразил разочарование своим гарвардским образованием, задавшись вопросом, почему в его время ему никто не объяснил масштабов бедности на нашей планете*. Мы не хотим, чтобы грядущие поколения могли пожаловаться на то, что даже самое лучшее образование не подготовило их в полной мере к жизни на

земле в независимом мире. Естественно, в праве каждого решить, что на нем не лежит ответственность за тех, кто живет в других странах, но и это должно быть собственное взвешенное решение, а не безоговорочный выбор по умолчанию.

Было бы грубой ошибкой претендовать на создание глобального социального договора или надеяться на нахождение легких ответов на вопросы, которые ставит перед нами глобальная гражданственность. Уже были попытки определить количество людей, с которыми один человек может установить доверительные отношения в течение своей жизни. Это количество колеблется от 150 до 200. Какое бы мы ни взяли число в этом интервале, оно будет несравнимо меньше, чем общее количество людей, с которыми нам приходится взаимодействовать в ежедневной жизни.

Тем не менее, понимая, насколько взаимозависимыми становятся жизни всех людей на планете, мы не можем не сделать усилия, которое было бы направлено на исполнение наших обязанностей перед другими живыми существами на этой планете и на защи-

Исходя из того, что неравенство в распределении мировых сил будет уменьшаться, а потребность в глобальных альянсах, основанных на предпочтениях и сознательном выборе общества, будет только возрастать, понимания идеи справедливости станет центральным на глобальном уровне

ту наших же прав как членов мирового сообщества. Под ответственностью и правами мы понимаем основные вопросы концепции глобальной гражданственности. Если университеты в XXI веке не предоставят своим студентам площадки и возможности для обсуждения глобальных проблем и своих прав и обязанностей перед другими людьми, живущими на планете, можем ли мы считать, что университеты полностью выполняют свою миссию? Возможно, это выразится в том, что человечество никогда не достигнет вневременного консенсуса, уже не говоря о том, что сам процесс обсуждения глобальных проблем является полезным, просветительским и открывающим новые горизонты.

*Перевод с английского
Инны Березкиной*

* <http://www.gatesfoundation.org/speeches-commentary/Pages/bill-gates-2007-harvard-commencement.aspx>. Более подробно см.: Марта Нуссбаум «Не для прибыли» (Martha Nussbaum's Not For Profit. Princeton University Press, 2010).

*Сергей Большаков,
заведующий кафедрой теории
коммуникации СПбГУ,
доктор политических наук*

Гражданская культура и баланс демократической системы

Современные исследователи ставили под сомнение классические идеалы демократии, предполагавшие, что для существования демократической системы необходима вовлеченность, активность, заинтересованность людей в политике. Граждане демократических стран отнюдь не действуют в соответствии с рационально-активистской моделью политической культуры, «их нельзя назвать ни хорошо информированными, ни глубоко включенными в политику, ни особо активными; а процесс принятия электоральных решений является чем угодно, только не процессом рационального расчета», — писали Алмонд и Верба*. Перечисленные обстоятельства заставили Алмонда и других «нормативистов» обратиться к поиску объяснения такой неангажированности людей, что привело к созданию концепции гражданской культуры — политической культуры «идеальной демократической личности».

В контексте постструктуралистских методологических установок информационно-коммуникационное пространство, одним из измерений которого является культура, предстает в виде многообразных социальных позиций и практик агентов, обусловленных неравномерностью распределения концентрации информационных (культурных) ресурсов. Спецификой информационного (интеллектуального) производства является продуцирование и кодификация многообразных видов знания (религиозного, морального, научного, эстетического и т.п.). Информационное пространство, как и иные социальные «подпространства» (экономическое, политическое и прочие), структурно можно представить как бы в двух измерениях: в виде объективных структур распреде-

* Алмонд Г., Верба С. *Гражданская культура и стабильность демократии* // *Полис*. 1992. № 4. — С. 122.

ления различного рода ресурсов («капиталов») и возникших в связи с этим институтов (церковь, образование, наука, искусство и т.п.) и субъективных (схемы мышления и поведения социальных агентов). Поле интеллектуальных практик тем самым вписывается одновременно в объективные пространственные структуры и субъективные, находящиеся в отношениях сложной и противоречивой взаимозависимости. Из этого следует, что объективированный информационный капитал как в идеальной, так и в вещественной форме всегда является продуктом и предметом символической борьбы, так как все участники интеллектуального производства осознанно или бессознательно стремятся к признанию и легитимации своей позиции.

Представляется, что определяющей при этом является та специфическая роль, которую начинают играть информационные практики при дифференциации социальных связей. С ростом дифференциации социального мира возрастает значимость информационных практик по производству и внушению смысла. В таком обществе вмешательство одного действующего лица, «помноженное» на ограниченность благ, всегда является проблемой для других; именно эта ситуация, по мнению немецкого исследователя символических коммуникаций Н. Лумана, вызывает необходимость в коммуникативных средствах, переводящих селекцию действий одного партнера в сопереживание другого и делающих для него более приемлемым поведение других. За интересами «предписывания» всегда следуют интересы категоризации. В горизонте подобной необходимости разрешение этой ситуации неизбежно ведет к оформлению «специфического генерализированного» средства властных коммуникаций. При этом следует отличать это «генерализированное средство» (Н. Луман для его обозначения использует также термин «медийный код власти») и процесс властных коммуникаций*.

Концепция политической культуры, интегрирующая знания, накопленные в разных отраслях науки, оказалась необычайно многогранной — это выражается в полисемантическойности самого понятия.

Понятие «политическая культура» с точки зрения политической науки является семантически более удачным и эксплицитным, чем понятия «национальный характер», «национальный темперамент», «дух народа», «национальная идеология», «психологический склад нации» или «национальная психология». Несмотря на это, понятие политической культуры отличается высокой степенью полемичности. Различия в его интерпретации обусловлены как неразвитостью монистического подхода к исследованию политической культуры, так и отсутствием единого понятия «культура», которое и сегодня несет чрезвычайно большую семантическую нагрузку.

Многочисленные дефиниции политической культуры могут быть разделены на две категории:

---

* Завершинский К.Ф. *Методологические и семантические векторы политической культуры // Векторы развития культуры на грани тысячелетий. — СПб.: СПбУКиИ, 2001. — С. 106–114.*

ограничивающие сферу политической культуры комплексом субъективных ориентаций и установок индивидов, социальных групп и наций по отношению к политической системе и к политике вообще; *расширяющие* сферу политической культуры, включая в нее паттерны политического поведения*.

Можно согласиться с тем, что политические убеждения человека являются частью всех его убеждений. Индивиды «склонны переводить социальные ценности в политические», но в то же время их политические ценности могут оказывать влияние на ценности в других сферах жизни**. Бесспорно также то обстоятельство, что политическая культура граждан и народов складывается в том числе и в процессе переработки национального культурно-исторического опыта. В этом смысле политическая культура является частью общей культуры, но тем не менее представляет собой автономную сферу.

Анализируя поведение индивидов, мы можем выявить содержание политической культуры исследуемых общностей, так как их поведение ориентируется (когнитивно, аффективно или ценностно) на политическую систему, функционирование ее составных частей, таких как правительство, государственные институты, лидеры и партии.

В современных условиях выявляется новое переплетение и взаимосвязь структурных и функциональных характеристик гражданского общества и новая конфигурация его отношений с государственными структурами управления, не укладывающаяся в русло старых представлений о совокупности независимых от власти социальных акторов и каналов коммуникации. В качестве нового канала коммуникации, адекватного вызовам информационной эпохи и потребности эффективной технологии взаимодействия исполнительной власти и институтов гражданского общества, выступают современные и информационно-коммуникационные технологии, которые могут стать основой для реализации созидательной и интерактивной партнерской модели сетевого взаимодействия исполнительной власти и институтов гражданского общества.

Согласно рассматриваемой концепции каждое государство, вставшее на путь демократического развития, должно обратиться к символическим, объединяющим все общество событиям истории, включающим те идеалы, ценности и символы, которые позволяют народу считать себя единой нацией. Единство любой культуры основывается на общем языке ее символики. «С этой точки зрения немаловажное значение приобретают так называемые политические ритуалы, составляющие важный компонент своего рода «гражданской религии» каждого общества»***.

В научной литературе существует дискуссия по поводу того, стоит ли включать в структуру политической культуры поведение, его модели,

---

* *Brown A. Political Culture // The Social Science Encyclopedia. Ed. By A. Kuper and J. Kuper. — Boston, 1985. — P. 610.*

** *Омеличкин О. В. Гражданская культура. — Кемерово, 1996. С. 17.*

*** *Гаджиев К. С. Политическая наука. — М., 1996. — С. 342.*

образцы и типы или следует ограничить ее ценностями, ориентациями и установками индивидов. Необходимо отметить, что между политической культурой и политическим поведением существует тесная связь, которая проявляется в том, что:

- политическое поведение может быть объяснено только с учетом феномена политической культуры;
- политическая культура реализуется только через политическое поведение;
- формы и образцы политического поведения при соответствующей аналитической обработке могут быть использованы как индикаторы политической культуры для характеристики ее содержания, структуры и т.д.*.

Наличие или отсутствие у членов какой-либо политической системы ориентаций на данные объекты определяет тип политической культуры, характерный для данной конкретной страны. Алмонд и Верба выделяют три основных типа политической культуры:

- 1) парохильную (*parochial political culture*), ее называют также «приходской», «провинциалистской»;
- 2) подданическую политическую культуру (*subject political culture*), или культуру подчинения;
- 3) партиципаторную политическую культуру (*participant political culture*), другие ее названия — культура участия, рационально-активистская политическая культура.

Возникает вопрос о соответствии между политической культурой и структурой, типом политического режима. Чем выше степень их соразмерности, тем более эффективно функционирует политическая система. Приходская политическая культура соответствует децентрализованной структуре. Культура участия гармонирует с демократической структурой. Однако, как отмечает Р. Шварценберг, эта конгруэнция не всегда совершенна и в действительности «одна политическая культура не устраняет другую, предшествовавшую ей: она к ней добавляется, становясь преобладающей»**. Следовательно, любая политическая культура является смешанной и включает (в неравных пропорциях) элементы двух или даже всех трех культур.

В процессе исторического развития различные типы политических ориентаций и соответствующие им политические культуры неизбежно меняются, что, однако, не означает полного исчезновения предшествующих типов и замену их последующими. По мере совершенствования политической системы парохильные и подданические ориентации адаптируются к активистским, образуя смешанную политическую культуру. Пропорциональное и всегда неравное соотношение парохильных, подданических и партиципаторных ориентаций образует уникальность политической культуры каждой конкретной нации

* Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. *Современный Левиафан*. — М.: Мысль, 1985. — С. 199.

** Шварценберг Р. Ж. *Политическая социология: В 3 ч. Ч. 1*. — М., 1992. — С. 155–156.

Александр Кальдер. Без названия. 1968

или государства, которая никогда не остается статичной, а находится в перманентном изменении.

Гражданская культура (civic culture) — именно так назвали Алмонд и Верба сконструированный ими эталонный тип политической культуры. Ряд российских авторов переводят этот англоязычный термин как «культура гражданственности»*, отчего его смысл, в принципе, не меняется.

Гражданская культура, безусловно, опирается на индивида, который «активен в политике, информирован о политике и влиятелен в политике»**. С другой стороны, активный, информированный индивид может представлять опасность из-за своей чрезмерной ангажированности, подвергая постоянно сомнению решения и действия прави-

* См.: Федосеев А.А. *Модели гражданского политического общества и возможности их применения в современной России // Форум гражданского общества как национальная идея России в XXI веке.* — СПб., 2000. — С. 114.

** Almond G. A., Verba S. *The Civic Culture*, p. 474.

тельства. Поэтому, «чтобы элиты были сильными и принимали властные решения, следует ограничивать участие, активность и влияние обычного гражданина»*. Принимающий решение политик должен действовать так, как он считает наилучшим, ибо он огражден инертностью рядового человека. Произвол власти элит ограничен их ответственностью перед гражданами, которые потенциально могут проявить активность и вмешаться, в случае если решения элиты не отвечают их желаниям. «Таким образом, — резюмируют Алмонд и Верба, — от гражданина в демократии требуются противоречащие одна другой линии поведения: он должен быть активным, но в то же время пассивным, включенным в процесс, однако не слишком сильно, влиятельным, но при этом почтительным к власти»**.

«Образцовый гражданин» должен юридически и фактически обладать возможностью быть активным и оказывать влияние, но не проявлять чрезмерной активности, вмешиваясь в политический процесс по любому поводу.

Гражданская культура служит своего рода формой, поддерживающей баланс демократической системы, уравнивающей активные и пассивные качества людей, их приватные и гражданские роли, власть правительства и его ответственность перед гражданами. В странах с проблемным демократическим укладом наблюдается дефицит элементов гражданской культуры, которые обеспечивают стабильность демократической системы. Исправить такое положение возможно через реализацию комплекса политических реформ, во-первых, на уровне политической системы — посредством принятия конституции, разработки законодательных норм, создания демократических институтов. Однако для развития эффективной демократической системы «требуется нечто большее, чем определенные политические и управленческие структуры. Это развитие зависит от ориентаций, имеющих у людей в отношении политического процесса, то есть от политической культуры»***. Если она не способна поддержать демократическую систему, шансы последней крайне малы.

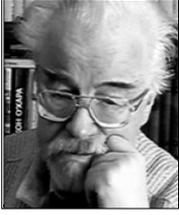
Поэтому для утверждения демократического устройства в стране необходимы изменения в сфере политической культуры, которая в своем эволюционном развитии может максимально приблизиться к гражданской, если будут созданы условия для соответствующей социализации.

В этом смысле потенциал ожидания гражданского общества синтезируется через информационные и культурные коды, когда символическая действительность политической культуры интерпретируется как политический текст, а культурное бытие человека в политике — как способность воспринимать, «читать и осваивать» социальное пространство сквозь призму социально-значимых политических номинаций и иерархий.

* Алмонд Г., Верба С. *Гражданская культура и стабильность демократии*, с. 124.

** Там же.

*** Там же, с. 130.

Вот такая диалектика...

Александр Волков, доктор исторических наук

Крошка сын
к отцу пришел,
и спросила кроха:
— Что такое
хорошо
и что такое
плохо?

Маяковский простенько отделался от этого вопроса: «Если ветер крыши рвет, если град загрохал», это, понятно, для прогулок плохо, а вот «солнце в целом свете» — это хорошо. Но в жизни-то нам приходится встречаться с куда более сложными ситуациями. Вот я как раз о некоторых из них...

Загадка русского характера

«Загадочная русская душа» — кто только не говорил и не писал о ней! Не знаю, как насчет души, а вот с одной чертой нашего национального характера никак не могу разобраться: все же хорошая она или плохая?

Русский человек сердобольный. В последнее время, правда, по моим впечатлениям, стал более равнодушным и жестоким, холоднее-то уж точно. По крайней мере раньше старушек-то не грабили, как часто происходит теперь. Но все же у нормальных людей чувство сострадания к больному, бедному, в чем-то несчастному ближнему не угасло. Примеров множество. Упал кто-то на улице — подойдут, помогут. Объявили на телевидении сбор средств для больных детей — откликнулись миллионы, собрали огромные деньги и помогли многим. Ну, не отнимешь этого у нашего, так сказать, среднестатистического человека, и это одно из замечательных вроде бы качеств. Вроде бы только и гордиться!

Но вот ведь в чем загвоздка: сострадание наше распространяется и на человека, несчастного исключительно по своей вине! Пьяному, если не буянит, помогут, может, даже скорее, чем больному, и пожалеют (хотя в последнее время тут произошел некоторый сдвиг в правильную сторону). Бедного по своей вине тоже пожалеют, того, который беден потому, что вовремя не учился, не постарался овладеть приличной профессией, не стремился набрать какие-то дополнительные очки, чтобы уверенно выступать на рынке труда. Просто лентяю, потому и безработному, тоже посочувствуют...

Говорили уже и даже писали, что в фольклоре нашем герой чаще всего не трудом достигает благосостояния, а оно сваливается на него «по щучьему велению» или потому, что в него вдруг ни с того ни с сего царевна влюбилась... Как Илья Ильф писал, «счастье свалилось на него неожиданно, он даже не успел отойти в сторону». Известна дискуссия о Штольце и Обломове, кто достойнее и привлекательнее — истинно русский Обломов, что только и валяется в постели, но зато прекрасен душою, либо Штольц, то ли немец, то ли еврей (и такое приходилось слышать), который затейлив и изворотлив. Выигрывал в общественном мнении, по крайней мере до последней поры, Обломов.

Коррупция нас сейчас одолела! О ней только и разговоры, она виной тормо-

жения всего развития страны. Так оно и есть. Будто бы рынок ее за собой приволок. Но вспомните вчерашний день, когда собственность у нас считалась общественной, хотя на самом-то деле никогда таковой не была: государство было собственником всего и вся, а государство — собственность бюрократии (Маркса-то все же стоит помнить). Так вот, украсть нечто у государства считалось скорее достоинством, чем пороком (не в государственной идеологии, конечно, а в массовом сознании). По работе помнится, что в типографии «Правды» рабочие воровали книги пачками, бригадиры — автокарами, а начальники цехов — вагонами. Всем это было известно, никто этого и не скрывал, просто регулярно из-за этого допечатывали тиражи... И так на любом производстве. Ведь «общее» значит ничье, почему бы и не украсть! Тогда, я думаю, сильно укрепилось то, что и в старой России считалось нормальным (вспомните классика: «Что там, в России? Воруют!»). Воровство тоже не очень-то осуждалось, потому что оправдывалось бедностью. И песенка была популярная: «когда от многого берут немножко, это не кража, а просто дележка». Итальянский мальчик Пепе ее вроде бы придумал. Ему мы тоже сострадали — со школьных, заметьте, лет!

А конкуренция у нас была не в чести. Прежде всего — в экономической теории. Она считалась расточительной.

Теперь вот по телевидению показывают разные конкурсы — танцы, пение, «умники и умницы»... Сажу и не столько радуюсь победам лучших, сколько жалею проигравших: такой талантливый певец, а его отправляют домой, такая красавица девушка, а проиграла. Смотрю — и сами судьбы страдают ужасно, что кому-то приходится отказывать в продвижении даль-

ше. Нет, все же это не наше, не русское какое-то соревнование!

Но не потому ли мы такие бедные, что такие добрые?! Не к тем, кто заслуживает сострадания, а и к лентяям, пьяницам, даже вора! И еще хуже — к иным бездарным и корыстным нашим руководителям!

О патриотах и паразитах

Не думал, что когда-нибудь захочется сказать похвальное слово в адрес телевизионного хитроvana Владимира Соловьева, который в организуемых им дискуссиях умеет выглядеть невероятно смелым критиком, просто даже отчаянно смелым, но в конце концов непременно сводит любую дискуссию к выводам, угодным власти. Такое вот мастерство, искусство даже, я бы сказал.

Но вот за дискуссию о патриотизме в недавней воскресной программе решил его все же похвалить.

Логика рассуждений была примерно такова. В администрации президента РФ создали управление, которое сразу же окрестили «Главроспатриотизм». В связи с этим ставятся вопросы: почему в России понятие «патриот» приобрело негативную окраску? Что можно и нужно сделать, чтобы привить нашим молодым людям чувство любви к Родине?

Г-н Проханов, традиционно обругав либералов, всех зарубежных недругов и то, что в свое время называли «преклонением перед Западом», на них и свалил всю вину за недостаточную патриотичность нашего народонаселения. Другие возразили, что патриотизм — естественное чувство человека, такое же как любовь и уважение к матери. Оно, несомненно, присутствует и у нас. Кто-то конкретизировал его, привязал к тому месту, где живет, своему дому и двору. Никонов вспомнил Пушкина:

Роберт Индиана. Любовь. 1973

«Любовь к родному пепелищу, Любовь к отеческим гробам». Архангельский, однако, напомнил, что эти строки имеют продолжение. Пушкин говорил, что на этих двух чувствах *«основано от века / По воле Бога самого / Самостоянье человека, / Залог величия его»*...

И дискуссия сразу как бы поднялась на более высокий градус: любовь к стране, осознание важности ее суверенитета,

уважение ее героев. И вот это самое «самостоянье человека», его величие — как главное достижение державы. Заслуживает ли любви и уважения наша страна, где и то не так, и это не этак, где сама жизнь человеческая всегда не столь высоко ценилась, как хотелось бы? Мы же не зря критически относимся к ее истории... Никонов заметил, что лишь два государства могут гордиться 500-лет-

ней суверенной историей — Англия и Россия. Но что такое Англия в сравнении со страной, народ которой спустился с Карпат и освоил территорию вплоть до Тихого океана, создал державу, остановившую в мире фашизм, проложившую дорогу в космос, а когда говорят о пиковых достижениях культуры, литературы, музыки, в первую очередь называют русские имена... Мы создали великую цивилизацию! И с этим, кажется, согласились все.

Ну а вот государство? Есть ли основания гордиться нашим государством, которое так менялось в ходе истории и так дискредитировано многими его управителями? Тут мнения не были однозначными. Но, пожалуй, наиболее точным и признанным выводом стало то, что наш патриотизм получил негативный оттенок по причине смешения двух очень разных качеств. Это естественная любовь к родине и преклонение перед властью, системой власти, режимом, который во многих случаях заслуживал не только нелюбви, но прямого отрицания. Власть же чаще всего стремится навязать своим подданным именно такое понимание патриотизма — как любви к ней и верности ей. Не любишь эту власть — значит не патриот!

И такое понимание охотно усваивается наиболее ловкими из этих подданных. Тот, кто бьет себя в грудь кулаком и кричит на всю вселенную, мол, он патриот, паразитирует на нормальном отношении человека к своей родине. Об этом говорили и участники дискуссии у Соловьева, в частности Ирина Хакамада. Ведущий передачи плавно закруглил все это пафосным славословием по поводу Дня единства, но впечатление от дискуссии осталось...

Быть может, после нее мне нужно было только и сказать: не принимайте паразитов за патриотов!

Цена жизни — жизнь

Вырастить человека все дороже. Дороже уже пеленки, дороже питание, дороже лечение, дороже образование. Что ни возьми, все дороже. Жизнь человеческая все дешевле. Ни за грош погибают люди в автокатастрофах и в авиакатастрофах — потому что плохо была построена дорога или в авиационный мотор поставили контрафактную деталь, водитель напился пьяный или летчик сел пьяным за штурвал... Ни за грош погибают люди в больницах: бессовестными стали многие медики, на чем-то сэкономили или просто сжульничали фармацевты, либо в нужном месте не оказалось нужных лекарств и медицинских приборов... Ни за грош погибают здоровые люди в своей постели, потому что их просто не предупредили о наводнении или не уберегли от пожара... Не перечислить всего, что несет людям гибель.

Хуже всего, что все чаще человека ни за что ни про что убивает какой-нибудь подонок вроде Брейвика, Виноградова, Чикатилы... И это дерьмо, отбросы человеческие становятся чуть ли не героями из-за идиотизма наших средств массовой информации...

А государство придумало компенсации. Разбился самолет — и сразу же чуть ли не с гордостью сообщают: правительство постановило выплатить в качестве компенсации за каждого погибшего... И называются суммы денег. Иногда ничтожные, иногда довольно приличные, но разве это может «компенсировать» потерю человека?

Конечно, всегда нужна материальная помощь пострадавшим, особенно — людям, потерявшим кормильца. Но давайте же так и называть эти деньги, скажем, помощью, но разве здесь может быть компенсация, то есть возмещение утраты?!

А возможна ли вообще «адекватная ответственность», как часто говорят юристы, за гибель человека, тем более — за убийство? Скажите мне, сколько стоит жизнь вашего сына, дочери, отца, матери... Если вы назовете цифру, то вы либо сумасшедший, либо подонок! Не назовете, если просто нормальный человек.

Можно ли в принципе говорить о чем-то адекватном в таких случаях?

Когда размышляю об этом в связи с очередными несчастьями, сообщения о которых сейчас просто заполнили и телевидение и Интернет, непременно вспоминаю одного человека, которому удалось сказать на этот счет нечто небанальное, заслуживающее внимания. Это Пинхас Лапиде, блестящий исследователь религии, много сделавший, кстати, для сближения, если не примирения, иудейства и христианства, один из самых глубоких знатоков и толкователей Библии. Он перевел ключевые понятия Евангелий с греческого языка на арамейский, родной язык Христа, а с арамейского на немецкий. И его тонкое чувство языка позволило сказать нечто новое о преступлении и наказании, об отношении к преступнику и «любви к врагу». Об этом пишет Михаэль Мертес, ближайший сподвижник и помощник Гельмута Коля, бывшего канцлера ФРГ, в книге «Немецкие вопросы — европейские ответы». Она была создана на основе выступлений в Московской школе политических исследований и ранее опубликованных статей, издана этой Школой. Мне довелось, даже лучше сказать посчастливилось, быть редактором этой книги. Поэтому я знаю ее достаточно глубоко и осознанно доверяю ей, хотя понимаю, что могут быть возражения по поводу некоторых переиспользуемых здесь текстов. Примите то, что говорится в этой статье, за субъ-

ективное мнение, на которое я имею право, как и авторы, на мнения которых ссылаюсь.

Пинхас Лапиде считает, что фразы типа «око за око» и «зуб за зуб» неправильно воспринимать как сигнал к мести. В большей степени здесь определяется размер возмещаемого ущерба, и Лапиде рекомендует придерживаться такого перевода: «Если же случится зло, отплати за жизнь возмещением жизни, за око — возмещением ока, за зуб — возмещением зуба». То есть цена ока — око, цена зуба — зуб, цена жизни — жизнь и ничто иное. Последнее — это уже мое пояснение. И тут я как бы загоняю себя в тупик. Как же возместить даже око или зуб, а тем более — жизнь человека? Ну, пожалуй, уже не сложно возместить зуб — применением самых совершенных стоматологических технологий. Оплати стоимость их применения пострадавшему от твоих действий, и зуб у него будет лучше прежнего, родного. Похоже, что скоро можно будет возместить подобным образом даже и око: уже опубликованы сведения о чрезвычайно продвинутых достижениях науки и в этой области. А вот если речь идет о жизни?

Религиозные учения не опускались никогда до столь приземленного уровня разговора. Он ведется на совершенно ином, философском уровне. Пинхас Лапиде говорит о любви к ближнему как ключе к пониманию любых человеческих отношений, переводя широко известное изречение так: «Люби ближнего своего, он подобен тебе!» Это исходная позиция и для понимания идеи «любви к врагу». Никто не требует испытывать к врагу симпатию. Речь идет о практическом действии в разрешении конфликта, а именно — способности как бы поставить себя на место «врага» (ближнего) и умении обезору-

жить его глубиной своего понимания. Автор считает, что «миролюбивый реалист» Иисус Христос ни в коей мере не пропагандировал безоговорочного пацифизма. «Пассивное восприятие неблагородных поступков только усилит несправедливость и... будет способствовать разжиганию ненависти по отношению к ближнему».

Я не нашел в доступных мне текстах прямого ответа на вопрос, который поставил сам себе: что же делать, когда один человек отнял у другого жизнь, — если исходить из формулы, представляющейся справедливой, что цена жизни — жизнь и ничто иное. Причем ответить на этот вопрос с учетом современных реалий, представлений о нравственности, светских представлений о праве, нормах законодательства... Кажется, что эта проблема проще всего разрешается применением смертной казни. Но это только кажется! Ведь смертная казнь не просто недопустима из-за наших обязательств перед европейским сообществом, что в общем-то немаловажно. (Только глупый человек мог сказать, что нам их мнение безразлично и вообще «без них обойдемся»). Потому что в современном мире выпадение из глобального общения, из перекрестия информационных, идейно-инновационных, финансовых потоков означает безнадежное отставание страны и нищету). Смертная казнь так противоречит общечеловеческим нормам нравственности, опускает государство на уровень банального мстителя, создает страшную опасность неправых ошибок и злоупотреблений, а главное, что уже доказано даже статистикой, не снижает число преступлений, то есть не решает этой основной задачи, не способствует достижению самой важной общественной цели.

Что же более полно отвечает всем критериям, изложенным в наших рассу-

ждениях? Как это ни банально — то, что и применяется в современной практике: пожизненное заключение. Это и есть жизнь за жизнь, потому что виновник несчастий тоже лишается присутствия человека нормального существования. Это почти безупречно с позиций наказания виновного. Но... не с точки зрения возмещения ущерба для пострадавших. Быть может, стоит, если речь идет не об опасных для общества преступниках, которых приходится навсегда изолировать от других людей, подумать об иных формах ответственности перед обществом, перед родственниками погибших. По смыслу это должно быть пожизненное же служение пострадавшим, то есть пожизненное искупление вины. Скажем, пожизненное содержание детей погибших граждан, пожизненное содержание их родителей, других нетрудоспособных родственников. А может быть, и не родственников, но и других граждан, пострадавших от сходных преступлений или просто престарелых, инвалидов. Пожизненное — значит в течение всей жизни виновников преступления, а не жизни тех же родителей.

Ну, о реальных формах, конкретном содержании такого искупления и возмещения, наверное, что-то могут сказать юристы. Ведь, несомненно, есть уже в этой области и некий мировой опыт... В этом найдет свое воплощение и религиозная заповедь, впитавшая мудрость человеческой жизненной практики и не противоречащая, никак не вредящая светским нормам общественного существования: «К свободе призваны вы, братия... любовью служите друг другу. Ибо весь закон в одном слове заключается: люби ближнего твоего, как самого себя. Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом». (К Гал. 5:13-15)

Леонид Седов,
социолог

Социология для России*

Попытки западных исследователей либерального направления истолковать события, происходившие в России на протяжении последних пятнадцати лет, опираясь на парадигму западных революций, не имели особого успеха. В русской истории периодически воспроизводится чередование периодов, в которые неизменно устанавливаются режимы, которые можно назвать «самооккупацией». В этих режимах та или иная правящая элита — по образцу оккупационной власти — организует государство под своим контролем и в собственных интересах, в то время как подчиненное население несет тяготы неравенства и нищеты. За этими фазами следуют фазы посттоталитарные: поскольку власть слабеет, открываются большие возможности для «игры», помогающей образованию новых элит, заявляющих о своих претензиях на власть.

Эти элиты создавались на различных социальноэкономических основаниях. Таковыми были: земельная собственность, порядок наследования по вотчинному праву бояр древних времен. Таковой могла быть служба при дворе (дворянство) во времена Петра Великого, потом земельная аристократия (вольные дворяне) в эпоху Екатерины II, бюрократия при Николае II, «номенклатура» в советский период. Политические и экономические структуры формировались затем соответственно различным элитам.

Именно под таким углом зрения следует рассматривать процессы, происходящие в настоящее время в моей стране, — как формирование новой элиты и возникновение новых политических и экономических страт в режиме «самооккупации».

* Настоящая статья была написана в 2003 году и опубликована в переводе на французский язык в парижском журнале *Etudes*, на русском языке не публиковалась.

Горбачев был представителем элиты, именуемой номенклатурой. Она почувствовала, скорее интуитивно, чем сознательно, что страна находится в военном и идеологическом тупике, что она проиграла холодную войну, что она переживает острый нефтяной кризис и что тяжелый идеологический панцирь не дает ей осознать реальное положение вещей. Робкие горбачевские попытки реформ в социальной и политической областях открыли шлюзы, куда устремилось все недовольство, накопившееся в обществе; возникли возможности для представителей новых тенденций. Так началось смутное время, весьма характерное для русской истории.

*Послесоветский период
продемонстрировал ... несостоятельность
нашей социологии и основанных на ней
социальных практик*

Решающей силой в данном случае оказались

национальные элиты различных республик: они воспользовались случаем, чтобы разрушить империю. В России очень скоро появились либеральные экономисты, которые, поддержанные Ельциным, решительно выдвинулись вперед. Экономика страны, до того времени совершенно незнакомая с монетарным регулированием, остававшаяся глухонемой (если можно сравнить деньги с «языком» экономики), обрела этот язык; язык, но только в смысле запаса слов, без грамматики, включающей в себя строго определенные отношения собственности, юридические институты, банковскую систему, в общем — язык денег. Да и до сих пор не удалось привести в порядок все для этого необходимое, так что экономика нашей страны говорит на ломаном языке (типа выражений «моя твоя не понимай»).

Последствиями такой гибридизации социальных структур являются: сохранение господства государственной собственности в основных сферах экономики, в секторе энергетики, на транспорте, в ЖКХ; непрерывное перераспределение и передел собственности в пользу военных и полицейских предпринимателей; ограбление народа посредством фиктивных финансовых институтов, девальваций и последующих банкротств. На основе этих неустоявшихся социально-экономических отношений образовалась новая элита, олигархия, находящаяся в конфликте, с одной стороны, с традиционными для России секторами, где преобладают отношения силы и могущества (они вновь обрели силу с приходом к власти Путина), а с другой — с широкой неформальной оппозицией, объединяющей «красно-коричневых», красных (бывших коммунистов) и фрагменты старой номенклатуры (ущемленной в период смены элит при Ельцине), а также криминальные элементы, которые народ рассматривает как Робин Гудов, и наконец, преступный бизнес.

Истекший пятнадцатилетний период продемонстрировал не только кризис всех сфер социальной и политической жизни, но также несостоятельность русской социологии и основанных на ней социальных

Джон Чемберлен. Ущербная логика. 1982

практик. Социальная мысль в своих результатах плавает между двумя типами хорошо известных утопий — западничества и славянофильства. Западный подход опирается на социологические и политологические модели, заимствованные со стороны и перенесенные на русскую почву, подобно тому как происходит заимствование технических достижений. С той, однако, разницей, что технологические заимствования имеют дело с гомогенными материалами, каким бы ни было место их происхождения, в то время как социальные науки оперируют человеческим материалом, всегда разнородным и особенным в различных культурах и формах цивилизации, а об этом-то до недав-

него времени и считалось хорошим тоном умалчивать в интересах политической корректности.

В советский период влечение многих специалистов-гуманитариев к западным концептуальным схемам было понятно и заслуживало уважения: это была попытка вырваться из оков марксистского учения, одновременно догматического и утопического, все дальше расходящегося с реальностью. Но в то же время появилось убеждение, что экономические и политические теории, принятые на Западе, имеют универсальное значение и могут быть без изменения перенесены в нашу реальность.

К сожалению, процессы последних пятнадцати лет ставят под вопрос эффективность таких переносов. Подобно тому как, например, законы классической механики видоизменяются в условиях очень высокого давления, так же и законы социологии трансформируются в условиях общества, подвергавшегося в течение долгого времени режиму «самооккупации». Наивно полагать, как это делают некоторые сверхоптимистически настроенные политологи, будто «выдавливание раба» (все еще сидящего внутри нас) будет происходить не капля за каплей, а сплошным потоком... Чтобы огромные человеческие массы изменились таким образом, недостаточно одного поколения или одного десятилетия трагических событий; такие события могут в лучшем случае «расшатать» генетический код культуры. Чтобы понять этот человеческий материал, необходимы социология и политология, радикально отличные от тех, которые пришли к нам из благополучных западных стран с их концептами «гражданского общества», «парламентаризма», «партийной системы», сознания «налогоплательщиков» и т.д., которые в условиях российской реальности сегодняшнего (и завтрашнего) дня не могут описать и объяснить что бы то ни было. Вот почему судьба либерального проекта в России выглядит в лучшем случае проблематичной.

Следует ли из этого, что правы славянофилы, утверждающие, что у России особый, только ей присущий путь? Надо признать, что в настоящий момент их интуиция позволяет им сделать некоторые правильные наблюдения. Беда, однако, в том, что они не обладают инструментами познания специфически русской реальности, поскольку, в силу своего темперамента, они более аффективны, чем рациональны. Они стремятся не столько к познанию, сколько к созданию мифов, искажающих, оправдывающих или прославляющих эту реальность. В частности, им присуща идеализация дореволюционного прошлого России и непонимание того обстоятельства, что советский период представлял собой не разрыв с российской традицией, а, наоборот, полное и последовательное ее и русского менталитета воплощение.

Западники понимают эту преемственность и правы, когда стремятся приложить к русскому объекту рациональные методы познания и изучения. Только это не значит, будто тем самым становится возможным использовать аппарат категорий западной социологии: ведь эта социология сформировалась в индивидуалистическом обществе, состоящем из независимых индивидов, защищенных своей собственностью как продолжением их личности. Главный вопрос западной

социальной мысли — это вопрос, поставленный Гоббсом: «Как воспрепятствовать неизбежной войне всех против всех в обществе, состоящем из независимых индивидов?» И в дальнейшем у всех социологов будет возникать вопрос: «Как возможно установить порядок?» — вопрос, сопровождаемый изучением механизмов интеграции в социальную жизнь (механизмов солидарности, юридических, политических и т.д.).

* * *

В России, где всегда преобладали силовые и иерархические отношения, при которых личность редко достигала состояния взрослого индивида, оставаясь на подростковой стадии, главная проблема для общественной мысли ставилась иначе: «Как снять (смягчить, сделать приемлемым) угнетение каждого каждым, состояние всеобщего рабства и приниженности?», «Как «оправдать» такое общество?», «Какая в нем может быть мораль?» И — «Откуда берется совесть?» Отсюда то моральное напряжение, которое прославilo русскую литературу с ее вниманием к «униженным и оскорбленным», к «Малым сим». Отсюда же неуважение к юридическим средствам организации, дискредитация закона, жизнь «по понятиям», с верой в то, что из этого вытекает. (Недавно мне попалось на глаза характерное в этом отношении высказывание актера Бориса Галкина: «Я знаю, что нужно жить по совести. Все другие пути для России — обман».) Вместо правовых систем у нас опираются на идеологические конструкции, цель которых — оправдание существующего бесчеловечного порядка посредством утопических иллюзий возможности построить «царство Божие» на земле. В религии доминируют не этические начала, а ритуальная сторона, провозглашение «Божьего милосердия» в ответ на смирение.

Результаты на практике — преступность, попытки достичь блаженного «царства Божия» здесь и сейчас с помощью всевозможных наркотиков, пресловутое «терпение», переходящее в не менее пресловутый бессмысленный бунт. В качестве механизма компенсации за давление иерархической системы — теплота непосредственных человеческих отношений (сердечность, дружелюбность), пренебрежение к элементарным условиям комфорта, способность тратить деньги не считая («бескорыстие»), склонность рассуждать о «возвышенном», вместо того чтобы решать реальные вопросы, и духовность, широта взглядов в противоположность западной «приземленности». В общем, возникает вечный вопрос, недавно сформулированный, не без доли иронии, одной из наших газет: «Какой путь должно пройти наше общество, чтобы наши столь “одухотворенные”, искренние и бескорыстные граждане смогли вместе с тем жить, как эти приземленные люди Запада?».

Вот весьма краткий перечень — всего лишь наметка — тех проблем, которые должны были бы стоять в центре внимания русской социологии. Во всяком случае это то направление, по которому мы должны идти, если, отказавшись от неадекватных анализов гражданского общества, партий, парламентаризма, мы хотим действительно понять реальность, в которой мы живем, понять *нашу* цивилизацию и ее будущее.

Знакомим читателя с нашими свежими изданиями, публикуя аннотации и фрагменты текста, дающие представление о книгах

Иноземцев В.Л. Потерянное десятилетие. — М.: Московская школа политических исследований, 2013. — 600 с.

В сборнике статей российского экономиста и социолога Владислава Иноземцева представлены избранные статьи, опубликованные в отечественных и зарубежных научных изданиях в 2002–2011 гг. Основная «сквозная» идея книги — обоснование гипотезы о «бесполезности» для страны и мира первого десятилетия XXI века. В трех частях книги, посвященных анализу соответственно глобальных экономических проблем, геополитических трендов и тенденций развития России, автор привлекает внимание читателя к тому, что практически ни на одном направлении человечество не достигло в этот период видимого прогресса и практически ни одна позитивная тенденция не была серьезно закреплена.

«Потерянное десятилетие» — это книга размышлений о том, почему в современном мире так сложно найти новые ориентиры, и о том, к чему необходимо стремиться «городу и миру» для того, чтобы вернуться на путь прогресса и обрести более понятные и четкие ориентиры развития.

Книга написана простым и понятным публицистическим языком, а тезисы автора подкрепляются большим количеством статистических данных и мнений авторитетных зарубежных исследователей.

2000-е ГОДЫ: ЭПОХА БЕЗВРЕМЕНЬЯ

Сегодня сложно однозначно сказать, чем запомнится большинству наших современников завершившееся десятилетие. Как и любое другое, оно было десятилетием надежд для одних, разочарований для других, эпохой успеха — для третьих. Но, помимо индивидуальных ощущений и воспоминаний, прошедшие десять лет оставят в истории и вполне объективный след. Разумеется, не стоит сейчас утверждать, что период 2001–2010 гг. — первое десятилетие XXI века — был плохим, так как мы не знаем, что ждет нас впереди, однако ясно, что многие тенденции и тренды, которые по крайней мере на протяжении последней трети XX столетия считались прогрессивными и обнадеживающи-

ми, именно в эти десять лет были поставлены под сомнение. К тому же как в мире, так и в отдельных странах обострились многие застарелые противоречия и проявились новые, вследствие чего развитие по целому ряду направлений остановилось и даже обратилось вспять. И хотя я был бы и рад ошибиться, но мне приходится назвать этот период новейшей истории «потерянным десятилетием».

Все мы помним тот исторический оптимизм, с которым человечество вступало в XXI век. Празднества наступления 2000 года проходили в невероятной эйфории — и следует признать, что для этого были основания: мир в 1990-е годы, несомненно, стал безопаснее, свободнее и богаче.

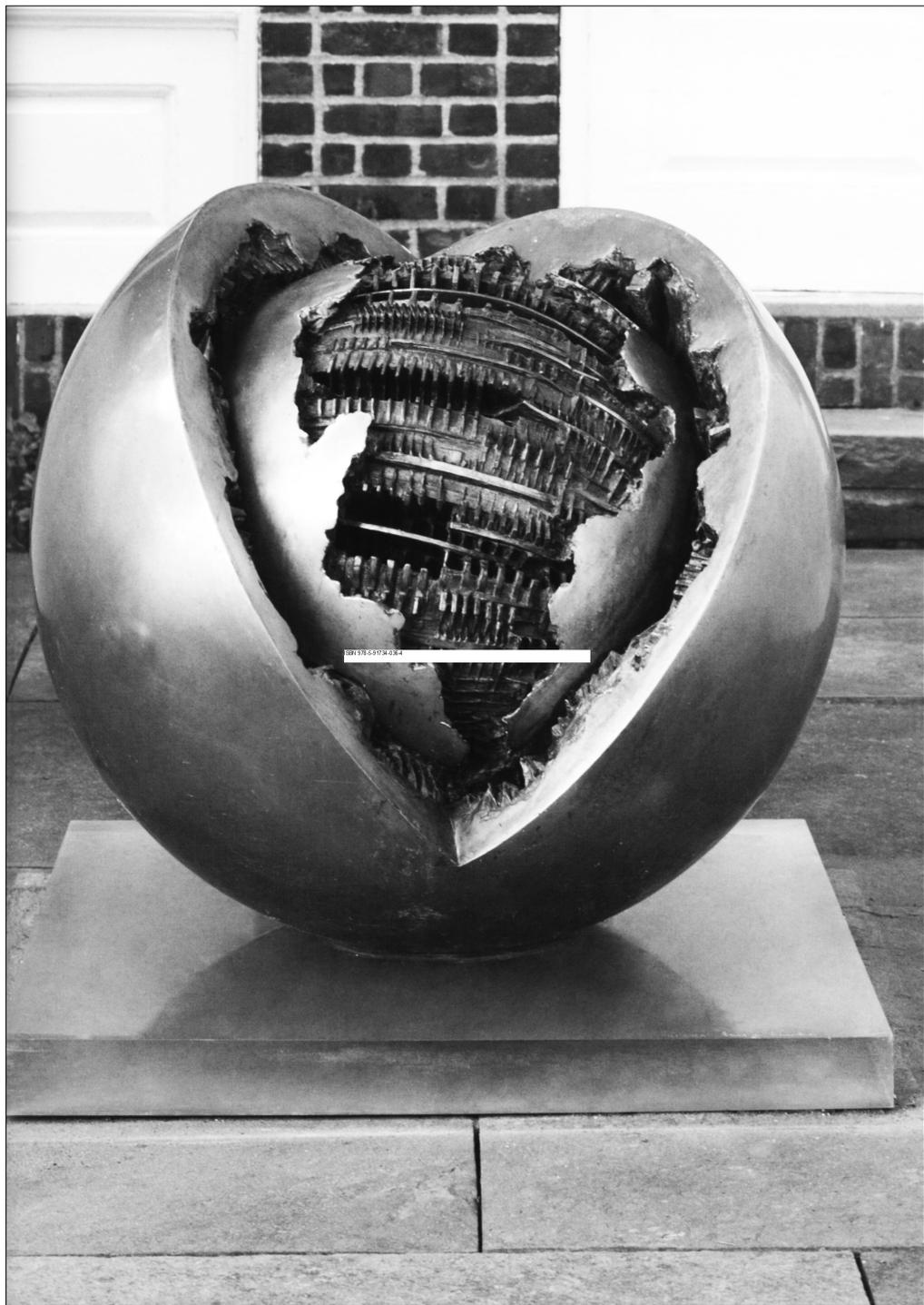
Главной его чертой стало завершение рискованного политического и военного противостояния «западного» и «восточного» блоков, продолжавшегося с конца 1940-х годов. Впервые в истории полным ходом шел процесс разоружения. Глобальные военные расходы с 1991 по 2000 год сократились с \$1,47 до \$1,05 трлн, что стало самым большим их падением как в абсолютном, так и в относительном выражении за всю историю. Опаснейшая линия межблокового противостояния в Европе исчезла с географических карт и из политического сознания; на ее месте возникла мирная объединенная Германия. Десятилетие началось с первой консолидированной международной акции против агрессора, в ходе которой войска саддамовского Ирака были выбиты из временно оккупированного Кувейта, а закончилось под знаком вмешательства в Косово, прекратившего безумия режима С. Милошевича. Всерьез стали обсуждаться проблемы противостояния геноциду и вопросы о судьбе несостоявшихся государств. На протяжении 1990-х годов были созданы трибуналы по военным преступлениям в Руанде, Сьерра-Леоне и бывшей Югославии, а в 1999 году в Риме был подписан Статут Международного уголовного суда.

В 1990-е годы либеральные демократические порядки и рыночная экономика «продвинулись» по миру более активно и масштабно, чем в любое иное десятилетие. Падение Советского Союза дало его народам и народам ранее социалистических стран шанс на возвращение на более естественный путь развития на основе политической свободы и конкурентной рыночной экономики. Свобода получила мощную материальную поддержку со стороны новых технологий распространения информации: число абонентов мобильной связи за десятилетие выросло в 60, а пользователей Интернета — в 95 раз. Мир становился все более открытым, а попытки остановить этот процесс оказывались смертельными для экономического развития. По мере становления постиндустриальной экономики формировалось понимание роли и значения творчества как экономического ресурса производительной силы. Человеческие знания невообразимо быстро заменяли сырье и неквалифицированную рабочую силу в качестве главного источника материального прогресса. На фоне прогресса безопасности и свободы резко повысилось глобальное благосостояние. Технологическая революция привела к невиданному всплеску предпринимательской актив-

ности, породив самые значимые в истории современного бизнеса истории успеха. Впервые в истории масштабная группа государств за пределами западного мира — страны Восточной Азии и Китай — продемонстрировала успешное догоняющее развитие, устойчивость которого была подтверждена временным эффектом «азиатского» кризиса 1997–1998 годов, который не смог остановить быстрого прогресса. Подхватив эстафету у Японии, континентальная Азия стала вторым по экономической мощи регионом мира после Северной Атлантики. Прогресс экономической и политической свободы, возникновение новых технологий, укрепление безопасности и доверия в мире, а также существенный рост благосостояния подталкивали процессы, обычно называемые глобализацией. Впервые с начала XX века отношение экспорта из десяти ведущих экономик к ВВП соответствующих стран превысило 30%. Оправившись после шока 1980-х с их многочисленными дефолтами, международные инвесторы снова заинтересовались развивающимися странами, вложив в них с 1991 по 1996 год беспрецедентную сумму в \$2,2 трлн. Люди стали гораздо активнее перемещаться по миру: число людей, постоянно живущих за пределами границ своих стран, не теряя при этом гражданства, выросло почти на 60%. В Европе появилась первая масштабная зона, поездки внутри которой не предполагали не только виз, но и пограничного контроля вообще, а 12 стран Европейского союза в 1999 году объявили о введении в безналичный оборот единой валюты.

Впервые человечество осознало проблему глобального изменения климата и предприняло согласованные шаги по борьбе с новыми угрозами: в 1987 году был подписан Монреальский, а в 1997-м — Киотский протокол. Мир стал небывало взаимосвязанным благодаря новым средствам связи и распространения информации.

Конечно, тенденции 1990-х годов, с одной стороны, не появились на пустом месте и стали следствием процессов, разворачивавшихся в разных регионах с конца 1970-х, а на глобальном уровне — с середины 1980-х годов; с другой стороны, в этот период происходили события, которые выбивались из общей позитивной картины. Однако не остается сомнения в том, что переход от мира, долгое время находившегося на грани гарантированного взаимного уничтожения, к миру, увидевшему новые перспективы развития, переставшему бояться будущего и ставшему гораздо более удобным местом для жизни, произошел невероятно быстро и по меркам XX века относительно безболезненно. Все это обусловило гигантские ожидания, под знаком которых человечество вступило в новое тысячелетие. Если подходить относительно схематично, они обуславливались несколькими факторами: убежденностью в дальнейшем либерально-демократическом триумфализме; уверенностью в постоянном расширении возможностей, открываемых технологическим прогрессом; надеждами на преодоление развивающимися и постсоветскими странами их экономических трудностей; ожиданием новостей с «фронтов» интеграционного проекта в Европе; и, в определенной степени, предположениями о дополни-

Арнальдо Помадоро. Сфера. 1967

тельном синергетическом эффекте глобализации и ее позитивном влиянии как на экономические, так и на социально-политические процессы по всему миру. Сегодня, подводя итоги последовавшего десятилетия, можно убедиться в том, что многие из этих надежд оказались преувеличенными, но следует признать, что мало кто мог, всматриваясь в конце 1990-х годов в контуры будущего, разглядеть обусловившие это причины.

2000-е ГОДЫ:

НОВЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

Экономика

Несмотря на то что для многих стран уже вторая половина 1990-х годов в экономическом отношении стала временем испытаний, главные проблемы в мировой экономике проявились скорее в 2000 году, когда стали заметны серьезные нисходящие тренды на фондовом рынке в США и западных странах. Проблемы в значительной мере были вызваны спекулятивными движениями в сфере компаний высокой технологии, чья капитализация в глобальном масштабе выросла между началом 1996 и концом 1999 года не менее чем на \$4,2 трлн. «Пузырь» начал лопаться весной 2000-го и потянул за собой всю экономику США: к середине 2003 года капитализация рынка акций сократилась на 46%, а стоимость 100 компаний, прежде составлявших гордость рынка NASDAQ, упала более чем в 3,8 раза. Несмотря на то что данная проблема на том этапе носила прежде всего конъюнктурный характер, она отражает, на мой взгляд, более фундаментальный тренд — а именно невозможность замены реальной экономики информационной, каковая в 1990-е годы казалась вероятной, если судить по поведению инвесторов.

К началу XXI века западные экономики пришли, начав коммерческое освоение новых технологий, воспринимавшихся, по словам некоторых экономистов, в качестве источника «неограниченного богатства». Несмотря на то что и на протяжении 1990-х годов наметился тренд к быстрому снижению цен на такие товары и стремительное повышение их доступности, ощущение «отрыва» западного мира от новых индустриальных стран было очень явным, а доходы высокотехнологичных компаний — исключительно высокими. Среди 50 самых дорогих корпораций мира по состоянию на 1 января 2000 года 19 представляли сектор информационных и коммуникационных технологий. Казавшаяся близкой перспектива нового витка радикального сокращения использования сырья и материалов толкала вниз цены на ресурсы, которые к концу 1990-х годов упали по сравнению с началом десятилетия в 2,4–3,8 раза. В мире сложился гигантский разрыв между постиндустриальными странами во главе с США и ЕС и государствами, только начинавшими приобщаться к индустриальной цивилизации, причем промежу-

точного класса развитых индустриальных стран почти еще не существовало. В этом контексте 2000-е годы стали десятилетием, изменившим представления западных политиков о происходящем: на всем его протяжении заметно усиление роли индустриальных стран, прежде всего Китая, Бразилии и государств Юго-Восточной Азии, на фоне быстрого увеличения доступности современных технологий и их стремительного копирования за пределами генерирующих их стран. При этом 2000-е годы существенно отличаются от 1990-х еще и тем, что по-настоящему новых прорывных разработок в западных странах создано не было: первое десятилетие XXI века стало временем коммерциализации уже имевшихся наработок — а в такой коммерциализации новые индустриальные страны оказались успешнее прочих.

Иначе говоря, существенной проблемой, с которой столкнулся в 2000-е годы западный мир и на которую он пока не нашел ответа, стала *проблема «излишней постиндустриализации»*, коснувшаяся прежде всего Соединенных Штатов. Несмотря на то что и сегодня многие по-прежнему очарованы информационными технологиями, очевидно, что перспективы экономического развития в ближайшие десятилетия будут определять не они — или, по крайней мере, не изобретение новых, а доведение до совершенства уже имеющихся. Иначе говоря, 2000-е годы стали периодом определенного разочарования в «постиндустриализме» — и причем разочарования не случайного, а основанного на вполне объективных трендах.

Вторым не менее важным трендом стала растущая неготовность западного мира жить «по средствам», что прежде всего коснулось Соединенных Штатов. Начиная с 1980-х годов страна-эмитент главной мировой резервной валюты от года к году увеличивала отрицательное сальдо своего торгового баланса и государственный долг. Технологический бум конца 1990-х и разумная налоговая политика администрации Б. Клинтона обеспечили на короткий период сбалансированный и даже профицитный бюджет: в 2000 году доходы превысили расходы на рекордные \$236 млрд — однако такая ситуация была временной; несмотря на ответственную бюджетную политику правительства, продолжилось наращивание долга домохозяйств и корпораций, что поощрялось политикой низких процентных ставок.

Иллюзия того, что можно проводить бесконечное раздувание денежной массы как без инфляционного эффекта, так и без кризиса на рынке заимствований, когда-то должна была рассеяться — что и случилось в 2008 году, когда впервые за последние тридцать лет серьезный кризис начался не на «периферии», а в центре мировой экономической системы. Борьба с этим кризисом привела к росту дефицита американского бюджета в 2010 году до \$1,29 трлн, или 8,9% ВВП, а государственного долга — до \$13,85 трлн, или в 2,5 раза по сравнению с \$5,6 трлн в 2000 году. На фоне кризисных явлений в США обострились проблемы в зоне евро, некоторые страны которой в 2000-е годы испытали подобный же соблазн резкого наращивания заимствований по неожиданно понизившимся для них процентным ставкам.

В результате с весны 2010 года начались операции по спасению охваченных кризисом стран еврозоны, на которые уже потрачено и еще будет потрачено не менее €1 трлн. Все эти события, несомненно, не подорвут финансовый статус США, не разрушат они и зону евро — однако понимание того, что *главные экономические центры западного мира не имеют иммунитета против масштабных финансовых потрясений, стали важной, если не основной приметой 2000-х годов.*

Существенным новым трендом, играющим «против» западного мира, стало изменение цен на ресурсы и готовую продукцию.

После последнего мощного всплеска в 1980–1981 годах на протяжении почти двух десятилетий цены на сырье и минеральные ресурсы либо снижались в абсолютном выражении, либо росли гораздо медленнее, чем цены на промышленную продукцию и технологические изобретения. Как следствие, торговый и платежный баланс западного мира оставался искусственно благоприятным.

На «низшей» точке, в 1999 году, США тратили на всю потребляемую в экономике нефть 4,6% своего ВВП, тогда как еще в 1981 году — более 9,7% (для стран ЕС-12 показатель составлял 3,1%, для Японии — 3,2%). За последовавшие десять лет ситуация изменилась драматическим образом: с января 2001 по декабрь 2010 года индекс цен на энергоносители вырос в 4,6 раза, на промышленные металлы — в 5,2 раза, на драгоценные металлы — почти в 6 раз. Наиболее устойчивыми к этому потрясению оказались, как ни странно, новые индустриальные страны, выступившие основными потребителями дополнительного количества сырья. Стабильный спрос на их продукцию и успешное применение ими заимствованных технологических решений позволяли новым игрокам успешно справляться с неожиданными вызовами, что еще больше ставило под сомнение позиции «постиндустриальных» стран.

Изменение конъюнктуры на сырьевых рынках вызвало и главное политическое следствие «экономики 2000-х»: резкое усиление позиций правящей элиты ресурсодобывающих стран, расширение их экономических возможностей и установление тесной политической «смычки» между сырьевыми и индустриальными экономиками — прежде всего между Китаем и авторитарными режимами в разных районах мира: от Анголы и Нигерии, Судана и Йемена, до Бирмы и Туркменистана. Возникли мощные международные группы типа Шанхайской организации сотрудничества, представляющей собой региональный союз склонных к автократии и антизападной риторике государств Евразии. Во всех регионах мира влияние сырьевых экономик в политической сфере стало крайне заметным, и западный мир не только оказался не в состоянии ничего этому противопоставить, но и вынужден был прибегнуть к финансовой поддержке новых воротил глобального бизнеса. К концу 2000-х годов Китай и сырьевые экономики скопили более \$4 трлн валютных резервов, а их суверенные инвестиционные фонды сосредоточили более \$1,1 трлн для инвестиций на западных рынках. Среди 50 самых дорогих корпораций мира

по состоянию на 1 января 2011 года 14 представляли сырьевой сектор, а 9 — незападные экономики. И, хотя это отнюдь не является приговором западной экономической системе, ей послан серьезный «звонок».

Если подвести некоторый итог, можно отметить следующее. Во-первых, на протяжении 2000-х годов рост капитализации западных фондовых рынков — по сути, рост богатства западного мира — остановился: в 2010 году среднее значение индексов S&P500, DAX, FTSE, CAC-40 и Nikkei оставалось ниже (причем у Nikkei — более чем на 20%), чем в 2000-м, чего до этого не случалось семь десятилетий. Во-вторых, основные индикаторы глобализации показали явное замедление данного процесса. Начался постепенный пересмотр идей мультикультурализма, а прибытие иммигрантов в США и страны ЕС в 2008–2009 годах было меньшим, чем в 1998–1999 годах. В-третьих, долговые обязательства ведущих западных стран на протяжении этих десяти лет росли в среднем со скоростью, вдвое превышающей темп прироста ВВП, и в итоге подошли к планке в 100% ВВП даже у Соединенных Штатов, чего не случалось с 1947 года. В-четвертых, именно на протяжении 2000-х годов стало очевидно, что за пределами эпохи полномасштабной технологической революции копирование технологий оказывается выгоднее их создания, и новые индустриальные страны стали активно догонять западные державы. И наконец, эти изменения породили рост цен на сырьевые активы, который, в свою очередь, начал изменять соотношение экономических и политических сил в мире. Таким образом, хотя не стоит говорить, что *первое десятилетие XXI века* принесло экономическую катастрофу, оно *все же стало «потерянным временем» для западного мира — мира, который на протяжении предшествующего столетия был катализатором мирового экономического роста и технологического развития*. Смогут ли новые индустриальные страны заменить Запад в качестве главного игрока в экономике XXI века, покажет время, однако очевидно, что смена лидера, если она состоится, вряд ли окажется безболезненной.

Международная политика

Политические перемены 2000-х годов случились быстрее и неожиданнее экономических, но оказались даже более радикальными.

Конечно, здесь определяющими стали события 11 сентября 2001 года — однако и они не произвели бы столь масштабного эффекта, если бы в Соединенных Штатах уже в конце 1990-х не намечился поворот к религиозному консерватизму, ставший своего рода защитной реакцией на «излишнюю нормальность» клинтоновской Америки, как никогда ранее сблизившейся с Европой. Консерваторы, победившие в ходе неочевидных выборов 2000 года, привели к власти команду, получившую последний шанс реванша за поражения во Вьетнаме, когда большая часть оказавшихся в Вашингтоне политиков начинала свою карьеру, и неудачу в Ираке в 1991 году, когда их миссия

не была «закончена». Атаки террористов на Нью-Йорк и Вашингтон легитимизировали любые планы американцев на Ближнем Востоке — и результатом стала «война с терроризмом», ставшая на деле ловушкой для западного мира.

Эта «война» стала фоном всего «потерянного десятилетия». Она принесла Западу, и в первую очередь Соединенным Штатам, гигантские расходы (исчисляемые некоторыми авторами в сумму до \$2 трлн); быстро выявила неэффективность существующих государственных структур в борьбе с террористическими сетями; показала, что самая мощная армия мира не в состоянии установить приемлемый порядок на территории двух не самых больших государств — Афганистана и Ирака; вынудила правительства западных стран применять в борьбе с террористами методы, давно объявленные в самих этих государствах незаконными, и даже нарушать международные конвенции и обязательства; на волне борьбы с терроризмом были приняты законы и нормы, существенно ограничивавшие гражданские права и свободы жителей развитых стран. Что еще более существенно, терроризм, который в 1980–1990-е годы оставался явлением эпизодическим, превратился в 2000-е в важный инструмент влияния на мировую политику (достаточно вспомнить, как теракты в Мадриде в 2004 году изменили расклад на парламентских выборах в Испании и вывели эту страну из «коалиции решительных»). На протяжении всего десятилетия победы над терроризмом одержано не было; успех в Афганистане и Ираке можно счесть в лучшем случае очень относительным; на волне борьбы с западными странами и их оккупационными силами в ближневосточных странах сплотилось мощное террористическое подполье, и, что самое существенное, к концу десятилетия в многих странах мира борьба с терроризмом стала уверенно восприниматься в контексте того «столкновения» христианской и исламской цивилизаций, о которой в середине 1990-х писал С. Хантингтон. Война с террором, которая вначале выглядела именно борьбой с экстремистами, постепенно превратилась в противостояние западного и исламского миров: к концу 2000-х годов образ Соединенных Штатов и многих европейских стран в исламском мире стал предельно негативным, и исправить это в ближайшее время не удастся. Даже несмотря на то что правительство Б. Обамы и новые европейские политики, которые пришли к власти в конце 2000-х годов, сняли борьбу с террором с приоритетной позиции в своих программах, *«антитеррористическая эпопея» стала самым большим поражением Запада в прошедшем десятилетии, показавшим его уязвимость и очевидную ограниченность его возможностей.*

За этой неудачей скрывалась другая значимая проблема — а именно изменение структуры мировых игроков, к которому западные страны оказались не готовы. Речь идет о резком росте роли и влияния негосударственных структур, причем вызов особой роли государства бросили не глобальные корпорации, с чем еще в 1980-е годы связывали изменение мировой системы, а не преследующие коммерческих интересов организации и даже отдельные частные лица. В первую очередь

Линн Чедвик. Две фигуры. 1959

речь идет, конечно, о всякого рода комбатантах, которые восприняли террористические методы борьбы и, по сути, выигрывают противостояние с классическими государственными институтами. Кроме того, становится ясно, что не только террористические сети, но и отдельные фанатики могут внести серьезные коррективы в планы

политиков. Именно на протяжении 2000-х годов реальностью стали общественные движения — иногда скоординированные, но порой и спонтанные, — которые стали приводить к падению казавшихся стабильными политических режимов. Политика стала куда менее предсказуемой в силу того, что далеко не все интересы, которые ранее казались понятными, сегодня могут быть просчитаны, а готовность людей — как в периферийных странах, так и в развитых — подчиняться командам сверху становится все меньшей.

Практика показывает также, что появляются и угрозы вмешательства частных лиц в сферы, которые государства исконно считали «своими»: стоит предположить, что инцидент с Wikileaks станет началом масштабного процесса «десакрализации» государства и отрицания его права быть непрозрачным и неподотчетным. *Необходимость приспособления государства к новым условиям и формирование глобальных общественных структур сетевого типа становится еще одним вызовом «традиционалистам» 2000-х.*

Закончившееся десятилетие ознаменовало собой, на наш взгляд, окончательный кризис существующих международных институтов. По сути, возникли предпосылки для соперничества между институтами традиционными, основанными на суверенных правах государств и неких их «заслугах» (лучший тому пример — Организация Объединенных Наций), и институтами новаторскими, предполагающими отказ участвующих в них государств от части своих суверенных функций (примером может быть Международный уголовный суд). Удивляет то, что доверие к традиционным институтам было подорвано прежде всего действиями самих традиционалистов. Сначала Соединенные Штаты пренебрегли мнением других членов ООН, начав вторжение в Ирак, затем Китай и Россия стали применять свои особые права в ООН для блокирования решений, так или иначе касавшихся периферийных стран, в которых они имели свои «особые» интересы. В результате как санкции международного сообщества, так и признание им легитимности тех или иных действий оказались резко девальвированы.

Односторонние действия стали предприниматься куда более активно, чем прежде. Начались спонтанные и блоковые признания новых независимых государств — если в первые два года после относительно организованного самоопределения Восточного Тимора в 2002 г. его независимость признали 67 государств, то в первые два года после объявления независимости Косово — 39, а через два года после декларации независимости Абхазией и Южной Осетией — всего 3. *Думается, что упорный подрыв традиционных коллективных институтов впоследствии может сыграть с «суверенистами» злую шутку.*

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что 2000-е годы стали в мировой политике периодом формального ренессанса государственных и суверенистских подходов, происходившего, по иронии судьбы, в условиях, когда потенциал прежних государственных форм на деле выглядит исчерпанным.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

В большинстве развитых и в некоторых развивающихся странах 2000-е годы прошли под знаком довольно быстрого нарастания неравенства, отчасти ставшего следствием либерализации 1990-х годов, а отчасти — особенностей налоговой политики (прежде всего в Соединенных Штатах и России). Статистика беспристрастно показала, что 1% самых состоятельных граждан в начале 2010 года контролировал в 12 странах ЕС в 1,35 раза большую долю доходов, чем в конце 1999-го, в США — в 1,8 раза, а в России — в 2,6 раза большую. Неравенство становилось более устойчивым и воспроизводимым, и, судя по всему, процесс его нарастания не остановится в ближайшее время. Данная тенденция вела в том числе и к нарастающей экономизации и примитивизации сознания; некоторые тенденции, ранее указывавшие на укрепление постматериалистических мотивов, практически сошли на нет, а в США, России и постсоциалистических странах наблюдался стремительный регресс в этом отношении.

Богатство стало предметом культа — особенно в ставших на путь быстрого прогресса развивающихся странах. Как следствие, именно степень экономической успешности и эффективности стала восприниматься как важный — если не основной — элемент легитимации существующих режимов. На протяжении прошедшего десятилетия это привело к упрочению (заслуженному) авторитарных режимов в Китае и некоторых странах Восточной и Центральной Азии и (незаслуженному) в России, Белоруссии и Венесуэле. Обеспечивающий обогащение авторитаризм перестал восприниматься как зло, что, безусловно, пошло ему на пользу, но в то же время породило ожидания, которые в будущем могут поставить существование ряда авторитарных режимов под вопрос.

Этот экономический тренд практически идеально взаимодействовал с угрозой терроризма, создав запрос на «безопасность», которая стала главным политическим фетишем десятилетия. Общество, большинство членов которого не ощущает масштабного внешнего вызова, который требовал бы консолидации всех сил нации, и занято зарабатыванием денег и потреблением благ, становится заикленным на сохранении существующего образа жизни, и лозунг безопасности — реальной или воображаемой — выступает замечательным субститутотом развития. Им в 2000-е годы стали оправдываться постепенное наступление на гражданские права, расширение возможностей спецслужб, сокращение свободы прессы и информации, увеличение расходов на военные и полицейские функции государства. Не только государственные чиновники, но и уважаемые социологи и философы стали вполне серьезно обосновывать доктрину *security first*. Апология безопасности стала важнейшей опорой государственных институтов, которые могли поддерживать у населения ощущение угрозы и произвольно трактовать свои успехи в борьбе с ней (сообщая, например, о десятках предотвращенных терактов). Соответственно сократились глубина и устойчивость демократических традиций. С одной стороны,

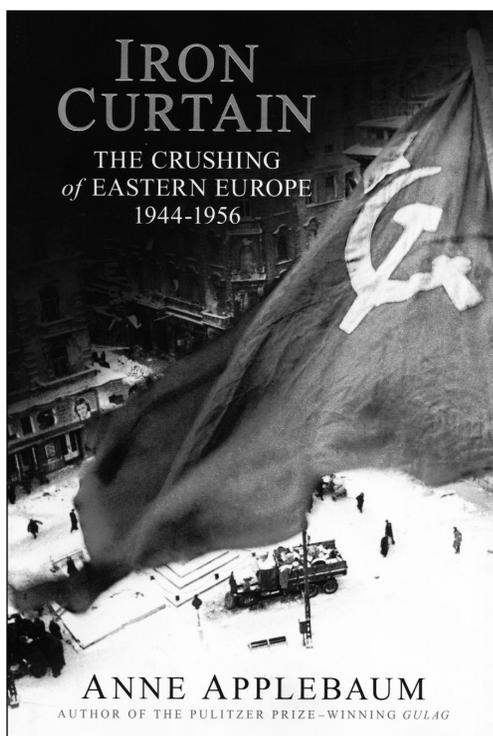
растущее неравенство усилило пропасть между элитами и народом, побудив первые максимально активно использовать современные средства манипулирования общественным мнением и превратив, по словам А. Гора, Republic of Letters в Empire of television. В обществе, где успех и известность стали основными активами, возникла возможность прихода к власти демагогов и посредственностей — причем в полном соответствии с демократическими установлениями. С другой стороны, там, где этот путь казался слишком сложным или маловероятным, власти, спекулируя на опасностях и угрозах (как внутренних, так и внешних), начали превращать демократию из реального института в фикцию — что вскоре было названо аналитиками «нелиберальной» демократией. Эта тенденция усиливалась также и внешней политикой самих развитых стран, которые стали искать союзов с автократиями и «нелиберальными демократиями» как по причине необходимости их поддержки в «войне с терроризмом», так и вследствие нарастания их экономической мощи или собственной зависимости от них в поставках энергоносителей или сырья. Очень существенный удар по демократизации мира был нанесен также политикой США и их союзников в Афганистане и Ираке, вторжения в которые в значительной мере обосновывались необходимостью установления демократии, которая, однако, так там и не привилась, породив лишь этнические и религиозные противостояния, стоившие десятков тысяч жизней.

Все три отмеченные сферы не развивались автономно: изменения в экономике, международной политике и внутривластной жизни были взаимно обусловлены — причем я бы рискнул предположить, что особое значение играли политические факторы. Война с терроризмом сделала глобальную политику менее избирательной в средствах и позволила начать наступление на гражданские права. Это, в свою очередь, стало фактором, оправдывающим ужесточение политических режимов и снижающим внимание к демократии и либеральным институтам.

В то же время реалии борьбы с терроризмом привели к дестабилизации Ближнего Востока, сокращению добычи нефти в Ираке и начальному скачку цен на энергоресурсы. Возрастающая конкуренция за нефть и ресурсы в значительной мере спровоцировала экспансионистскую политику Китая и других крупных игроков. В итоге геополитические расчеты в полной мере вернулись в мировую политику, а ресурсы и территории обрели в головах государственных деятелей то же значение, какое они имели в середине XX века. Глобальная экономика к концу первого десятилетия нового века стала в большей мере похожа на индустриальную, чем в его начале, а политика — напоминать реалии 1930-х годов, причем демагоги всех мастей оказались ее весьма органичным элементом.

В общем, 2000-е годы стали первым десятилетием со времен окончания Второй мировой войны, на протяжении которого мир стал менее свободным и равноправным, чем прежде, а ценности демократии и соблюдения прав человека подверглись существенной дискредитации.

Тоталитаризм на экспорт

Anne Applebaum. *Iron Curtain: The Crushing of Eastern Europe, 1944–56.* London: Allen Lane, 2012. — xxxix, 614 p.

Журналист и историк Энн Эпплбаум известна российскому читателю благодаря книге «ГУЛАГ», несколько лет назад переведенной в том числе и на русский язык и изданной Школой. Тогда появление этой работы вызвало шумную и вполне объяснимую дискуссию, поскольку автор попыталась вновь обратиться нашего читателя к теме, от которой тот в последние годы предпочитал отворачиваться. В Соединенных Штатах между тем публикация была отмечена престижной Пулицеровской премией, а автор почти незамедлительно приступила к напи-

санию новой книги, столь же масштабной и глубокой.

Новая работа — тоже о коммунизме. Но теперь в центре внимания не та его разновидность, которая предназначалась для «внутреннего потребления» в СССР, а экспортный вариант режима, после 1945 года насаждавшийся в странах «народной демократии». Как отмечалось в одной из британских рецензий, «Железный занавес» «заслуживает таких же похвал, как и предыдущая работа. С хронологической точки зрения это не сиквел, поскольку «ГУЛАГ» изучает воздействие репрессивно-сталинской лагерной системы вплоть до сегодняшнего дня. Но тема затронута та же самая — разрушение национального самосознания и насаждение коммунистической диктатуры в Восточной Европе»*.

Победа во Второй мировой войне, полагает Эпплбаум, не только избавила сталинизм от расплаты за Большой террор и коллективизацию, но и позволила ему навязать свою модель коммунистического общества соседним странам. Уникальность этого эксперимента была обусловлена тем, что территория, очерченная советской орбитой, была в высшей степени разнородной: здесь оказались страны индустриальные и аграрные, католические и православные, союзники нацистов и союзники коммунистов, бывшие осколки Австро-Венгерской, Османской и Российской империй. Унификация пестрого политического, экономического, конфессионального ландшафта Восточной Европы и подведение его к «единому знаменателю» основывались на том, что в каждой из стран-сателлитов, оккупированных

* См.: <http://www.independent.co.uk/arts-entertainment/books/reviews/iron-curtain-the-crushing-of-eastern-europe-194456-by-anne-applebaum-8190145.html>

Красной армией, коммунисты реализовали один и тот же комплекс мероприятий, насильственно внедряя одинаковый набор элементов тоталитарной системы.

Во-первых, повсеместно создавалась тайная политическая полиция, предназначенная для расправы с политическими оппонентами. Во-вторых, под контроль новой власти незамедлительно переходил самый могущественный коммуникационный ресурс той эпохи — радио. В-третьих, повсюду разгонялись и запрещались независимые общественные организации, сегодня именуемые «гражданским обществом». Наконец, в-четвертых, почти в каждой стране, оказавшейся в советской зоне влияния, проводилась большая или малая этническая чистка. При этом автор подчеркивает, что новый курс на первых порах пользовался широкой общественной поддержкой, поскольку капитализм и либеральная демократия в 1930-е годы катастрофически провалились и среди масс вызревало желание попробовать что-то другое.

В книге две части. В первой — «Фальшивый рассвет» — представлен сам процесс насаждения новой власти и первые этапы ее институционализации. В основе повествования не страноведческий, а структурный принцип: автор последовательно разбирается с политикой коммунистов-победителей в отношении сил безопасности, СМИ, молодежи, общественного сектора, обращаясь в основном к материалам из Венгрии, Польши и ГДР. Постоянно подчеркивается то, что основой реконструкции в каждой стране Восточной Европы выступало насилие — универсальный инструмент тоталитарного государства. Во второй части — «Высокий сталинизм» — рассматриваются разнообразные грани формирования

нового общества, от борьбы с пережитками прошлого и «классовыми врагами» до воспитания «нового человека», появления искусства «социалистического реализма» и реализации градостроительных экспериментов. Финальной точкой в повествовании выступает Венгерская революция 1956 года, нанеся коммунистической Восточной Европе первый из фатальных ударов, после которых социалистический лагерь тридцать лет спустя распался.

Как всегда бывает с историческими исследованиями подобного масштаба, книгу довольно остро критиковали, обвиняя ее в первую очередь в политической тенденциозности. «Разумеется, работа Эпплбаум писалась с научной целью, но в данном случае исследовательские задачи хорошо сочетались с политическими устремлениями, — заявлял, например, британский историк Анатолий Ливен, написавший несколько книг о современной России. — Будучи человеком правых взглядов и возглавляя политические исследования в неоконсервативном институте “Легатум”, автор явно желала вогнать еще один гвоздь в гроб прежних европейских и американских левых, имевших склонность к оправданию советского коммунизма»*. Впрочем, упреки в консерватизме в глазах российского читателя, скорее, обернутся плюсом: отечественная историография, как и рядовые потребители ее продукции, до сих пор не преодолела настороженного отношения к левым политическим программам и научным парадигмам. Тем более что книга не о какой-нибудь далекой и древней империи, типа испанской или австро-венгерской, а о нашей, «родной», вполне близкой и, к сожалению, еще вызывающей ностальгию.

Андрей Захаров

* См.: <http://www.guardian.co.uk/books/2012/oct/26/iron-curtain-anne-applebaum-review>.

Региональное книжное обозрение

Экстраординарность, случайность и протест в политике: тематическое и методологическое поле сравнительных исследований: сб. науч. ст. / под общ. ред. Л.В. Сморгунова, Е.В. Морозовой. — Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2011. — 431 с.

Сборник статей издан по итогам IX Всероссийского семинара Исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии, который прошел в октябре 2011 года в Кубанском государственном университете.

Сборник посвящен целому спектру проблем, рассматриваемых через шкалу «экстраординарности — ординарности», «случайности — закономерности» в политике, прежде всего в современной российской. Авторы сборника поднимают вопросы формирования гражданской культуры в РФ и ее отсутствия (в частности, правового нигилизма и политического абсентеизма), протестной активности, конфликтных факторов в политическом процессе, специфики электорального процесса в современной России (прежде всего проблемы фальсификации выборов, электоральной коррупции). Уделяется внимание также таким экстраординарным формам политиче-

ского участия, как терроризм, и таким формам протеста, как революция.

Однако сборник, с нашей точки зрения, оставляет больше вопросов, чем дает ответов, представляет собой в большей степени констатацию status quo в социально-политическом поле, фиксирование проблем, нежели пути их решения. Что дальше? Складывается впечатление, что мы попали в состояние «неопределенности», в ситуацию принципиально непрогнозируемого будущего.

Современная Россия все еще продолжает «топтать в точке бифуркации». Трансформации всей социетальной системы, окончательного перехода от одного режима к другому так и не произошло. В том ли дело, что такова суть России — смена реформ и контрреформ, эволюции и отката? Борьба свободы и деспотизма, «открытости» и «закрытости», как отмечал К. Поппер, проходит через всю человеческую историю. Но придем ли мы в результате начавшегося в России в конце XX века транзита к формированию открытого российского политического пространства? Сможем ли научиться в условиях свободы и демократии постоянно, осознанно делать свой выбор или будем продолжать ссылаться на

антиномичность российского общества и консервировать «имитационно-демократическую» систему?

Авторы сборника констатируют, что в современной России происходят процессы, обратные формированию «открытого общества», в частности «огосударствление» политического пространства (*термин А. Соловьева*). Причин называется множество. Они носят и социокультурный, и политический, и экономический характер, кроются и в самом обществе, и во власти, и в историко-политическом наследии. Объектами исследовательского внимания авторов сборника оказываются такие явления, как императив «креативной модернизации», перед которым оказалась Россия, не решившая по сей день задачу первичной модернизации; несовпадение легальности и легитимности; «электоральная аномалия»* не только на «управляемых» территориях (например, ЮФО и Северный Кавказ), но и в СЗФО (Санкт-Петербург, Калининград), а также в Москве.

Помимо проблем политических, в материалах сборника затрагиваются проблемы российского социума, такие как растущая атомизация индивидов, бытовая ксенофобия. Выражается озабоченность тем фактом, что, несмотря на рост числа пользователей Интернета, по-прежнему основным источником информации для россиян остается центральное телевидение.

Так, в 2010 году 81% российских граждан доверяло телевидению и только 20% — Интернету. Отмечается, что такие принципы эффективной пуб-

личной политики, как верховенство права, независимая судебная власть, действенность законов по обузданию коррупции, защищенность частной собственности, свободные и честные выборы, налаженная поддержка гражданских инициатив, сохраняют наибольший антирейтинг в регионах.

Исследователи приходят к выводу, что существующая в России «суверенная демократия» вовсе не соответствует сущностным принципам демократического режима, ставится под вопрос легитимность института выборов. В качестве примера один из авторов сборника приводит муниципальные выборы в августе 2011 года в округах «Красненькая речка» и «Петровский» в Санкт-Петербурге, в результате которых совершился процесс «перемещения» В.И. Матвиенко из кресла губернатора Санкт-Петербурга в кресло спикера Совета Федерации (с. 92–99). Ставится вопрос: являются ли эти выборы политическим событием? Опираясь на философский тезис А. Бадью о том, что одно и то же явление может быть или не может быть событием, в ходе подробного анализа избирательной кампании, учитывая факты многочисленных нарушений, автор приходит к выводу, что в данном случае выборы подлинным аутентичным событием не являются, — это всего лишь «неистинное, симуляция».

Отдельные авторы отмечают новые тенденции в российской политике, в частности роль протестной активности, возможность цивилизованного и эффективного протеста. При этом протест, по мнению одного из авторов

---

* Отклонение в электоральном поведении.

сборника, выступает как способ идентификации в условиях кризиса идентичности, формируется так называемая протестная идентичность. Автор публикации, опираясь на выделенные М. Кастельсом типы идентичности в условиях глобального общества («легитимирующая идентичность», «идентичность сопротивления», «проективная идентичность»), делает вывод о том, что формирование «идентичности сопротивления», или «протестной идентичности», может стать основой для решения серьезных российских проблем. Растущая российская протестная идентичность может стать основой интеграции общества и заставит задуматься людей «о справедливости существующей системы распределения ресурсов» (с. 195–203). Возможно, не только задуматься о несовершенстве общественного устройства, но и совершать действия с целью его совершенствования.

Одновременно с формированием института «цивилизованного» протеста современная российская власть пытается ограничить возможность реализовывать так называемое смещенное действие*, выражаемое в протестах, флешмобах, политической сатире. Тем самым власть лишает себя инструмента управления агрессией в политических отношениях с помощью механизмов ритуала. Ритуал, как правило, позволяет банализировать экстраординарные феномены, перевести их в русло обыденного, рутинного, символическим действием защититься от «дьявола нарушения» сложившихся поряд-

ков. Как отмечал Ж. Баландые, высшая хитрость власти состоит в допущении ритуального протеста с целью более эффективной своей консолидации. Однако сдерживать средствами символической политики социально-политические конфликты возможно только до поры до времени.

Если перекрыть каналы реализации смещенного действия в форме демонстраций, шествий, пикетов и других форм политического протеста, вероятно крайняя форма протеста — социально-политическая революция. С точки зрения одного из авторов сборника, в современном мире формируется новая радикальная форма протеста — революция в формате «4D» (с. 188–195). К ним автор относит в том числе революции в арабском мире. Подобная радикальная форма характеризуется быстрым усилением таких явлений, как девиация (отклонение в социальном поведении), делинквенция (это уже не просто отклонения, а серьезные нарушения закона, а также акты насилия, которые становятся массовым явлением), депривация (под этим термином автор подразумевает недовольство распределением социальных и материальных благ в обществе, «расхождения между ценностными ожиданиями и ценностными возможностями», которые также ведут к агрессии) и, наконец, деривация (создание идеологических систем, которые придавали бы действиям и институтам видимость разумности, понятности, скрывали бы аморальные цели элиты). Современные революции «4D» начи-

---

* Сжечь чуело политика вместо того, чтобы взорвать его самого, разбить посуду, вместо того чтобы разбить лицо собеседника, и т.п.

наются в молодежной среде, но впоследствии их движущей силой является не определенный социальный класс (буржуазия, рабочие и т.п.), а самые широкие круги социально недовольных и политически несогласных. Революционные процессы внутри страны происходят на фоне глобальных конфликтов постиндустриального общества и межцивилизационных противоречий.

Помимо качественно новых форм протеста, авторы сборника обращают внимание на все самое важное, что появляется в российской политике и может способствовать трансформации массового сознания, транспарентности во власти, изменению в дискурсивном пространстве. Это, например, способность информационного общества к мобилизации и координации с помощью сети Интернет через социальные сети (в период подготовки митингов, шествий). Сюда же можно отнести такую новую для России форму политического действия, как краудсорсинг, осуществляемый также посредством сети Интернет. Возможности использования краудсорсинга в публичной политике, в том числе и в российской публичной политике, достаточно велики. Власти полагаются на пользователей в определении эффективности управленческих практик. Краудсорсинг достаточно эффективен в рамках законотворческой деятельности (например, оценки гражданами

законотворческих инициатив со стороны институтов государственной власти или возможность законотворческой инициативы самими гражданами), а также сбора оперативной информации, например в ситуации чрезвычайных бедствий (в частности, на основе системы сбора и управления информацией «Ушахида»).

Сборник статей вышел в 2011 году и не охватывает событий быстро развивавшегося политического процесса в России в 2012 году — волну протестного движения и «авторитарный поворот» власти (в частности, целая серия законов репрессивного, по мнению многих специалистов, свойства). Но намеченные в сборнике тенденции позволяют понять, как тонка грань между ординарным и экстраординарным, как быстро трансформируется «гражданская война символов» в революцию и гражданскую войну, как быстро неформальные практики замещают собой закон.

Понимание феномена политического события, границ между конвенциональностью и неконвенциональностью, заданностью и случайностью позволяет не просто осмысливать происходящее, а подчинять и трансформировать эту действительность на основе знаний политической науки.

*Юлия Лебедева,
кандидат политических наук,
выпускница МШПИ*

Владимир Рыжков,
политик, публицист

Контрапункт

РОССИЯ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР

Вадим Волков. Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ. 3-е изд. — СПб.: Изд-во Европейского университета, 2012. — 352 с.

Россия после распада СССР далека от первоначальных идеалов. Желаемым идеалом в конце 80-х — начале 90-х годов были подлинное народовластие, с широким участием народа в управлении страной, свобода слова и мнений. А еще верховенство права, поддерживаемое независимыми судами. И европейская экономика, сочетающая частную собственность с широкими социальными гарантиями. Вместо этого появилась страна, лучше всего описываемая словами *произвол, коррупция, беспредел, несправие, вертикаль власти, наезд и откат*. И конечно, *бандит*.

Как так вышло? Кто виноват или что виновато? Политики, история, общество, культура, экономика? Об этом еще долго будут спорить специалисты и сами наши граждане. Точный ответ потребует точного знания и исторической дистанции.

Вадим Волков, известный социолог, научный руководитель Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, проректор ЕУСПб, на протяжении ряда лет проводит уникальное исследование, которое поможет найти ответы на эти вопросы. Он исследует феномен бандитизма, возникшего в СССР на излете советской власти и ставшего одним из отличительных и во многом определяющих знаков эпохи.

Недавно вышло третье, дополненное, издание его капитального труда «Силовое предпринимательство, XXI век». Под силовым предпринимательством автор понимает использование организованного насилия для получения постоянного дохода в условиях рыночной экономики. Силовые предприниматели — это бандиты всех мастей, охранные предприятия, а в 2000-е годы — сплоченные группировки сотрудников правоохранительных органов. Без понимания происхождения, эволюции и функционирования силового предпринимательства невозможно адекватно понять российские экономические, социальные и даже политические реалии.

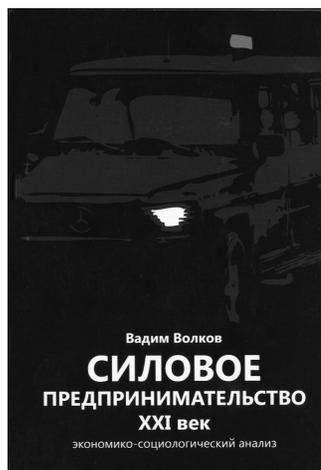
Страшная трагедия в Кушевке на Кубани (убийство местного фермера и всей его семьи бандитами из банды Цапков) стала иллюстрацией к истории развития бандитизма в России: долгой дороги от примитивного рэкета до создания и легализации бандитами своего среднего и даже крупного бизнеса и выхода в депутаты — на политический уровень. За два десятилетия язык, культура и методы бандитов стали частью общенациональной политической и народной культуры, а сами криминальные структуры прочно срослись с государственным и, в частности, с правоохранительным аппаратом. Без ясного понимания и учета этого, строя планы на будущее, можно вновь получить совсем не те результаты, которые запланированы.

Автор систематически рассматривает феномен силового предпринимательства в России методами социологии, и при этом ярко и предельно конкретно. *Рэкетеры, бандиты, организованная преступность* появились у нас одновременно с рождением массового класса предпринимателей — в конце 80-х годов. Многие из них были за эти годы убиты или отбывают длительные тюремные сроки, но многие входят сегодня в «элиту» страны.

Как возник массовый и повсеместный бандитизм, хорошо знакомый нам по малиновым пиджакам и фильму Алексея Балабанова «Жмурки»?

В конце 80-х — начале 90-х годов Россия оказалась в гоббсовском «естественном состоянии» («война всех против всех»). В стране формально существовали все государственные институты (суды, милиция и др.), но на самом деле правоохранители предоставляли, по сути, частные охранные и арбитражные услуги, конкурируя на диком рынке с бандитами и другими частными охранными предприятиями. «Множество разнообразных полувоенизированных формирований, от профессиональных уголовников до работников правоохранительных органов, от бывших спортсменов до казацких объединений, активно занимались специфическим видом коммерческой деятельности, применяя силу, угрозы, давая гарантии, разрешая конфликты и контролируя исполнение решений». Бандиты заняли место слабых государственных и общественных институтов, взяв на себя их функции и взимая плату с облагаемых данью трусливых и жирных «коммерсантов». Тогда практически стерлись различия между частным и общественным, законным и незаконным — что и осталось в народной памяти как «лихие 90-е».

Вадим Волков проводит интересные сравнения нашего бандитизма с «классическими» образцами — сицилийской и американской мафией, японской якудзой. Исходя из того, что большинство исследователей мафии сходятся в том, что «*мафия представляет собой упрощенный аналог или субститут государства*». «*Мафиозо производит гарантии, заместитель доверия на рынках с повышенным уровнем риска*».

Специфический товар, который продают на своем «рынке» бандиты, мафиози и охранные предприятия — «охрана». Это не столько физическая охрана, сколько гарантии, которые бандит дает на рынках с высокими рисками (гарантируя своей способностью к применению насилия защиту собственности и договоренностей «своего» коммерсанта с другими). Бандиты отрицательно влияют на экономику, не только в целом отравляя деловой и общественный климат, но и убивая честную конкуренцию, грубо избавляя своих коммерсантов от конкуренции и конкурентов.

Для исполнения своих квазигосударственных функций бандиты используют три главных ресурса — информацию, насилие и репутацию (специфический бандитский «авторитет»). И три главных технических средства для обеспечения «работы» — машину, оружие, мобильник.

Рэкетеры появились в СССР вместе с появлением более свободной торговли («спекуляции») на рынках. Первыми бандитами нового типа стали спортсмены, воспитанники и тренеры спортшкол (так называемые качки). Их преимуществом стали физическая сила, дисциплина, сплоченность. Также появились группы рэкетиров из числа ветеранов войны в Афганистане («афганцы»). Местом роста и развития бандитизма стали городские рынки. Видами бандитского бизнеса стали вымогательство, охранный рента (за предоставление «крыши»), реальная охрана клиентов, силовое партнерство (вхождение бандитов «в долю» к коммерсантам — вплоть до полного завладения бизнесом), силовое посредничество («терки» и «стрелки» с другими коммерсантами и их «крышами»).

Так появился современный российский бандитизм — *«продукт незаконного использования силы в условиях слабого государства»*.

В начале 90-х годов в России стихийно возникли тысячи бандитских бригад и группировок — спортсменов, афганцев, этнические группировки, группировки по территориальному принципу (*солнцевские, люберецкие, казанские*, местные и приезжие и т.п.) На 1992–1995 годы пришлось самые кровопролитные войны между преступными группировками, унесшие жизни не одной тысячи «бойцов». Тогда же сложились стандартные практики силового предпринимательства — *пробивка* (сбор информации), *наезд, стрелка, разборка, разводка*.

С приходом к власти Владимира Путина в России развернулся очередной этап передела собственности и смены «крыш». На первый план вышли силовые государственные структуры, потеснившие частные криминальные группировки. Однако сама модель силового предпринимательства не изменилась: государственные органы зачастую занимались все тем же «крышеванием» — в интересах чиновников, силовиков и не только. «Интенсифицировалось коммерческое использование силовых и административных ресурсов государства для масштабного перераспределения экономических активов в пользу ограниченного числа финансово-промышленных групп».

Вместе с экспансией бюрократии, силовиков и финансово-промышленных групп бандиты старой формации или погибли, или сели на

долгие сроки в тюрьму, или успешно сумели адаптироваться к новым условиям «вертикали». Многие начали проигрывать конкуренцию выходцам из МВД и ФСБ, а также своему главному конкуренту — государству. В своем старом виде 90-х годов российская мафия «оказалась феноменом одного поколения».

В 2000-е типичной формой силового предпринимательства стало государственное силовое предпринимательство, использующее в принципе те же методы, что и прежние частные бандиты, — сбор информации, захват документации предприятий, вымогательство, оказание рыночных и охранных услуг, арест имущества или даже самих предпринимателей, даже пытки и физическое насилие к объектам нападения силовиков. При этом формально все происходит «по закону», с использованием законных полномочий и Уголовного кодекса.

Вадим Волков не проследивает подробно судьбы бандитов в путинскую эпоху, хотя это могло бы стать отдельным, в высшей степени интересным сюжетом исследования. Многие из «братков» 90-х годов успешно перешли в статус респектабельных бизнесменов и даже политиков. Так, в Саратове мне рассказали об одном известном деятеле, у которого в официальной биографии продолжительный период весьма сомнительной деятельности скромно обозначен как «*работа в коммерческих структурах*». Теперь он заседает в региональном парламенте от правящей партии и недавно был переизбран на второй срок. Он имеет свой бизнес — группу, включающую влиятельный медиахолдинг. Учредитель православного фонда, военно-патриотического клуба и т. д.

Такие истории можно найти практически в каждом российском регионе. Адаптируясь к новым условиям и интегрируясь с силовыми и политическими элитами страны, люди с криминальным прошлым продолжают делать новую российскую историю.

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

Михаил Горбачев. Наедине с собой. — М.: Грин Стрим, 2012. — 688 с.

Архитектор перестройки, последний советский генсек и единственный президент СССР Михаил Горбачев вряд ли мог представить себе, что именно в эпоху его лидерства в СССР зародится феномен современных российских бандитизма и силового предпринимательства, расцвет которых придется уже на следующую — ельцинскую эпоху.

Целями перестройки, гласности и нового мышления было совсем другое. Никто не мог предвидеть побочных эффектов, часть из которых со временем стала мейнстримом.

Великий советский реформатор стремился радикально изменить политическую систему СССР, освободив ее от сталинского наследия, опереться на энергию освобожденного советского человека, превращенного системой в «винтик» бездушной машины. Горбачев начал серьезные экономические преобразования, целью которых было постепенное введение рыночных отношений, рыночной конкуренции — с целью повы-

шения эффективности и конкурентоспособности советской экономики, к концу 1970-х годов практически остановившейся в своем развитии и безнадежно отставшей от Запада в области производительности труда и внедрения новых технологий. Начиная свою перестройку, ее инициатор, лидер и идеолог не мог предположить, что уже через несколько лет страна войдет в зону фатальной турбулентности и развалится, что экономика дойдет до состояния коллапса, а первые шаги к свободному рынку одновременно породят феномен нового российского рэкета и бандитизма.

В ноябре 1986 года был сделан первый за 65 лет (со времен НЭПа) шаг к свободному рынку — в СССР был принят *Закон об индивидуальной трудовой деятельности*. В 1988 году появился *Закон о кооперации в СССР*, а чуть раньше — *Закон о госпредприятии (объединении)*. На рынок хлынула продукция частников, а госпредприятия были переведены на хозрасчет и получили право создавать совместные предприятия (СП) с иностранцами. Новыми персонажами советской действительности стали *спекулянты, барыги, кооператоры, лоточники*. Местом сколачивания первых капиталов стали городские рынки. На рынках царил «закон джунглей» — государство просмотрело зарождение там капитализма, первых рыночных сделок и первой капитализации. Никто не занимался защитой новой частной собственности и первых контрактов, и тогда этим занялись бандиты — рэкетеры, предложившие (точнее, грубо, физической силой и запугиванием навязавшие) «коммерсантам» свою «крышу». Расцвет бандитизма стал одним из непредвиденных последствий радикальных перемен в СССР на закате его существования.

В своей новой книге «Наедине с собой» Михаил Горбачев еще раз подробно рассказывает о замысле и ходе перестройки, отвечает на главные вопросы своей и страны жизни: что задумывалось, что получилось, что нет и почему?

Книга очень хороша в том числе и потому, что это *самая личная книга Горбачева*. Вся она — признание в любви Раисе. Рассказ о любимой женщине, самом близком друге, любимой жене и самом верном политическом соратнике — самая щемящая нота во всей книге. На обложке за спиной Горбачева — портрет Раисы Максимовны, они были и остаются всегда вместе.

«Наедине с собой» — своего рода исповедь Горбачева. Он рассказывает о своем детстве, родном селе Привольном на Ставрополье, о родителях, деде и бабушке. О довоенном детстве, коллективизации и репрессиях. О жизни в оккупации под немцами. О работе на комбайне с отцом и поступлении в МГУ. О первой встрече с Раисой и влюбленности. Об учебе на юрфаке МГУ и возвращении в родной Ставрополь. О начале политической карьеры (в комсомоле). О впечатлениях от XX съезда КПСС и речи Хрущева с разоблачением сталинских репрессий и культа личности. При этом личные воспоминания и переживания точно сочетаются с политическими обобщениями, характеристиками людей и целых эпох.

Вот, например, его краткая и точная характеристика Никиты Хрущева и его преобразований. У Хрущева были ошибки, но «*заслуги его настолько*

значительны, что они перевешивают его ошибки. Он положил начало борьбе со сталинизмом, настойчиво продвигал политику мирного сосуществования, осуществил реабилитацию миллионов невинно репрессированных людей, отменил сталинские решения о выселении в Сибирь целых народов». Именно при Хрущеве сформировались прогрессивные политические взгляды Горбачева, а сам он себя последовательно относит к знаменитому поколению «шестидесятников».

Горбачев подробно описывает свое восхождение на вершину власти. Главную роль здесь сыграли его энергия и работоспособность, то, что он был на поколение моложе членов брежневского политбюро, нуждавшегося в притоке свежей крови и свежих идей. И, конечно, ключевую роль сыграл Юрий Андропов, последовательно выдвигавший Горбачева на первые роли.

Горбачев стал генсеком ЦК КПСС в обстановке полного морального и политического краха режима кремлевской геронтократии, после смерти целой группы престарелых руководителей, включая трех генсеков (Брежнева, Андропова и Черненко), когда кризис и остановка советской экономики стали очевидными для всех. У него оказалось достаточно политической воли и воображения, чтобы немедленно приступить к решительным преобразованиям. Он получил безоговорочную поддержку в ЦК и огромную популярность в народе. *Перестройка, ускорение, гласность, новое мышление* — стали ключевыми понятиями новой эпохи. На всех этапах именно лично Горбачев выступал инициатором и главным мотором всех преобразований. Однако обстоятельства и его собственные ошибки нанесли смертельные удары по перестройке и по самому СССР.

26 апреля 1986 года взорвалась Чернобыльская АЭС, что стало крупнейшей катастрофой в истории мирного атома. Пришлось переселять 135 тысяч человек и выделять огромные средства на преодоление последствий аварии. Потом последовало резкое падение цен на нефть, доходы от экспорта которой сократились на две трети. Одновременно был принят дорогостоящий план перевооружения промышленности («ускорение») и не менее дорогостоящее решение о повышении зарплат и пенсий. Доходы населения были резко повышены, а экономика в 1988 году практически снова остановилась. Возник огромный разрыв между объемом денег у населения и предложением товаров и услуг, отсюда — всеобщий дефицит и очереди за всем.

Горбачев честно пишет, что в этой ситуации нарастающего экономического кризиса он не смог принять необходимых решений по повышению цен, сокращению военных расходов, замораживанию ряда дорогостоящих социальных программ.

Это ускорило коллапс советской экономики. Михаил Сергеевич рассказывал мне, что в 1986 году состоялось историческое заседание политбюро, на котором столкнулись позиции секретаря ЦК по эконо-

мике Николая Слюнькова и предсовмина СССР Николая Рыжкова. Первый предлагал жесткие меры по стабилизации экономики и финансов за счет сокращения в том числе и военных расходов, всемерной экономии и повышения цен. Второй предлагал ничего не сокращать и сделать ставку на заимствования. Горбачев принял сторону второго, что стало роковой для него и для всего политического режима ошибкой. Сегодня он это ясно понимает и пишет об этом в книге.

На фоне нарастающих трудностей в экономике доверие к лидеру перестройки быстро упало, а сам он и его курс были атакованы со стороны радикальной демократической оппозиции во главе с Ельциным и реакционерами из старого партаппарата. Первые взяли курс на выход России из состава СССР и устранение Горбачева от власти этим путем. А вторые организовали путч августа 1991 года, ставший для СССР смертельной инъекцией.

Формально перестройка продолжалась всего шесть лет и потерпела поражение. В конце 1991 года Горбачев покинул пост президента СССР, а сам СССР прекратил существование, на его территории образовались 15 независимых государств. Однако сам лидер перестройки категорически не согласен с такой широко распространенной упрощенной оценкой событий.

Горбачев до последнего пытался спасти Союз, вплоть до ноября 1991 года предпринимая усилия по подготовке и подписанию Союзного договора. Ключевую роль в провале этого проекта сыграла Россия: лидер Казахстана Назарбаев писал тогда, что *«без России не было бы Беловежского документа, без России не распался бы Союз»*.

Говоря об ошибках своих и соратников по перестройке, Горбачев выделяет две основные — недостаточно решительное реформирование КПСС и Советского государства и грубые просчеты в экономике — неспособность принять своевременные и решительные меры по сбалансированию финансов и рынков в конце 80-х годов. И то и другое подорвало его власть и открыло дорогу сильной оппозиции слева и справа — и к двум, как он пишет, фатальным для перестройки и для страны *госпереворотам* (августовский путч и декабрьское соглашение в Беловежской пуше в 1991 году).

В то же время перестройку следует оценивать не по судьбе ее лидера и даже не по судьбе СССР, *«а по масштабам того поворота, которым она стала в многовековой истории России, и по ее последствиям для всего мира»*. Такой подход Горбачева вряд ли поддержит большинство наших соотечественников, многие из которых продолжают обвинять его в *«умышленном развале, слабости»* и прочих тяжких грехах. Но такой подход справедлив. Горбачев прав, когда пишет о том, что перестройка была ответом на реальные вызовы находящегося в глубоком кризисе Советского Союза и дала импульсы, глубоко изменившие весь мир.

Перестройка вернула страну на арену глубокого международного сотрудничества, кардинально улучшила отношение к СССР во всем мире. Лидеры перестройки *«дали свободу, гласность, политический плюрализм, дали демократию»*. Сделали человека свободным. *«Дали*

возможность выбора в условиях гражданской свободы, свободы совести, мысли и слова». Была отменена монополия на власть одной партии, монополия одной идеологии. Было покончено со сталинщиной, политическими репрессиями. Сотни тысяч людей были полностью реабилитированы. Переход к свободе был осуществлен практически бескровно в отличие, например, от Югославии.

Была запрещена цензура, обеспечена реальная свобода собраний и митингов, свободная регистрация политических партий и профсоюзов, проведены первые свободные выборы, началось восстановление парламентаризма. Впервые граждане СССР получили право свободного выезда из страны. Горбачев особо подчеркивает **необратимый характер** всех этих перемен. Это означает, что глубокий откат, который пережила и переживает Россия, почти утратившая все достижения перестройки, является временным, и ростки свободы, появившиеся благодаря перестройке, затоптать уже не удастся.

Необратимым стало движение к рынку и открытой экономике, начатое тогда же.

Огромная историческая заслуга Горбачева — принципиально новая внешняя политика, окончание холодной войны. Произошло глобальное сокращение вооружений — ядерных и обычных. Практически до нуля снизилась вероятность мировой войны.

«По-своему перестройка была историческим подвигом: ведь советское общество освободилось от тоталитаризма своими силами и открыло путь к свободе и демократии другим странам и народам». Люди по-прежнему пользуются ее завоеваниями, прежде всего в области гражданских прав и свобод. Перестройка необратимо изменила и международные отношения — сняв глобальную конфронтацию и открыв многообразные пути к международному сотрудничеству. Горбачевское «новое мышление» победило, даже если политики не осознают этого.

Горбачев не несет ответственности за то, что последовало после его отставки. Он резко критически относится к ельцинскому периоду истории страны и к тому, что в последние годы делает Путин. Его идеал по-прежнему европейская социал-демократия, модель демократического, рыночного и социального государства, глубоко интегрированного в мир. Он не оставляет усилий по консолидации демократических сил страны.

По данным опроса Левада-центра 2011 года, 38% россиян относятся к Горбачеву отрицательно, только 14% положительно, а 41% — нейтрально. Но перестройка и Горбачев необратимо изменили страну и весь мир — и в лучшую сторону. С каждым годом, уносящим нас все дальше от перестройки, от мартовского 1985 года пленума ЦК КПСС, на котором Горбачев стал лидером СССР, это будут понимать все больше людей.

Я был на презентации Горбачевым книги «Наедине с собой». Магазин не вместил всех желающих, а очередь за автографами растянулась на несколько часов. Похоже, в стране идет переосмысление значения перестройки.

Макулатура. Бесполезная власть итальянских журналистов*

Джампаоло Панса, итальянский журналист

Подчиняться командиру

Важно быть настойчивым и удачливым. Моя учительница была права, я это понял, когда поступил практикантом в газету «*Стампа*». Как это мне удалось? Способом, который показался бы нереальным нынешнему молодому человеку, намеренному стать сотрудником крупной газеты, не проблуждав целую вечность в поисках выхода из лабиринта.

Мой путь был прямой, прямее некуда. Первый шаг я сделал летом 1959 года по окончании курса политических наук в Туринском университете — защитил дипломную работу по современной истории, о партизанском движении в районе Генуи — По. Дипломная работа насчитывала около тысячи страниц и заняла у меня более двух лет. Мне поставили высший балл с отличием, то есть с плюсом, и рекомендовали работу для публикации.

В ноябре 1960-го я вместе с Массимо Сальвадори получил премию имени Луиджи Эйнауди. Вручал ее бывший президент республики собственной персоной, на торжественной церемонии в Дальяно. Потом подоспела неожиданная встреча с Джулио Де Бенедетти, в просторечье ДДБ, главным редактором *Стампы*. Ее устроил один из моих учителей, незабвенный Галанте Гарроне, обозреватель газеты.

После десятиминутной беседы ДДБ зачислил меня в штат, говоря, что и впредь намерен брать в свою газету блестящих выпускников университета. Так и сказал — «блестящих». 1 января 1961 года я с бьющимся сердцем переступил порог *Стампы*. Мне было 25 лет.

И сразу же я был поставлен перед необходимостью принять основной принцип любой коллективной работы — единоначалие, принцип, принятый во всем мире и воплощающийся каждый раз в человеке, которого ты должен слушаться и уважать, в командире, вышестоящем лице, первом номере. В моем случае это был старший редактор Риккардо Джордано. Мне сказали, что по образованию он инженер и что в 1937-м, когда ему было 29 лет, работал в *Gazzetta del popolo* (*Газета народа*), второй крупной туринской газете. После войны он создал *G.L.* (*Справедливость и свобода*), орган местного отделения Партии действия. В 1946-м после закрытия *G.L.* — она оказалась недолговечной — Джордано вместе с Карло Казаленью перешел в *Стампу*.

Сегодня в крупных многостраничных газетах, подразделенных на множество отделов, старших редакторов несколько. Часто их путают с заместителями главного редактора и с соредактором. Таким образом, власть разделяется, и

* Giampaolo Pansa. *Carta straccia. Il potere inutile dei giornalisti italiani*. — Milano: Rizzoli, 2011. — 522 p. Публикуются два отрывка из этой книги.

трудно понять, кто важнее. Неделимой остается лишь власть главного редактора.

В начале 60-х годов газеты были еще тонкие; только в 1963 году *Стампа* стала выходить на двадцати четырех страницах. Старший редактор не делил свою власть ни с кем. Он был вторым человеком в газете, и, кроме главного, никто не мог его потеснить.

Значит, человек, вызвавший меня в тот новогодний день, был настоящий командир. Он выглядел соответственно: 53 года, сухопарый брюнет, вежливый, но без сюсюканья. Вместо пиджака на нем был черный шерстяной жакет. Для тех, кто имел дело с “маркой” типографией, черный цвет был обязателен. Помню, в зубах он держал выдавший виды, то есть сильно обкуранный, белый мундштук из слоновой кости. Он принял меня, стоя за письменным столом, в помещении, где сидели редакторы главных отделов: внутренних дел, провинций, иностранных дел и экономики. Ему было сподручно наблюдать оттуда за работой подчиненных. Ничего и никого не упускающим из вида командиром предстал он передо мной.

Отдел городской хроники и спортивный отдел, каждый со своим начальником, располагались в отдельных помещениях. Оформительский отдел состоял из одного сотрудника, сидевшего справа от Джордано. Литературный отдел — «третью полосу» — возглавлял Карло Казаленьо, он ютился в комнатенке в коридоре дирекции. Там же сидели корректоры.

Первая беседа с Джордано запечатлелась в моей памяти, как «отче наш». Он сказал мне: «Стало быть, ты выпускник университета, награжденный премией Эйнауди. Мне известно, что студентом ты работал в еженедельнике своего города *Иль Монферрато*,

которым руководил наш корреспондент в Казале Марио Верда. Мне известно также, что ты показал себя человеком работоспособным и расторопным. Но у нас здесь совсем другой коленкор».

И он стал объяснять мне, каков был этот «коленкор». «Начнем с того, что твой рабочий день длинноват — с двух часов дня до двух ночи. Бери с собой поесть, столовой здесь у нас нет. Первые два года отпуска у тебя не будет, но его будут оплачивать. Я решил поручить тебе провинцию — сводку без политических новостей. А теперь дай мне свои часы!»

Часы у меня были простенькие, отец выиграл их на конкурсе ликеров. Я удивился, снял и вручил их своему начальнику. Он перевел стрелку на четверть часа вперед, объяснив: «У нас на четверть часа вперед идут даже стенные часы, благодаря этому мы заканчиваем вовремя и не опаздываем на поезд».

Я скоро понял, что «не опаздывать на поезд» — девиз редакции. В то время телепередачи еще не было, у газет был один отправной пункт — типография. Из типографии тиражи поступали в газетные киоски всей страны. Свежие газеты пачками доставлялись по железной дороге. Но поезда ходят по расписанию, и опоздание означало бы катастрофу. Кроме того, Турин расположен на северо-западе Италии, то есть по отношению к миланским газетам в невыгодном положении. В Милан *Стампа* прибывала в автофургонах на миланский центральный вокзал, откуда отправляются поезда в центральную и южную Италию. Водители фургонов были лихие ребята; любая заваруха, включая туман и снег, им была нипочем. Мне рассказали про одного из них. Этот бесстрашный парень приспособил к своему фургону — прикрепил к небольшой крестовидной стойке —

вторую пару фар. Перед выездом на миланское шоссе он зажигал эти дополнительные фары и мчался во весь опор. В то время шоссе Милан — Турин имело две полосы плюс одну для обгона. Это было самое опасное шоссе в Италии, недаром прозванное «дорогой смерти». Наш водитель — назовем его Энцо — ездил всегда по этой третьей полосе, и пачки со *Стампой* прибывали к поездам южного направления точно по расписанию.

Но однажды ночью — стоял густой туман — стряслась беда. Грузовик, шедший из Милана и тоже по полосе обгона, не посторонился. Произошло чудовищное столкновение. У Энцо снесло череп. Он выжил только благодаря тому, что в нем принял участие Аньелли* — послал в Швецию оперироваться у знаменитого нейрохирурга Херберта Олавскрона. За счет ФИАТа. Энцо спасли. Он вернулся в Турин с новой черепной коробкой и в новой должности курьера Турин — Милан и обратно, но теперь он ездил поездом и всем рассказывал о своем приключении. Ему грозила не только смерть, в результате травмы черепа ему грозил сумасшедший дом. «Господь Бог и Аньелли решили, что мне еще не пора играть в тряпичные кегли». По словам Энцо, в такие кегли играли в больнице психи.

Он каждый вечер заглядывал к нам в редакцию, приносил последний выпуск миланского *Курьера информации*. Обходил все столы и с полууважительной — полуиронической улыбкой протягивал газету. Обнаружив мое присутствие и поняв, что я и есть «тот самый новичок», проникся ко мне симпатией и задерживался поболтать. Иной раз просто так, из вежливости. Но когда

был не в духе, надо было его выслушать с вниманием, потому что он изрекал ценные сведения. Однажды вечером он мне шепнул: «Осторожно!»

Большой начальник у нас тут не Джордано, а Канья, фактический хозяин типографии. Все зависит от него».

Так я обнаружил еще одно начальство, укоренившееся в центре газеты: то был Доменико Канья — наборщик, начальник типографии. От него зависел конечный успех нашей работы, превращение каждой нашей машинописной строки в свинцовые строчки, призванные заполнить газетные полосы. В его распоряжении было целое войско в черных халатах: линотипистов, заголовщиков, наборщиков. Первые превращали слова в металлические буквы, а вторые изготавливали, тоже из свинца, заголовки. Наконец, все это в установленном старшим редактором порядке укладывалось в матрицу. Это были рабочие-печатники с самым выгодным трудовым соглашением. Канья объяснял, почему: «Мы — сливки рабочего класса, первыми научились читать и писать».

Я никогда не задавался вопросом, в каком типографские рабочие состоят профсоюзе. И никогда не слышал, чтобы они говорили о политике. Может, и говорили, но не при журналистах. Считали нас товарищами по работе, которых надо держать на некотором расстоянии и с которыми обращаться по-товарищески, но не слишком. С молодыми, такими как я, они разговаривали чуть насмешливо, видимо, желая сначала удостовериться, кто ты — папенькин сынок, взятый по рекомендации какого-нибудь фиатовского босса, или трудяга.

Я заручился их расположением благодаря обязанности, возложенной на

---

* Джанни Аньелли (1921–2003), итальянский предприниматель, главный акционер и исполнительный директор концерна «Фиат».

меня сразу после поступления в газету. С каждой готовой полосы делались две верстки, одна — на просмотр главному редактору, вторая — для немедленной проверки; целью этой проверки было удостовериться, что заголовок не смещен, поставлен правильно. Ведь верстали вручную, не исключались огрехи. Вот почему проверка требовалась скорая, до того как верстка номер один попадет к главному.

Контроль поручался новому работнику, чтобы он сразу понял, что за письменным столом его обязанности не исчерпываются. До меня это поручение получил Лука Бернарделли, которого ожидала долгая карьера в *Стампе*. Потом наступил мой черед. Я выполнял поручение с педантичной дотошностью. Прежде всего, чтобы доказать, что я не мямля и не дурак. И, во-вторых, из боязни, как бы не сплеховать при выполнении первого же деликатного задания. Когда я находил ошибку, а я за первые три года в *Стампе* выловил их порядочно, меня благодарили поднятием стакана с молоком. Молоко давали линотипистам. Им полагалось выпивать пол-литра за вечер, для профилактики «свинцовых» заболеваний. Но они молока не пили.

Другим непререкаемым начальством был заведующий отделом городской хроники Ферруччо Борио. Ему приходилось держать первую линию обороны против конкурента — туринской *Газеты народа*. Так же как Джордано и Казаленьо, он пришел из *G.L.* и в 1946 году, в 24 года, стал руководить хроникой. Де Бенедетти сам его нашел и считал экстра-классным работником, человеком твердой руки, способным успешно воевать на важнейшем туринском газетном рынке. Главный не скрывал, что видит в Борио и его команде главную опору газеты. Он исходил из того, что каждая газета,

включая самые влиятельные, продает минимум треть тиража благодаря материалам городской хроники, а потому ее надо делать с максимальной добросовестностью, не жалея сил.

Именно в отделе хроники появилась в *Стампе* первая женщина — Габриэлла Поли. Ей было 25 лет, она пришла из туринской социалистической газеты *Sempre avanti!* (*Всегда вперед!*). Решение взять ее ДДБ принял молниеносно, и оно оказалось удачным. Вот что Поли писала Патриции Каррано: «Я явилась к Де Бенедетти 2 июня 1955-го без всякого поручительства. Он сказал: у нас редакция мужская, ты будешь первой. И добавил: чего ты стоишь, я не знаю, возьму на испытательный срок».

Испытание было выдержано на отлично, и Габриэлла стала заместительницей Борио. Это была миниатюрная женщина с твердым характером, безупречный профессионал, она командовала сплошь мужским отделом хроники и пользовалась большим авторитетом.

Да и сам Борио был жестким начальником. Требовал, чтобы репортеры добывали сведения из первых рук, чтобы исключались опровержения и поправки, а главное, чтобы язык сообщений был ясным, доступным простым людям любого возраста. Это было неукоснительным правилом, основанным также на железном указании главного обслуживать туринский газетный рынок с не меньшей тщательностью, чем, скажем, Совет министров. Успех отдела хроники, возглавляемого Борио, получал необычайный резонанс благодаря знаменитому *Зеркалу эпохи* — отделу писем. Борио следил за ним лично, под контролем главного редактора. Он еще и поэтому просиживал в редакции до одиннадцати-двенадцати часов, никогда не уходил раньше двух ночи, пока не подписывал последний туринский выпуск.

Эдуардо Чильида. Форма. 1984

Пьемонтским левым его полосы не нравились, еще меньше нравилось им *Зеркало эпохи*. Хронику совершенно необоснованно обвиняли в подхалимстве перед ФИАТом — владельцем *Стампы*. Отдел писем обвиняли в популизме и слезливой жалостливости. Но Борю не обращал внимания на нападки, считал их свидетельством того, что коммунисты и социалисты ни черта не смыслили в туринской обстановке, и преспокойно продолжал делать свое дело — отображал глубокие преобразования города, начиная с массовой южной иммиграции вплоть до

событий 1968 года и возникновения терроризма.

Он был закаленный профессионал, мастер, не успокаивавшийся на достигнутом. Он проработал во главе отдела хроники тридцать один год, до 1977-го, потом руководил областными газетами, включая *Газету народа*, его всегдашнюю противницу. Умер Борю в ноябре 2009 года, в 87 лет, когда его родной город, вся Италия изменились до неузнаваемости.

Ближайшее ко мне и благотворное руководство было представлено начальником службы. Я уже говорил,

что мне поручили заниматься провинцией. Первым номером там был Бруно Маркьяро, опытный журналист тридцати девяти лет, начинавший в туринской *Уните*. Он был партизаном в бригаде имени Гарибальди в районе Кунео и так и остался коммунистом. Во время гражданской войны он столкнулся со своим двоюродным братом, воевавшим в бригаде чернорубашечников. Их история — наглядный пример того, как сложна была военная ситуация и как раскалывались на враждующие стороны семьи. Брат-фашист уцелел, попал в апулийский концлагерь. Вернувшись домой, он тоже решил стать журналистом. И где же? Все в той же *Стампе*, как спецкор газеты в пьемонтском городе Алессандрии. В редакции никто, кроме его двоюродного брата, о его фашистском прошлом не знал. Впрочем, если бы дознался, ничего бы не случилось, он уже входил в большую семью *Стампы*.

Бывший партизан Маркьяро был благодушный начальник. Он мне сразу сказал, что при всем моем высшем образовании я должен овладеть новой профессией, профессией литсотрудника. На протяжении нескольких месяцев он учил меня ремеслу и составлению заголовков — пока к непошедшим материалам. К концу рабочего дня он усаживал меня рядом с собой — просматривать то, что я сделал, объяснял, где я ошибся и как ошибку поправить. Наконец, настал день, когда я должен был сам написать материал для печати. «Победа!» — мысленно сказал я себе.

Это к сведению молодых журналистов, полагающих, что они могут свою статью поставить на первую полосу сразу, с места в карьер. Ни у кого из нас не было такого замаха, такой рискованной амбиции. У нас было обязательно

начинать с азов, с мелких постепенных шагов, по-скромному, до смерти боясь ошибиться. И с уверенностью, что ошибка, даже самая незначительная, не укроется от контроля, а в противном случае ляжет пятном на твою профессиональную биографию.

Первый контроль осуществлял редактор, просматривавший материал для печати. Никакого различия между заметкой и настоящей статьей не проводилось. И та и другая требовали максимального внимания. Второй контроль производил начальник службы. В его подчинении находилась бригада из трех человек. Они успевали прочесть все, что мы заготавливали. От Маркьяро ничто не ускользало. Мы за это его уважали и благодарили.

Третий контроль возлагался на корректоров. В те годы корректорский отдел был укомплектован плотно, был высокопрофессионален и уважаем. Корректоры считали себя в некотором смысле нашими сторожами. Проверяли материал в темпе, вовремя, и были в состоянии исправить любую нашу ошибку.

Четвертый контроль производился по выходе газеты. У нас не полагалось оставлять рабочее место, не просмотрев первого выпуска *Стампы*, появившегося из ротационной машины после двенадцати ночи, вслед за чем с еще необсохшей краской, пачкавшей руки, экземпляры ложились на наши столы. Я вспоминаю эту минуту как волшебную. Мне запомнились слова Итало Пьетры, главного редактора миланской *Джорно*, второй газеты моего послужного списка. Оглядывая нас, молодежь, он над нами подтрунивал. «Для вас черная краска — на заре сказка». Но эта сказка требовала полной отдачи, большого труда.

Получив экземпляр только что вышедшей газеты, ты должен был перечитать

написанные тобой статьи, чтобы ухватить ошибки, ускользнувшие от контроля. После чего приняться за полученный по обмену первый экземпляр *Газеты народа*, с опасением, что укрывшиеся от нас новости у нашего конкурента опубликованы.

Существовал, наконец, последний контроль, тоже производившийся после выхода газеты. В *Стампе* у Де Бенедетти имелся отдел, окруженный тайной, состоявший из двух так называемых ревизоров, двух редакторов на пенсии, выполнявших особое задание. Они должны были прочитать *Стампу* от начала до конца и сравнить ее с *Газетой народа* и с *Коррьере делла сера*, первой итальянской газетой, также по качеству.

Ревизоры приступали к делу на заре и трудились до позднего утра, после чего составляли рапорт главному редактору, указывая на ошибки и «дыры», то есть нехватку важных сведений, в других газетах имевшихся. По получении рапорта главным на 13.00 назначалось совещание при участии начальников служб и старшего редактора. Если перечень ошибок был долог, грозили неприятности; если же не содержал ничего особенного, обходилось.

Какой абсурд! — скажут сегодня, когда работа делается кое-как, причем не только в газетах. А тогда в редакциях газет, больших и малых, мы жили в страхе допустить ошибку. Опровержение, если оно было обоснованным, считалось хуже привлечения к суду. Допущенная ошибка могла повредить доброму имени любой газеты и иметь тяжелые последствия.

Припоминаю такой случай. Однажды вечером из *Газеты народа* мы узнали, что близ Мондови, на шоссе, ведущем в Турин, произошла жуткая автомобильная катастрофа с четырьмя жерт-

вами. У нас этого сообщения не было, в то время как *Газета народа* дала подробный отчет с четырьмя фотографиями погибших. После двенадцати ночи Маркьяро позвонил нашему корреспонденту в Мондови. Он спал. Его ответы так возмутили Маркьяро, что он тут же, не сходя с места, его уволил. Кстати, тот журналистику не бросил, занялся политикой и стал крупной фигурой Либеральной партии, а позже министром. Журналистика способна вывезти куда хочешь.

Но то были другие времена. Сегодня газеты полным-полны ошибок. Что я сейчас и докажу.

За ошибки не платят

Вот уже много лет я читаю не менее одиннадцати газет в день и каждый раз обнаруживаю ошибки. Иногда сам, иногда благодаря отделу писем, где газеты — не все — ставят в известность читателей о своих промахах. С появлением компьютера и Интернета ошибки умножились — из-за спешки, а часто по неустановленной и необнаруженной причине.

Насчет Интернета, признаюсь, я профан. Не сижу в нем, не имею блога и не посылаю имейлов. Без Аделе Гризенди я не знал бы, как передать издателю свои статьи или книгу. Наводить справки для меня утомительно, поэтому я не пользуюсь Википедией. Более того, я ей не доверяю. По-моему, это скопище выдуманных или ошибочных сведений, где каждому предоставляется возможность ошибки приумножить. Не хочу быть несправедливым к нынешним журналистам, но хотелось бы знать, сколько из них считают Интернет голосом истины, более авторитетным и достойным доверия, чем просто прекрасные книги, напечатанные на бумаге. Пусть меня считают

одним из последних динозавров на планете информации, пусть так, но я этим горжусь.

Раньше было лучше? Вспоминаю первые десятилетия своей журналистской работы, и мне приходят в голову по крайней мере две преграды-барьера ошибкам. Первая — это страх впасть в ошибку. Как я уже говорил, главные редакторы крупных газет по отношению к рассеянным и некультурным редакторам были неумолимы. Вторым барьером была пишущая машинка, обязывавшая продумывать текст спокойнее и тем самым грубых ошибок избегать. Но и тогда журналисты не были сверхчеловеками, тоже ошибались, и уйти от суда читателей не было никакой возможности. Неприемлема была и самозащита, основанная на саркастическом замечании Лео Лонганези: «Хороший журналист — это журналист, хорошо рассказывающий то, чего он не знает». От обоснованных опровержений и от вынужденного признания ошибок все открещивались.

В ноябре 2006 года появился угрожающий «Каталог 2» журналистских ошибок, составленный Мауро делла Порта Раффо, которого Джулиано Феррара окрестил «великим педантом». Его книжка называется *Десять лет педантизма* (издательство Арес).

Автор взял под обстрел ни много ни мало пятьдесят девять журналистов и интеллектуалов, названных «великими». «Великий педант» не обнаружил у меня ошибок; может потому, что не счел меня «великим». Оба варианта меня вполне устраивают.

В каталоге взят довольно долгий срок — десятилетие с 1996 по 2006 год. Ознакомившись с ним, я подумал, что он по сей день может служить обязательным пособием для школ журналистики, так как порок, обли-

чаемый «великим педантом», не исчез, а с невероятной скоростью множится.

Я убедился в этом, когда задумал писать *Макулатуру* и начал составлять свою личную коллекцию ошибок, допущенных газетами в течение 2010 года и в начале 2011-го. Некоторые были совершенно не постижимыми. Так, президента республики назвали Оскаром Луиджи Наполитано, несусветно смешав бывшего президента республики с нынешним. Другие ошибки касались моих книг. *Октябрь, прощай*, эссе об ИКП (*Ottobre addio. Viaggio fra i comunisti italiani*. — Milano: A. Mondadori, 1982) превратился в *Красный октябрь*, а в другом месте почему-то в *Горячий октябрь. Кровь побежденных* (*Il sangue dei vinti*. — Milano: Sperling & Kupfer, 2003) превратилась в *Кровь победителей, Ревизионист* (*Il revisionista*. — Milano: Rizzoli, 2009) стал *Реформистом*. Роман *Три зимы страха* был переименован в *Три зимы крови, Дорогие покойники* превратились в *Дорогих отличников*.

Эти «блохи» побуждали меня продолжать поиск. Сейчас мы увидим часть результатов. Я не всегда буду называть источник, чтобы не наскучить читателям окончательно и не предстать перед ними сволочью.

Начну с поправок и опровержений. В марте 2010-го социолог Лука Рикальди, обозреватель *Стампы*, обвинил Эудженио Скальфари в том, что он приписал ему два предложения, касавшиеся телефонного прослушивания. Рикальди заявил, что никогда этих предложений не делал. Более того, их не делал никто. Одним словом, Скальфари все выдумал. Мало того, он в своей воскресной передаче ни в чем не повинного Рикальди еще и высмеял. Вот как ответил ему Рикальди: «Скальфари

сделал вывод, что власть ударила мне в голову. Почему читатели газеты *Република*, обычно только ее и читающие, должны считать меня недоумком?».

Другие поправки были краткими, но тоже в самую точку. Откликаясь на передовую Марко Травальо в его газете *Fatto quotidiano*, «Повседневный факт», Луиджи Бизиньяни писал: «Вопреки вашему ошибочному утверждению, у меня никогда не было своего кабинета в Совете министров». Тому же Травальо председатель комиссии по борьбе с мафией Джузеппе Пизани заявил: «Я никогда не состоял ни в ПЧ, ни в какой другой масонской ложе и никогда не был под следствием».

Настоящий рекорд *Република* поставила в своем номере от 22 октября 2010-го. Писатель Альберто Арбазино писал: «За все годы писательской деятельности, а мне сейчас за восемьдесят, я ни разу не получал, ни прямо ни косвенно, компенсации или гонорара за участие в культурной программе телевидения».

Редакция телепередачи *Porta a Porta* (*Дверь в дверь*) разъяснила, что модель дома в Аветрано, где была убита Сара Скацци, стоила не 20 000 евро, как утверждает *Република*, а немногим

больше десяти процентов этой суммы. Наконец, модельер Мариучча Манделли, известная под именем Криция, отрицала получение денег на строительство Resort K Club в Антимури. А главное, опровергала утверждение газеты, будто она была близка к социалисту Беттино Кракси, как не была близка ни к какому другому политическому деятелю.

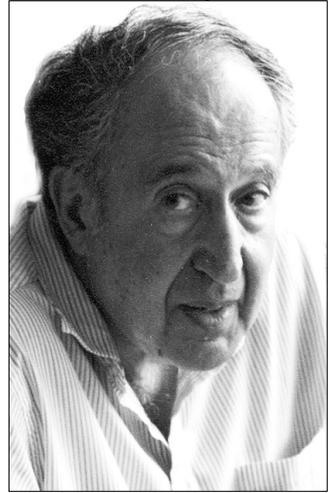
Опровержения сыпались градом. Профессор Тол, ученый из Дублина, отрицал свое авторство статьи, опубликованной под его именем в *Стампе*. Nokia заявила, что никаких увольнений среди 350 работников итальянского филиала фирмы не предвидится, что в действительности ни 120 и ни одному из них увольнение не грозит..

25 ноября 2011 года сенатор Марчелло Дель Утри прочитал в *Italia oggi* (Италия сегодня) заметку о том, в какую он попал переделку на одной из улиц Рима, «запруженной учащимися и карабинерами». В газете содержалось много подробностей, но вся штука в том, что в это время Дель Утри находился не в Риме, а в Милане.

Но хватит об ошибках, за которые не платят. Поговорим о тех, которые обходятся дорого...

Зная о том, что Ричард Пайнс, видный американский историк, вел в 1950-е годы во время поездки в СССР дневник (см. об этом его воспоминания «Я жил. Мему-ары непримкнувшего», изданные Школой в 2005 го-ду), мы решили с его разрешения опубликовать часть присланных им дневниковых записей.

Из дневников: весна 1957 года в СССР

*Ричард Пайнс,
американский историк*

В 1956–1957 академическом году я, тридцатитрехлетний преподаватель истории и литературы, получил в Гарварде творческий отпуск и отправился с женой и двумя маленькими детьми в Париж. Мое пребывание здесь оплачивалось Фондом Гутгенхайма. Находясь во Франции, я получил сообщение от Межуниверситетского комитета по грантам для зарубежных поездок о том, что у них есть возможность профинансировать визит в Советский Союз. Я подал заявку, получил визу и в апреле 1957-го отбыл из Парижа в Ленинград. Мое путешествие [по СССР] длилось тридцать дней, в течение которых я побывал в Ленинграде, Москве, Киеве, Одессе, Сочи и Тбилиси, откуда вернулся в Москву, чтобы затем съездить в Ташкент и Алма-Ату. В Москве и Тбилиси меня приглашали на встречи с советскими историками. Во время поездки я вел дневник, в котором фиксировал свои дела и впечатления. Нижеследующие заметки представляют собой выдержки из этого дневника.

[Ленинград]

Первое впечатление: город огромный, мрачный и полуразрушенный — даже в самом центре. Невский проспект просторнее и пустынее, чем мне представлялось. ...

Нигде нет ничего, напоминающего о Сталине. Ужасающая бедность и убогость; дух неустроенности. ... Повсюду в городе дети. Переживания захлестнули меня в Летнем саду — что они сделали с Россией? Четыре десятилетия нескончаемой вульгаризации, и ни малейшей надежды на улучшение в будущем. Проблема: отсутствие в обществе праздно-

го класса, на который можно было бы равняться остальным. Ситуацию могла бы поправить новая вестернизация, но она означает американизацию.

[Москва]

В Москве дела обстоят значительно лучше, чем в Ленинграде: люди лучше одеты, магазинные полки не так пусты, движение на улицах оживленнее. А Ленинград — мертвый...

Прогуливался по улице Герцена. Увидел маленькую старую церковь, ныне заброшенную. Заглянул в путеводитель Бедекера 1912 года. Подошла старуха, спросила: «Какой номер ищите?».

— Хотел узнать, что это за здание.

— Это бывшая церковь.

— А как она называлась?

— Черт ее знает, — ответила со злобой. — Я этим не занималась. И ушла...

А как они грубы по отношению друг к другу! ...

Смотрят тебе в лицо, а потом — на ботинки...

Только чиновники и люди в форме выглядят самодовольными и уверенными в себе. Остальные люди мрачные, испуганные, подавленные...

С советскими историками невозможно говорить на одном языке. Они лгут и лгут, и эта ложь рождает «слепые зоны». Они воспринимают лишь 20 процентов реальности, а на все прочее закрывают глаза. Это «прочее» состоит из сплошных «исключений», «пережитков прошлого» и так далее. Между нами как будто стена...

Если вам хочется узнать, как общество относится к своим гражданам, посмотрите, как оно обращается со своими заключенными. Если вы желаете выяснить, каково приходится живым, поинтересуйтесь, что происходит с мертвыми. Я сделал и первое, и второе — и теперь знаю ответы.

Они *необычайно* болезненно реагируют на вопросы, касающиеся бюрократии, а также на малейшие предположения о том, что эта проблема в Советском Союзе вообще существует. ...

Русских оскорбляет малейшее проявление легкомыслия в вопросах, которые здесь считаются серьезными; власть, наука и основные общественные институты в их глазах обладают святостью. Следовательно, «ругать» их правительство — серьезная ошибка. ...

О русских историках: а) непреложно верят в «закономерность»; б) на нашу «свободу» смотрят искоса; в) весьма негативно воспринимают любые сопоставления Советского Союза с царской Россией — на бывшую империю похожи именно Соединенные Штаты; г) непоследовательны, поскольку с уважением относятся к американской экономике. Никто не решился засмеяться, когда я, выступая в Институте истории Академии наук СССР, сказал, что мы нашли «ключ к решению экономических проблем». Мои слова были восприняты с полнейшей серьезностью.

Степень их веры в одну и единственную истину для нас просто непостижима; они подозревают, что мы тоже знаем их правду, но предпочитаем отрицать ее либо по глупости, либо из-за лицемерия.

Мы мыслим, исходя из наличия свободного выбора, а они ставят во главу угла покорность. Для них собственная страна — это большая семья, а не партнерство с ограниченной ответственностью участников...

В последнем акте пьесы Владимира Маяковского «Клоп», которую я смотрел в московском театре, кульминационным моментом является сцена, где герой узнает в сидящих в зале зрителях свою семью: зажигается свет, и он, выбегая в проход, восклицает: «Братцы! ... Чего ж я один в клетке? ... Родимые, братцы, пожалте ко мне!» Публика в зале нервно захихикала, а у меня даже слезы на глаза навернулись ...

Обветшалость строений и зданий в стране достигает той грани, за которой обычная постройка перестает быть собой, превращаясь в археологический памятник. Это уже не полуразрушенные здания — это настоящие руины ...

[Киев]

В этом городе удручает не столько свершившийся факт всеобщего уравнивания, сколько то, что это уравнивание производилось по низкой планке, а не по высокой...

[Из разговора с гидом]. «Почему [люди] смотрят на [мои] ботинки?» «Ваши — остроносые, а наши — с круглыми носами»...

Киев — ужасное захолустье: что-то вроде Корнинга, штат Нью-Йорк, только жизни на улицах еще меньше. Центр города в 11 часов вечера выглядит вымершим, а гостиница «Интурист» напоминает отель в городке с пятидесятысячным населением где-нибудь на Среднем Западе.

Пошел в музей взглянуть на монеты Киевской Руси (которых, как вчера сказал мне заместитель директора, у них около полутора тысяч). После недолгого осмотра к всеобщему стыду выяснилось, что в музее нет *ни одной* монеты, за исключением гривны, выставленной под стеклом.

[Одесса]

Общественное восприятие того, что морально, а что нет, исключительно важно для русских даже сегодня. Многие из них (если не большинство) считают, что, несмотря на все совершенные и совершаемые ошибки, они живут правильно. К молодежи, впрочем, это не относится...

Я хотел было съездить в близлежащий колхоз, но мне сказали, что там «грязно», «людей будете отвлекать» и «лучше сделать это осенью». А когда попросил показать хотя бы какие-нибудь новостройки, мне (откровенно) ответили, что в городе таковых нет. ...

Всего бюджета США за один или два года не хватило бы, чтобы поднять уровень жизни в этой стране до принятого в цивилизованном мире — особенно в том, что касается обеспечения жильем. Абсурд в том, что государство управляет *всеми* предприятиями, хотя с легкостью могло бы передать розничную торговлю и сферу услуг в руки

Кеннет Эрмтейдж. Модель двоевластия. 1957

коммерсантов-частников, ни на йоту не поступившись при этом своей властью и добившись положительных сдвигов в экономике.

Пожив немного в России, начинаешь постигать безмолвные механизмы взаимопонимания, используемые местными: намеки, взгляды, жесты — все то, что не проговаривается, но мгновенно понимается. Это особенно очевидно, когда бываешь в театре. А потом постепенно приходит понимание того, что невысказанное — это невероятные

страдания последних трех или четырех десятилетий, страдания настолько всеобъемлющие по своим последствиям, что каждый предпочитает спрятать его как можно глубже. О нем знают все, даже те, кто слишком молод, чтобы пережить его на собственном опыте, и потому оно вездесуще. Взгляд, с которым вы сталкиваетесь, принимая из рук незнакомца на улице невинное письмо, предназначенное для передачи его родственникам в Америку; тяжелый вздох соседа по театральной ложе, видящего, как героя пьесы выпускают из тюрьмы, и явно относящийся не только к тому, что происходит на сцене; признательность в глазах юноши, который надеется, что вы без лишних расспросов поможете ему с книгами, — все это странички одной трагической повести, которая, возможно, никогда не будет прочитана вслух. Но ее духом пропитан воздух, которым дышишь каждую минуту пребывания в Советском Союзе. ...

Я сейчас живу на Украине, но украинский язык слышал лишь *однажды*. Все, молодые и старые, чиновники и рабочие, неизменно говорят по-русски. Я поражен тем, насколько русифицированы города. Украинский язык здесь присутствует в той же мере, в какой кельтский заметен в Ирландии, — то есть исключительно на уличных вывесках. Это, однако, нисколько не мешает развитию национализма...

[Сочи]

В ресторане, где я делаю эти записи, из тридцати посетителей около половины китайцы. Их вездесущность и избыточная вежливость раздражают русских, как, впрочем, и меня. Но русские смеются над их манерой говорить, а я ловлю себя на мысли о том, что китайские бюрократы могут посещать подобные места, тогда как русские крестьяне и рабочие, чьим трудом все это создано, — нет.

Общее впечатление неплохое, но все какое-то безжизненное, до ужаса вульгарное и угнетающее. Растительность преимущественно северная, разбавленная небольшим количеством кипарисов и пальм. Все вокруг, включая лифты, «закрыто на ремонт».

Удивительно, насколько легко пробить панцирь лжи, в который прячутся местные жители при виде иностранца, и найти под ним нормального человека. Чаще всего под этой броней обнаруживается искренняя, радушная, немного меланхоличная натура, готовая откликнуться на доброту и прямоту. Покидая очередной город, где пробыл один или два дня, я чувствовал, что оставляю друга — моего гида, обычно молодого человека, студента, получившего эту работу благодаря своему знанию языков.

Стремление побывать за границей, во Франции или Америке, сложно постичь умом. У советских граждан это нечто большее, чем просто интерес к приобретению вещей и предметов быта. Это тоска по жизни, которой у них нет, по развлечениям, опрятности, многому другому, реальному и воображаемому, к чему они не имеют доступа.

Какой необыкновенный народ — верный, терпеливый, честный, дружелюбный, великодушный — и почему-то обреченный страдать

из-за неумения найти достойную форму власти. Возможно, это происходит из-за того, что они презирают частную собственность и все, что с ней связано, но без чего социальная жизнь невыносима. В наказание за это презрение здешняя власть вечно попадает в руки отпетых негодяев...

[На пути в Тбилиси]

Примечательно, насколько часто в СССР можно увидеть предающегося праздности мужчину, но праздную женщину — почти никогда...

[Тбилиси]

Всюду напоминания о Сталине — их здесь больше, чем где-либо. ... Проходя по площади Ленина, заметил недавно заделанные отверстия, очень похожие на пулевые. ... Здешние мужчины с южным темпераментом, чрезвычайно эмоциональны, что особенно проявляется в их общении с женщинами; но девушки совсем несимпатичные. Вокруг больше жизни: постоянно звучат музыка и песни, и это особенно заметно на фоне впечатлений от унылого севера. Бедность здесь более естественна и переносится легче.

Интересно, что в лучших отелях Киева, Одессы или Тбилиси нет свежего молока — только сгущенное. Зато масло отличное.

Никакого сомнения в том, что Тбилиси подлинно грузинский город. Грузины здесь истинные хозяева. А русские, особенно солдаты, раздражают, как заусенец на пальце.

Если прислушиваться к разговорам прохожих, то они почти всегда о деньгах, преимущественно о небольших суммах в 30, 40 рублей или около того.

[Москва]

Любое правило здесь можно нарушить, если у тебя хватит наглости. Многие старухи именно так и делают: например, они готовы проталкиваться в начало любой очереди. Постоянно ругаются между собой, особенно пожилые люди. «Вы некультурная, на вашем лице глупость» и в таком же духе. Их нервы всегда на пределе: еще бы, столько времени проводить в очередях. Молодые люди, само собой, более жизнерадостны.

[Алма-Ата]

За соседним столиком в ресторане отеля разгорается ссора. Раздражительность. «Грубиян, хам». «Хохол». «Вы православный?». Хватают друг друга за шею, но никаких кулаков. Чрезвычайно вульгарно! Где еще в мире можно такое увидеть?

Первое мая. В одиннадцать утра я встречаюсь с моим гидом. К нам подходит китайский офицер, но, услышав, что я американец, немедленно ретируется. «Вы боитесь китайцев?», — спрашиваю я. «Да, они слишком трудолюбивы и думают одинаково». Китайцы, кстати, удивляются тому, насколько низок уровень жизни в СССР..

Казахи одеваются, как русские. Их дети играют сообща, молодежь тоже в основном общается в группах. А вот стариков редко увидишь вместе. Если верить гиду, казахи ленивы, самоуверенны, заносчивы. На бытовом уровне межнациональные отношения ровные — нечего делить. Но казахи из высших слоев предпочитают общаться в своем кругу. «Без нас они ничего не могут, так и жили бы, как свиньи». Они никогда не отделятся.

Вечером пошел в театр, давали спектакль по казахскому эпосу. Превосходно: прирожденные актеры. Даже и не чувствуешь, что ты в театре. Зрители, особенно дети, плакали. Не похоже ни на Станиславского, ни на итальянскую оперу — по-настоящему живая вещь. Казахская театральная публика — самая восприимчивая в СССР.

В СССР контроль осуществляется не столько милицейскими, сколько экономическими методами. Правительство, контролируя практически все источники доходов, контролирует всех граждан. Ссориться с властями означает лишиться средств к существованию, а соглашаться с ними — значит улучшать свое благополучие. Это лишний раз подчеркивает, насколько важна частная собственность для сохранения свободы. [Эту идею я развил через сорок два года в книге «Собственность и свобода»*.]

[Ташкент]

Я думаю, что многие «перемещенные лица» из советских граждан, перебравшиеся на Запад (за исключением некоторых интеллектуалов), — это люди, опасавшиеся расстрела за то, что попали в плен или работали на немцев. Тяга к «свободе» не имела к их выбору никакого отношения: в большинстве своем они вообще не пользуются преимуществами, которые предлагает жизнь на Западе.

Местные жители в Узбекистане очень отличаются от русских — в Казахстане это не так. Там аборигены, не имея традиции оседлого жилища, начали строить для себя что-то вроде украинских хат из глины или дерева, побеленных и покрытых соломой. У них собственный, самобытный стиль.

[Я уехал из Ташкента в Афганистан 4 мая 1957 года]

За время моего пребывания в СССР я увидел достаточно грубости и дурных манер, но ни одного примера злобы или даже недоброжелательности.

*Перевод с английского
Андрея Захарова, Екатерины Захаровой*

---

* *Пайтс Р. Собственность и свобода. — М.: Московская школа политических исследований, 2000.*

CONTENTS

TO OUR READER

- Festival of Freedom
Elina Pechonova
Yuliya Schastlivtseva 5

SEMINAR

- Russia in a World of Change
Serguei Karaganov 7
 Discussion 15

THEME OF THE ISSUE

- Mass Media: Paradoxes
 of Modernization
Sylvie Kauffmann 22

A VIEWPOINT

- Vectors of Russia's Political System
Boris Makarenko 28
 "The Arab Spring":
 A Brief Summary
Leonid Isaev 36
 The Return of Faith:
 Secularization
 as a Reversibility 42
Andrei Zakharov

CIVIL SOCIETY

- Civil Education in the History
 of Western Philosophy
Alexander Sogomonov 48
 Global Civics
Hakan Altinay 56

IDEAS AND CONCEPTS

- Civil Culture and the Balance
 of Democratic System
Serguei Bol'shakov 64

HORIZONS OF UNDERSTANDING

- Here is the Dialectic...
Alexander Volkov 70

A SOCIOLOGICAL COMMENTARY

- Sociology for Russia
Leonid Sedov 76

ANNOUNCEMENT

- A Lost Decade
Vladislav Inozemtsev 81

BOOKS

- Totalitarianism for Export
Andrei Zakharov 94
 Regional Book Review
Yulia Lebedeva 96

COUNTERPOINT

- Vladimir Ryzhkov* 100

NOTA BENE

- «Pulp»
Giampaolo Pansa 108
 From a Diary: Spring of 1957
 in the USSR
Richard Pipes 117

СОДЕРЖАНИЕ журнала «Общая тетрадь» за 2012 г.

К читателю (№ 1, 2–3, 4)

СЕМИНАР

Караганов Сергей

Россия в мире перемен (№ 4)

Клювгант Вадим

Адвокатура в системе судопроизводства в России (№ 2–3)

Краснов Михаил

Желательные параметры российского государства (№ 2–3)

Пассоу Сэмюэль

Что может дать гражданскому обществу способность договариваться? (№ 1)

ТЕМА НОМЕРА

Зубаревич Наталья

Социальная дифференциация российского пространства (№ 2–3)

Круглый стол:

Концепция и модели гражданского образования в регионах России (№ 1)

Кофман Сильви

СМИ: парадоксы модернизации (№ 4)

Панкращенко Виктор

Демократия «на местах»: точки и пределы роста (№ 2–3)

ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ

Волков Александр

Спасение человечества — дело рук самого человечества (№ 2–3)

Панфилова Елена

Анатомия российской коррупции 2012 (№ 2–3)

ИДЕИ

Алтинай Хакан

Глобальная гражданственность (№ 1)

Коукер Кристофер

Сумерки Запада, или Конец уверенности (№ 1)

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Васильев Сергей

О социальной структуре общества и политическом развитии страны (№ 2–3)

Захаров Андрей

Возвращение веры: секуляризация как обратимый процесс (№ 4)

Исаев Леонид

«Арабская весна»: краткий конспект (№ 4)

Макаренко Борис

Векторы политической системы России (№ 4)

Минаков Михаил

«Цветные революции» в постсоветском мире: причины и последствия (№ 2–3)

Счастливецва Юлия

Эпоха «Лебединого озера» (№ 1)

ВЫБОРЫ

Захаров Андрей

«Негативная демократия» и выборы в России (№ 1)

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Анттонен Матти

Местное самоуправление — основа демократии (№ 1)

Храмцова Лилия

НКО и развитие социальной активности населения (№ 2–3)

ПРАВО И РЕЛИГИЯ

Штудниц Эрнст-Йорг фон

Человек между светским и божественным порядком (№ 1)

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Алтинай Хакан

Глобальная гражданственность (№ 4)

Горин Дмитрий
Дух свободы в несвободном обществе
(№ 1)

Согомонов Александр
Гражданское образование в истории
западной философии (№ 2–3, 4)

ИДЕИ И ПОНЯТИЯ

Большаков Сергей
Гражданская культура и баланс
демократической системы (№ 4)

ЖИЗНЬ В ПРОФЕССИИ

Морщакова Тамара
Адвокат Юрий Маркович Шмидт
(№ 2–3)

ГОРИЗОНТЫ ПОНИМАНИЯ

Волков Александр
Вот такая диалектика... (№ 4)

Кара-Мурза Алексей
Судьба либерализма в России (№ 1)

Крастев Иван
Дефицит будущего (№ 2–3)

МНЕНИЕ СОЦИОЛОГА

Седов Леонид
Социология для России (№ 4)

ШКОЛА: 20 ЛЕТ СПУСТЯ

Шмелева Светлана
О Московской школе
и ее выпускниках (№ 1)

НАШ АНОНС

Горин Дмитрий
Интеллектуалы и свобода (№ 2–3)

Иноземцев Владислав
Потерянное десятилетие (№ 4)

Хоскинг Джеффри
Доверие: деньги, рынки
и общество (№ 1)

КНИГИ

Захаров Андрей
Тихий гений (№ 1)

Захаров Андрей
Первая мировая как
российская авантюра? (№ 2–3)

Захаров Андрей
Тоталитаризм на экспорт (№ 4)

Лебедева Юлия
Печонова Элина
Шатохина Елена
Региональное книжное обозрение
(№ 1, 2–3, 4)

КОНТРАПУНКТ

Рыжков Владимир (№ 2–3, 4)

NOTA BENE

Гапоненков Алексей
Две парадигмы в контексте русской
мысли (№ 1)

Панса Джампаоло
Макулатура.
Бесполезная власть
итальянских журналистов
(№ 4)

Пайнс Ричард
Из дневников: весна 1957 года в СССР
(№ 4)

Солонищенко Владимир
Откуда берутся гении (№ 2–3)

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

ПРИОРИТЕТЫ ОБЩЕСТВА
И ШАНСЫ ОППОЗИЦИИ

СЕМИНАР

(Зеленогорск, 12–16 февраля 2013 г.)

Наши авторы:

Александр Архангельский

Сергей Большаков

Юлия Гранат

Александр Даниэль

Татьяна Кастуева-Жан

Андрей Захаров

Андрей Зубов

Владислав Иноземцев

Алексей Кара-Мурза

Алексей Макаркин

Владимир Рыжков

Александр Согомонов

Никита Соколов

Михаил Сульман

Максим Трудолюбов

Эрнст-Йорг фон Штудниц

Подписано в печать 1.04.2013.

Формат 70×108/16.

Усл.-печ. л. 8.0.

Тираж 999 экз.

Заказ №

Московская школа
политических исследований
127006 Москва,
Старопименовский пер., д. 11/6, строение 1
e-mail: mmps@mmps.su
<http://www.mmps.su>

ISBN 978-5-91734-036-4